

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 6 · № 6 · НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ · 2008

Содержание

Два кризиса и национальные интересы *Фёдор Лукьянов* 5

Сквозь призму прошлого

Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне
Джон Миршеймер 8

Те, кто полагает, что о вооруженных конфликтах между европейскими государствами сейчас не может быть и речи, а две мировые войны вытравили всяческие войны из Европы, смотрят на будущее с неоправданным оптимизмом.

Россия как империя и периферия *Доминик Ливен* 36

Глупо было бы воображать, что поведенческие схемы, проявлявшиеся в последние триста лет гегемонии Запада, обязательно будут воспроизводиться в совершенно ином глобальном контексте. Не говоря уже о возможных последствиях экологического кризиса.

XXI век и заветы Жана Монне *Стефан Шенерс* 47

Деловые круги стратегически заинтересованы в том, чтобы вносить свой вклад в инновационное сотрудничество России и Европы. Пригодится метод Жана Монне, предложившего поэтапно создавать на огромной территории пространство мира и всеобщего процветания.

Политические катаклизмы

От мегафона к микрофону? *Сэр Родерик Лайн* 64

Мир находится в слишком плохом состоянии, чтобы мы могли потакать своим предрассудкам и вражде. Слабость наших экономик была жестоко разоблачена. Никогда еще со времен Второй мировой войны необходимость объединиться и действовать сообща не была так велика.

- Внешняя политика: от постсоветской к российской**
Александр Лукин 78
 Если советская внешняя политика была основана на идеологической конфронтации с олицетворяемым Западом «миром империализма», а конечной ее целью было содействие его уничтожению, то под постсоветской внешней политикой следует понимать сохранение парадигмы исключительной роли взаимодействия с Западом при снятии радикальной цели его уничтожения.
- Новая Антанта** *Сергей Дубинин* 91
 Многополярность является для России не стратегической победой, а новым стратегическим вызовом: она несет в себе и многие риски, и «многие печали». Мир вступает в период пересмотра старых догм, перегруппировки существующих союзов и формирования новых альянсов.
- Парадигма 12 сентября** *Роберт Кейган* 103
 Следующая администрация США должна учиться на ошибках Буша, но не стесняться использовать силу для защиты американских ценностей. В мире по-прежнему будет сохраняться одна сверхдержава при наличии нескольких великих держав.

Азиатская головоломка

- Восточный закат Вашингтона**
Джеймс Лэйни, Джейсон Шеплен 122
 После 60 лет доминирования США баланс сил в Северо-Восточной Азии меняется. Америка переживает относительный упадок, Китай на подъеме, а Япония и Южная Корея на перепутье. Чтобы сохранять влияние в регионе, Вашингтон должен осознать тенденции, лежащие в основе переходного периода и взять на вооружение новые инструменты, способные укрепить политическую поддержку Соединенных Штатов.
- Прошлое как оружие** *Василий Головнин* 138
 Баланс мирового влияния явно смещается на Восток. Однако помимо обширных возможностей для роста и развития там присутствует и другой богатейший потенциал — межгосударственных конфликтов, самые древние из которых уходят корнями еще в период до начала новой эры.
- Южная Корея в поисках баланса**
Александр Воронцов, Олег Ревенко 151
 Нынешние власти Республики Корея публично называют предшествующий период «потерянным десятилетием». Сеул теперь исходит из убеждения, что его прошлые претензии на роль самостоятельного игрока в мировой политике, равно как и попытки проведения соответствующего внешнеполитического курса, обернулись лишь бесполезной растратой ресурсов.
- Растущий треугольник** *Владимир Портяков, Сергей Уянаев* 162
 Взаимодействие трех крупнейших государств Евразии — России, Индии и Китая — стало одним из новых явлений международной жизни в XXI столетии. Оно строится на ряде исторических предпосылок и отражает сходство современных внутренних и внешних приоритетов этих стран.

Строительство наций

- Возможен ли конструктивный национализм?
Леокадия Дробижева 176
Эксперты и политики пытаются определить различные типы национализма, понять, чем отличается национализм этнический от национализма гражданского и в чем состоит потенциал последнего. Стало очевидно, что этнический национализм жив. Но если его проявления неизбежны, можно ли перевести его в либеральные, ненасильственные формы?
- Полигон модернизации и «витрина успеха» *Михаил Деягин* 190
Вынужденная обстоятельствами поддержка Москвой Абхазии и Южной Осетии может стать катализатором российской модернизации. Эти территории весьма различны и требуют разного подхода.

Отклики и рецензии

- «Не те перемены, которые требует народ»
Освальдо Пайя Сардиньяс 202
- Реальный инструмент мира *Бахтияр Тузмухамедов* 205
- Тяжело в учении — легко на рынке вооружений
Михаил Дмитриев 208
- Мировая политика: в зеркале соперничества или сотрудничества?
Сергей Ознобищев 210

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.
«Интеррос»

ВАРДАНИЯ Р.К.
«Тройка-Диалог»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
ООО «Промышленные инвесторы»

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

ЗЮЗИН И.В.
ОАО «Мечел»

КУЗЬЯВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Аэрофлот»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель*

АВДЕЕВ А.А.
(в личном качестве)

АРБАТОВ А.Г.

АХТИСААРИ Маргги
(Финляндия)

БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя

БЕРГСТЕН Фред (США)

БИЛЬДТ Карл (Швеция)
(в личном качестве)

ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)

ЖУКОВ А.Д.
(в личном качестве)

ЗВЕРЕВ С.А.

ИВАНОВ И.С.
(в личном качестве)

КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.

КОКОШИН А.А.

КОЛЬ Гельмут
(Германия)

КОМИССАР М.В.

КОПЬЕВ В.В.

КУЗЫК Б.Н.

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)

ЛУКИН В.П.

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)

НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.

ПОЗНЕР В.В.

ПРИМАКОВ Е.М.

ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)

РЫЖКОВ В.А.

ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)

ХАКАМАДА И.М.

ХОУГ Джеймс (США)

ШМЕЛЁВ Н.П.

ЭЛЛИСОН Грэм (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН А.Л.

БУТОРИНА О.В.

ВИШНЕВСКИЙ А.Г.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.

ДУБИНИН Ю.В.

ЛОМАНОВ А.В.

МИРСКИЙ Г.И.

ЭНТИН В.Л.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

*Издается Фондом исследований
мировой политики*

ЗАРЕГИСТРИРОВАН

В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (495) 980-7353
Факс: (495) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 2467.
Общий тираж 10 000 экз.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ

- Газеты «Время новостей», «Российская газета».
- Информационное агентство РИА «Новости» • Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов «КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

Журнал издается при финансовой поддержке
Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Ответственный редактор
Александр Кузяков

Редактор
Александра Кобзева

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блинникова

Ответственный секретарь
Валерия Чистякова

Автор макета
Константин Радченко

Верстка
Наталья Заблочките

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
op@globalaffairs.ru

Англоязычное издание
Russia in Global Affairs

Редактор
Ринат Якубов

Стилист
Роберт Бридж

Корректор
Людмила Купченко

Два кризиса и национальные интересы

Фёдор Лукьянов, главный редактор

Два кризиса, случившиеся в последние месяцы один за другим, значительно повлияли на внешнюю политику России. Кавказская война в августе и потрясения на мировых финансовых рынках в сентябре и октябре не связаны друг с другом. Но оба события, каждое по-своему, внесли вклад в формулирование национальных интересов России. Можно сказать, что они установили их концептуальные рамки, обозначив направление необходимого (следствие российско-грузинского конфликта) и границы возможного (результат экономического спада).

Атака Грузии на Южную Осетию и внешняя реакция на ответ Москвы создали новую ситуацию в российской политике и общественном мнении. Наверное, впервые с момента распада Советского Союза Россия оказалась в ситуации, когда ей пришлось действовать, не оглядываясь на издержки, связанные с реакцией извне. Кремль пришел к выводу, что действия, которые были бы одобрены внешними партнерами, обойдутся слишком дорого с точки зрения жиз-

ненно значимых интересов страны. Это важный этап формирования государственной идентичности.

Но при этом необходимы четкие критерии того, какие интересы относятся к числу жизненно важных и подлежащих отстаиванию любой ценой. И здесь особую роль сыграл второй кризис — финансовый. Он показал степень всеобщей взаимной зависимости, а также обозначил пределы возможностей — экономических, а, как следствие, и геополитических. Реальность заставляет расставлять приоритеты, отказываться от второстепенных целей в пользу более существенных.

Положительной стороной финансового кризиса стало и оживление международной дискуссии об обновлении институтов глобального управления и в финансовой сфере, и в области безопасности, о чем, кстати, Москва говорила давно.

Наши авторы продолжают анализ мировой ситуации после событий лета и осени. Сэр **Родерик Лайн** предлагает всем ведущим державам осознать коллективные интересы и

отложить в сторону «мегафоны», ставшие излюбленным инструментом дипломатии в последнее время. **Сергей Дубинин** считает необходимым поставить вопрос о стратегическом союзе с США, сколь утопичным это ни казалось бы сегодня. По мнению многих комментаторов, приход в Белый дом Барака Обамы откроет возможности для перемен. **Роберт Кейган**, один из идейных вдохновителей уходящей администрации, признает ее неудачи, но призывает, исправив конкретные ошибки, продолжить общий курс Джорджа Буша.

Александр Лукин полагает, что в России начинается новый этап внешней политики — завершается остаточная постсоветская фаза и начинается формулирование собственно российского подхода. Историк **Доминик Ливен** анализирует противоречивую политическую психологию России на протяжении нескольких веков, замечая, впрочем: мир настолько изменился, что просто проецировать схемы минувших столетий на нынешнее невозможно. Оптимистичные исторические аналогии приводит **Стефан Шеперс** — на его взгляд, логика развития ведет Россию и Европу к союзу.

Крайне любопытно читать сегодня статью **Джона Миршеймера**, которая была опубликована в 1990 году. Тревожный анализ перспектив европейского и мирового развития казался тогда, в эпоху всеобщей эйфории, неадекватным основным тенденциям.

Сегодня, однако, можно признать, что скорее был прав классик школы неореализма в международных отношениях, чем те, кто провозглашал «конец истории». Мировая система так и не обрела пока баланс, утраченный с окончанием холодной войны.

Отдельный блок материалов посвящен Восточной Азии, которой многие приписывают особую роль в XXI веке. **Василий Головин** напоминает о богатом потенциале конфликтов между азиатскими державами. **Джеймс Лэйни** и **Джейсон Шеплин** говорят о закате американского доминирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе. **Александр Воронцов** и **Олег Ревенко** обращаются к развитию Южной Кореи, а **Владимир Портяков** и **Сергей Уянаев** рассматривают перспективы взаимодействия в треугольнике Россия — Индия — Китай.

Леокадия Дробижева возвращается к теме, которая постоянно присутствует на страницах нашего журнала — что такое национализм и может ли он играть конструктивную роль в современном мире. О специфическом случае национального строительства — в Абхазии и Южной Осетии после признания Россией их независимости — пишет **Михаил Делягин**.

Значительную часть следующего номера мы посвятим мировому финансовому и экономическому кризису. Также среди его тем — роль Запада в мире, российско-американские отношения, события в Центральной Европе и многое другое.

Сквозь призму прошлого

НАТОВальс. «Крокодил», 1960 г.

“*Может случиться, что в один прекрасный день мы станем горько сожалеть об утрате порядка, который пришел на смену хаосу в международных отношениях благодаря холодной войне. Ведь на протяжении 45 лет XX века, до начала холодной войны, Европа пребывала в состоянии необузданной анархии*”

Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне
Джон Миршеймер

8

Россия как империя и периферия *Доминик Ливен*

36

XXI век и заветы Жана Монне *Стефан Шеперс*

47

Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне

Взгляд на современность из 1990 года

Джон Миршеймер

Данная статья одного из наиболее видных представителей школы неореализма в международных отношениях была впервые опубликована в журнале Atlantic в августе 1990 года и вызвала тогда широкий резонанс по всему миру. Сегодня «новая холодная война» является одним из наиболее популярных понятий в мировой околополитической дискуссии. В этой связи рассуждения Джона Миршеймера и его прогнозы 18-летней давности представляют собой крайне любопытный материал для анализа минувшей эпохи — периода бурных перемен, которые так и не привели к появлению стабильного «нового мирового порядка»

Мир — это прекрасно. Я люблю мир не меньше любого другого человека, и у меня нет желания нагнетать тоску, когда вокруг царит оптимизм в отношении будущего устройства нашей планеты. Тем не менее мой основной тезис в данном эссе таков: вероятно, мы вскоре пожалеем, что холодная война осталась в прошлом.

Безусловно, никто не заплачет по поводу таких побочных продуктов холодной войны, как конфликты в Корее и Вьетнаме. Ни один человек не захочет повторения истории с самолетом U-2, нового карибского ракетного кризиса или вторичного сооружения Берлинской стены. И уж точно никто не пожелает очутиться в условиях, которые царили во времена холодной войны внутри стран: чистки и клятвы на лояльность, ксенофобия и подавление инако-

Джон Миршеймер — профессор Чикагского университета, содиректор программы «Политика в области международной безопасности». Автор многочисленных книг и публикаций по теории и практике международных отношений.

мыслия. Вряд ли мы однажды вдруг откроем для себя новые мудрые мысли в угрожающих заявлениях Джона Фостера Даллеса.

Однако может случиться, что в один прекрасный день мы станем горько сожалеть об утрате порядка, который благодаря холодной войне пришел на смену хаосу в международных отношениях. Ведь на протяжении 45 лет XX века, до воцарения холодной войны, Европа пребывала в состоянии необузданной анархии.

Необузданная анархия (война всех против всех, по Гоббсу) — первопричина вооруженного конфликта. Те, кто полагает, что о вооруженных конфликтах между европейскими государствами сейчас не может быть и речи, что две мировые войны раз и навсегда вытравивали войны из Европы, смотрят на будущее с неоправданным оптимизмом. Теории мира, которые имплицитно подпитывают такой оптимизм, весьма поверхностны. Они не выдерживают критики ни с логической, ни с исторической точек зрения. На точность предсказаний, содержащихся в этих теориях, нельзя положиться.

Мировому сообществу предстоит подвергнуть серьезному испытанию теории войны и мира, выдвинутые учеными-обществоведами: они ведь и представить себе не могли, что их идеи будут проверяться всемирно-историческими событиями, о которых почти ежедневно сообщают газеты. Автор этих строк, отважившись сделать прогноз относительно будущего Европы, готов выложить свои теоретические выкладки на стол. Я надеюсь предпринять против альтернативных теорий войны и мира такую интеллектуальную атаку, на какую только способен. Берусь доказать, что перспектива возникновения крупных кризисов и даже войн в Европе, вероятно, резко возрастет после того, как холодная война станет достоянием истории. Следующие 45 лет в Европе вряд ли будут такими же бурными, как 45 лет, предшествовавшие холодной войне, но они, скорее всего, могут стать гораздо более бурными, чем последние 45 лет — эпоха, которую мы, возможно, когда-нибудь будем называть периодом не «холодной войны», а «длительного мира», говоря словами Джона Льюиса Гэддиса.

Такой пессимистический вывод основывается на общей посылке, что коренными причинами войны и мира являются характер и распределение военной мощи между государствами. Так, состояние мира в Европе с 1945-го — вначале хрупкого, затем все более прочного — объясняется тремя факторами:

- биполярным распределением военной мощи на европейском континенте;

- примерным военным паритетом между противостоящими державами — Соединенными Штатами и Советским Союзом;
- тем фактом (по поводу которого принято выражать сожаление), что каждая из этих сверхдержав обладает весьма значительным ядерным арсеналом.

Нам пока неизвестно, что будет представлять собой новая Европа. Но некоторые моменты известны. Например, мы знаем, что произойдет возврат к многополярному распределению силы, которая характеризовала европейскую государственную систему с самого ее основания, — с Вестфальского мира 1648 года вплоть до 1945-го. Мы знаем, что войны сопутствовали этой многополярной европейской государственной системе с начала до конца. Мы знаем, что с 1900 по 1945 год в войнах, которые были вызваны в основном нестабильностью такой государственной системы, погибло около 50 миллионов человек. Мы также знаем, что с 1945-го в войнах погибло одних только европейцев около 15 тысяч: примерно 10 тысяч венгров и русских в ходе событий, которые мы можем назвать русско-венгерской войной октября — ноября 1956 года, и примерно от 1,5 до 5 тысяч греков и турок в войне за Кипр в июле — августе 1974-го.

Мысль ясна: Европа возвращается к государственной системе, которая давала очевидные поводы для совершения агрессии. Если вы, подобно представителям реалистической школы теории международных отношений (к которым принадлежу и я), считаете, что политический строй государств не оказывает заметного влияния на перспективы международного мира и что вести войну государства побуждает характер государственной системы, а не отдельных ее составляющих, то трудно разделить широко распространенный ныне энтузиазм по поводу будущего Европы. Прошлый год (1989) часто сравнивали с 1789-м, когда началась Великая французская революция, как с годом свободы — таким он и был. Только в обстановке всеобщего ликования забыли, что полные надежд события-1789 знаменовали собой начало эры войн и завоеваний.

«ЖЕСТКАЯ» ТЕОРИЯ МИРА

Отчего до 1945 года в Европе царил эпоха насилия и почему послевоенная эра — период холодной войны — стала намного более мирной? Две мировые войны, произошедшие до 1945-го, имели множество конкретных и неповторимых причин, но для исследователя в области международных отношений, стремящегося найти в

поведении государств в прошлом общие черты, которые могли бы помочь предсказать их поведение в будущем, важны два главных фактора. Это – многополярный характер распределения силы в Европе и дисбаланс военной мощи великих держав, который возникал, когда они боролись за первенство или преимущества.

В геометрии силы в международных отношениях есть нечто элементарное, поэтому легко не заметить ее важность. «Биполярность» и «многополярность» – неблагозвучные неологизмы, но без них не обойтись. Холодная война, когда две сверхдержавы скрепляют противостоящие союзы явно более слабых государств, – наша модель биполярности. Европа 1914 года с Францией, Германией, Великобританией, Австро-Венгрией и Россией в качестве великих держав – наша модель многополярности. Если случившееся в 1914-м достаточно убедительно доказывает, что многополярные системы представляют собой более опасную геометрию силы, тогда, пожалуй, другие аргументы не нужны.

Увы, нет эмпирических исследований, обеспечивающих убедительную поддержку данному постулату, что лишает его теоретической стройности. Европейская система государств с момента ее возникновения по 1945 год была исключительно многополярной, поэтому в прошлом нет примеров различных последствий функционирования двух систем. Безусловно, в более ранние времена можно найти разрозненные примеры биполярных систем, в том числе таких, которые были настроены на войну (например, Афины и Спарта, Рим и Карфаген). Но современная история не дает убедительных примеров, поскольку она еще не завершена. В отсутствие всеобъемлющего исторического обзора мы можем лишь предложить доводы, доказывающие правоту то одной, то другой стороны в дебатах. В результате аргументы в этом эссе строятся в основном на умозаключениях.

Если рассуждать логически, биполярная система имеет более мирный характер по той простой причине, что в состоянии соперничества находятся только две крупные державы. Больше того, при данной системе великие державы, как правило, требуют лояльности от малых стран, что с высокой долей вероятности приводит к образованию жестких союзнических структур. Малые государства, таким образом, защищены не только от нападений со стороны противостоящей великой державы, но и друг от друга. Следовательно, биполярная система имеет только одну диаду (пару), в которой может разразиться война.

Многополярная система обладает гораздо большей подвижностью и содержит множество таких диад. Поэтому при равенстве других

факторов вероятность войны статистически выше при многополярной модели, чем при биполярной. Принято считать, что в многополярном мире вооруженные конфликты, в которых участвуют только малые страны или только одно крупное государство, не столь разрушительны, сколь столкновение между двумя крупными державами. Но малые войны потенциально всегда могут перерасти в крупные.

Далее, при многополярной системе государств сложно осуществлять сдерживание, поскольку часто имеет место дисбаланс, и когда асимметрия сил прогрессирует, становится трудно сдерживать сильное государство. Две крупные державы могут объединиться для атаки на третью страну, как это сделали Германия и Советский Союз в 1939 году, когда они вместе напали на Польшу. Кроме того, крупное государство может просто запугивать более слабое в противостоянии один на один, используя превосходящую силу, чтобы утратить малое государство либо подчинить его. Действия Германии против Чехословакии в конце 1930-х как раз дают пример такого поведения. Объединение и устрашение, как правило, неизвестны при биполярной системе — когда на мировой арене доминируют две крупные державы, невозможно достижение такой асимметрии сил, которая привела бы к объединению и устрашению.

Есть и вторая причина, по которой при многополярности сдерживание становится проблематичным. В условиях такой геометрии силы намерения соперничающих государств, а также размер и мощь противостоящих коалиций трудно просчитать, поскольку контуры мирового порядка остаются переменной величиной, — ведь коалиции имеют тенденцию обретать и терять партнеров. Это может подвести агрессоров к ошибочным заключениям, что они имеют право принуждать другие страны, запугивая их войной, или даже добиваться полной победы на поле боя.

Например, Германия до 1914 года не была уверена, что если она будет стремиться к гегемонии на европейском континенте, то Великобритания выступит против нее, и абсолютно не ожидала, что Соединенные Штаты в конечном счете вступят в войну. В 1939-м Германия надеялась, что Франция и Великобритания останутся в стороне, пока она будет завоевывать Польшу, и опять же не предвидела вступления в войну Америки. В результате Германия переоценила свои шансы на успех.

Перспективы сохранения мира, однако, не являются просто функцией от числа крупных держав в системе. На эти перспективы

влияет также относительная военная мощь крупных держав. И биполярные, и многополярные системы с большей вероятностью будут иметь мирный характер, если сила в них распределяется равномерно. Неравенство сил провоцирует войну, поскольку возрастают шансы агрессора на победу на поле боя.

В большинстве крупных войн, которые сотрясали Европу на протяжении последних пяти веков, одна наиболее сильная держава воевала против остальных ведущих государств. Такая модель была характерна для тех войн, которые начались из-за притязаний на гегемонию со стороны Карла V, Филиппа II, Людовика XIV, революционной и наполеоновской Франции, Германии при Вильгельме и нацистской Германии. Отсюда следует, что масштаб разрыва в военной мощи между двумя ведущими государствами в системе — основной фактор стабильности. Небольшой разрыв способствует миру, большой разрыв ведет к войне.

Ядерное оружие, кажется, на плохом счету почти у всех, но факт остается фактом: это оружие — мощный фактор мира. Сдерживание, скорее всего, оказывается эффективным, когда издержки и риски развязывания войны, безусловно, высоки. Чем более страшной представляется будущая война, тем меньше вероятность того, что она начнется. Также можно утверждать, что сдерживание является более действенным фактором, если завоевание (другой страны) представляется более трудным. Очевидная бесполезность попыток экспансии может остановить потенциальные государства-агрессоры.

Исходя из обеих посылок, можно говорить о том, что ядерное оружие служит миру. Это оружие массового уничтожения приведет к страшным разрушениям, в каком бы масштабе оно ни применялось. Больше того, оно гораздо полезнее для самообороны, чем для нападения. Если ядерные арсеналы обеих сторон защищены от атаки, создавая тем самым договоренность взаимного гарантированного уничтожения, ни одна из сторон не может применить это оружие для достижения значительных военных преимуществ. Международные конфликты становятся тогда только испытанием воли. Кто осмелится применить средства немислимой разрушительной силы? Обороняющиеся страны в этом случае имеют преимущество, так как они обычно дорожат своей свободой больше, чем агрессоры ценят новые завоевания.

Ядерное оружие способствует укреплению мира, так как с позиции военной силы отношения между государствами становятся более рав-

ноправными. Страны, обладающие средствами ядерного сдерживания, могут на равных противостоять друг другу, даже если размеры их арсеналов сильно различаются, поскольку обе стороны обладают потенциалами гарантированного уничтожения. Кроме того, взаимно гарантированное уничтожение помогает снять остроту запутанной проблемы неправильной оценки, так как почти не остается сомнений по поводу относительной силы государств.

Никакая дискуссия о мире в XX столетии не была бы полной без упоминания о национализме. Я не имею ничего против понятия «национализм» как синонима «любви к стране». Но гипернационализм — убеждение, что другие нации или национальные государства хуже и представляют опасность, — является, пожалуй, самой большой единичной угрозой миру, исходящей изнутри, хотя гипернационализм пока еще не является ведущей силой в мировой политике. Гипернационализм возник в прошлом среди европейских стран, поскольку большинство из них были национальными государствами, то есть государствами, населенными в основном представителями одной этнической группы. Эти страны существовали в анархичном мире, испытывая постоянную угрозу со стороны других государств. При такой системе люди, которые любят свой народ, могут легко перейти к тому, чтобы с презрением относиться к национальностям, населяющим противостоящие государства. Проблема усугубляется, когда элиты внутри стран демонизируют нацию противника, чтобы обеспечить поддержку своей политике национальной безопасности.

Гипернационализм имеет под собой особенно благодатную почву при военных режимах, опирающихся на массовые армии. Чтобы удержаться у власти, таким режимам нужны жертвы, и государство подвержено искушению апеллировать к националистическим чувствам, чтобы мобилизовать своих граждан на эти жертвы. Усиление гипернационализма наименее вероятно, когда государства могут положиться на небольшие профессиональные армии либо на сложные высокотехнологичные военные организации, которые функционируют без привлечения огромных людских ресурсов. По этой причине ядерное оружие смягчает национализм, так как благодаря ему основа военной мощи смещается от массовых армий к меньшим по численности высокотехнологичным организациям.

После 1945 года гипернационализм в Европе резко пошел на спад не только из-за «ядерной революции», но и потому, что после войны его сдерживали оккупационные силы. Больше того, у европейских

государств, уже не обеспечивающих свою собственную безопасность, не было повода разжигать национализм для усиления общественной поддержки национальной обороны. Но самые радикальные перемены произошли, когда центр европейской политики сместился в сторону Соединенных Штатов и Советского Союза — двух государств, населенных многочисленными этническими группами, в которых не было таких крайних проявлений национализма, как в Европе. Этому благоприятному фактору — отсутствию гипернационализма — способствовало также укрепление стабильности послевоенной системы. Поскольку вероятность войны снизилась, ни одна из сверхдержав не испытывала необходимости в мобилизации своих граждан.

Биполярность, равновесие военной мощи и ядерное оружие — это основные элементы, которые, по моему мнению, объясняют «длительный мир».

Многие думающие люди считают, что биполярная система в Европе — одиозное явление, и стремятся покончить с ней, разрушая советскую империю в Восточной Европе и подрывая советскую военную мощь. Многие также сокрушаются по поводу военного паритета между сверхдержавами.

Одни сожалеют о неопределенной, тупиковой ситуации, к которой привел этот паритет, и рекомендуют добиваться военного превосходства. Другие жалеют об ассигновании сотен миллиардов долларов на то, чтобы не допустить войны, которая так и не началась. Последние доказывают не то, что эти средства, хотя и были велики, окупались, а скорее то, что их потратили зря. Что же касается ядерного оружия, то, по общему признанию, это — плохая вещь. Ненависть, которую вызывает данный атрибут послевоенной системы, не позволяет многим на Западе признать жестокую правду: ядерное оружие сохраняет мир.

Хватит рассуждать о прошлом. Что сохранит мир в будущем? Говоря конкретно, какой новый порядок может установиться, если НАТО и Организация Варшавского договора будут распущены (что и произойдет, если холодная война действительно закончится), Советский Союз покинет Восточную Европу, а американцы уйдут из Западной Европы, забрав с собой ядерное оружие? Следует нам радоваться такому ходу событий или опасаться его?

Одно очевидно: новый европейский порядок будет многополярным. Германия, Франция, Великобритания и, возможно, Италия приобретут статус крупных держав. СССР не сохранит статуса сверхдержавы — и не только потому, что его Вооруженные силы будут, безуслов-

но, сокращены, но и потому, что с выводом войск из Восточной Европы Советскому Союзу станет гораздо труднее распространять свое влияние на континенте. СССР, конечно, останется крупной европейской державой. Система, которая образуется в результате (при четырех либо пяти крупных странах), будет страдать от проблем, типичных для многополярности, и таким образом возрастет риск нестабильности.

Вероятность проявления двух других аспектов нового европейского порядка — распределения силы между крупными государствами и распределения ядерного оружия — не столь велика. Строго говоря, вопрос о том, кто получит ядерное оружие, станет, вероятно, самым неясным для новой Европы. Возможны три сценария ядерного будущего Европы.

СЦЕНАРИЙ «ЕВРОПА БЕЗ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ»
Многие европейцы (и некоторые американцы) хотят, чтобы Европа полностью освободилась от ядерного оружия. Создание безъядерной Европы потребовало бы от Великобритании, Франции и Советского Союза отказа от этих талисманов суверенитета — трудно представить себе такой ход событий, если не сказать больше.

Те, кто желает этого, тем не менее, верят, что это был бы самый мирный вариант из всех возможных. На деле же безъядерная Европа — самый опасный сценарий устройства после холодной войны, какой только можно вообразить. Умиротворяющий эффект ядерного оружия сойдет на нет. Осторожность, которую оно внушает, безопасность, которую оно обеспечивает, примерное равенство, которое оно устанавливает, ясность относительной силы, которую оно создает, — все это будет утрачено. Мир окажется зависимым от других параметров нового порядка — числа полюсов и распределения силы между ними. Геометрия силы в Европе станет во многом такой, какой она была в период между мировыми войнами, — схемой провоцирования напряженности, кризиса и, возможно, даже войны.

Советский Союз и объединенная Германия, скорее всего, превратятся в самые сильные государства безъядерной Европы. Между ними будет пролегать полоса из малых независимых стран Восточной Европы. Эти страны, наверно, станут опасаться Советского Союза не меньше, чем Германии, и, следовательно, не будут особенно склонны сотрудничать с СССР для сдерживания возможной германской агрессии.

Данная проблема фактически возникла в 1930-х, а 45 лет советской оккупации уж никак не уменьшили страхи восточноевропей-

ских государств перед лицом советского военного присутствия. Таким образом, сценарии, по которым Германия применяет силу против Польши, Чехословакии или даже Австрии, в безъядерной Европе приобретают черты реальности.

Далее, вывод советских войск из Восточной Европы едва ли гарантирует их уход навсегда. В самом деле, российское присутствие в этом регионе на протяжении нескольких последних веков то расширялось, то сокращалось. На саммите в Вашингтоне один из членов делегации, возглавляемой президентом Михаилом Горбачёвым, сделал серьезное предупреждение: «Перед вами та же проблема, чреватая взрывом, что была в связи Германией в 1930-х годах. Унижение великой державы. Экономические неурядицы. Подъем национализма. Не следует недооценивать опасность».

Конфликты между восточноевропейскими государствами также могут угрожать стабильности нового порядка. Уже возникли серьезные трения между Венгрией и Румынией по поводу отношения Бухареста к венгерскому меньшинству в Трансильвании. Эта территория раньше входила в состав Венгрии, и здесь до сих пор проживают около двух миллионов этнических венгров. Если бы не советская оккупация Восточной Европы, Румыния и Венгрия, возможно, уже воевали бы друг против друга из-за этой проблемы, которая и в будущем может стать причиной войны.

Это не единственная потенциально «горячая точка» в период распада советской империи. Источником конфликта может стать польско-германская граница. Пограничный спор существует между Польшей и Чехословакией. Если Советский Союз позволит некоторым своим республикам получить независимость, поляки и румыны способны заявить о претензиях на территории, которые сейчас входят в СССР, а в прошлом принадлежали им. Если обратиться к югу Европы, то отчетливо вырисовывается возможность развязывания гражданской войны в Югославии. Югославия и Албания могут столкнуться из-за Косово, одного из районов Югославии, в котором большинство жителей — националистически настроенные албанцы. У Болгарии назрел конфликт с Югославией из-за Македонии, а Турция выражает недовольство отношением к турецкому меньшинству в Болгарии. Опасность того, что эти ожесточенные этнические и пограничные споры выльются в войну в безъядерной Европе, которая должна стать чем-то вроде Эдема, настолько реальна, что впопугу ощутить ностальгию по холодной войне.

Военные действия в Восточной Европе принесли бы огромные страдания ее жителям. Война может оказаться более масштабной, и в нее вступят крупные государства, особенно если беспорядок приведет к неустойчивости в политической жизни, что создаст возможности для расширения влияния, либо возникнет угроза поражения стран, находящихся в дружественных отношениях с той или иной крупной державой. В период холодной войны обе сверхдержавы были втянуты в конфликты по всему земному шару, зачастую в отдаленных районах, имеющих небольшое стратегическое значение. Восточная Европа, находясь в непосредственной близости и от Советского Союза, и от Германии, играет важную роль в экономическом и стратегическом плане. Поэтому беспорядки в Восточной Европе дали бы этим двум государствам гораздо более существенный повод для вмешательства, чем конфликты прошлого в Третьем мире – сверхдержavam. Больше того, страны Восточной Европы могут иметь весомый стимул втягивать крупные державы в свои локальные столкновения, потому что исход таких конфликтов будет во многом определяться относительным успехом каждой стороны в обретении союзников.

Трудно предсказать точно, каков будет баланс сил в обычных вооружениях в Европе после окончания холодной войны. Может случиться так, что Советский Союз восстановит свое могущество вскоре после ухода из Восточной Европы. В этом случае советская мощь превзойдет германскую. Но возможно и то, что центробежные национальные силы приведут к распаду Советского Союза и ни одно из государств, образовавшихся в результате этого распада, не будет равно по силе объединенной Германии. Наконец, последний вариант (наиболее вероятный): Германия и Советский Союз станут государствами, примерно равными по мощи. Первые два варианта геометрии силы, при которых два ведущих государства будут заметно отличаться по своей военной мощи, вызывают особую тревогу, хотя, если Советский Союз и Германия достигнут баланса сил, причина для беспокойства тоже сохранится.

Завершая этот перечень опасностей, хочу отметить, что безъядерная Европа, скорее всего, пострадает от гипернационализма, поскольку безопасность при таком порядке будет основываться на массовых армиях, а это, как мы убедились, зачастую невозможно обеспечить без общественной поддержки. Проблема, наверное, приобретет особенно острый характер в Восточной Европе с ее неопределенными границами и группами этнических меньшинств. Однако почва для возникновения национализма есть и в Германии. Немцы

за последние 45 лет сделали очень много для борьбы с гипернационализмом и преодоления мрачного наследия прошлого. Тем не менее вызывают тревогу такие факты, как недавний призыв нескольких известных немцев вернуться к более националистическим (патриотическим) принципам в историческом образовании.

По всем вышеуказанным причинам безъядерная Европа, как бы этого ни желали многие европейцы, вряд ли станет реальностью.

СЦЕНАРИЙ «СОХРАНЕНИЕ НЫНЕШНЕГО КЛУБА ЯДЕРНЫХ ДЕРЖАВ»

Согласно этому сценарию, Великобритания, Франция и Советский Союз сохраняют ядерное оружие, но в Европе не появляются новые ядерные державы. Эта мечта о безъядерной зоне в Центральной Европе, когда ядерное оружие остается на флангах континента, популярна, но сомнительно, что она превратится в реальность.

Германия в конечном счете будет этому препятствовать. Немцы вряд ли проявят готовность полагаться на поляков и чехов в обеспечении обороны переднего края в случае возможного прямого нападения СССР с применением обычных вооружений. Также маловероятно, что Германия поверит в то, что Советский Союз будет всегда воздерживаться от ядерного шантажа. Отсюда следует, что немцы в итоге обратятся к ядерному оружию как самому надежному средству обеспечения безопасности, как это сделала НАТО.

Сильная мотивация приобрести ядерное оружие возникнет и у малых государств Восточной Европы. Без этого они будут уязвимы перед лицом ядерного шантажа со стороны Советского Союза или Германии. Даже если бы у этих крупных держав не было ядерных арсеналов, ни одна страна Восточной Европы не могла бы сравниться с германским либо советским арсеналом обычных вооружений.

Очевидно, что сценарий, по которому сохраняется нынешний состав государств, обладающих ядерным оружием, и не происходит его распространение, нереален.

СЦЕНАРИЙ «РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ»

Наиболее вероятный ход событий после холодной войны — дальнейшее распространение ядерного оружия в Европе. Его итог чреват опасностями, но, возможно, именно в этом случае можно надеяться на поддержание стабильности на континенте. Все зависит от

того, как будет управляться процесс распространения. При плохом управлении это может закончиться катастрофой; хорошо управляемый процесс может привести почти к такому же стабильному порядку, как при «длительном мире».

Опасности, которые могут возникнуть при плохо управляемом распространении, многочисленны и серьезны. Существует опасность, что сам процесс распространения может дать одной из нынешних ядерных держав сильный стимул помешать неядерному соседу вступить в ядерный клуб. Так поступил Израиль, применив силу, чтобы не дать Ираку возможность приобрести ядерное оружие. Существует также опасность, что среди новых ядерных государств возникнет ядерная конкуренция, порождающая нестабильность. Этим странам, вероятно, не будет хватать ресурсов для того, чтобы сделать свои ядерные силы неуязвимыми. А это может породить страх перед первым ударом и мотив его нанести, что в случае кризиса означает катастрофу. И, наконец, существует опасность, что, если к ядерному пусковому крючку допустить больше стран, это увеличит риск того, что оружие будет использовано случайно, либо захвачено террористами, либо применено сумасшедшими.

Вышеперечисленные и другие опасности распространения можно уменьшить, если нынешние ядерные державы примут надлежащие меры. Для предотвращения превентивных атак можно расширить гарантии безопасности. Чтобы помочь новым ядерным государствам обезопасить их ядерные средства сдерживания, следует предоставить им техническую помощь, а также помочь обществу в новых ядерных странах осознать смертоносный характер вооружений, которые они обретают. Такое хорошо управляемое распространение могло бы способствовать укреплению мира.

Распространение должно в идеале остановиться на Германии. Она располагает прочной экономической базой, поэтому могла бы позволить себе содержать безопасные ядерные силы. Больше того, Германия, безусловно, не чувствовала бы себя в безопасности без ядерного оружия, а в этом случае ее внушительная мощь, основанная на обычных вооружениях, дала бы ей реальную возможность нарушить мир и спокойствие в Европе. Но если окажется невозможным предотвратить более широкое распространение ядерного оружия без экстренных мер, то нынешним ядерным державам следует допустить его распространение в Восточной Европе, одновременно делая все возможное, чтобы направить этот процесс в безопасное русло.

Однако я не испытываю оптимизма в отношении того, что процессом распространения можно эффективно управлять. Члены ядерного клуба, скорее всего, будут противиться распространению, однако они не могут успешно управлять этим сложным процессом и в то же время противостоять ему. (А ведь у них есть несколько причин, чтобы препятствовать распространению).

Официальные ядерные державы будут чрезвычайно осторожны, помогая новым ядерным странам создавать безопасные средства сдерживания, поскольку делиться военными тайнами противоречит сути поведения государства. Ведь знание чувствительной военной технологии может быть использовано против государства-донора, если эта технология передается противнику. Больше того, распространение в Европе подрвет легитимность Договора о нераспространении ядерного оружия от 1968 года и откроет шлюзы распространения по всему миру. Признанные ядерные державы не хотят, чтобы это произошло, поэтому они, вероятно, приложат усилия к тому, чтобы не допустить распространение, а не к тому, чтобы управлять этим процессом.

Оптимальным временем для распространения стал бы период относительного спокойствия на мировой арене. Распространение в разгар кризиса представляло бы опасность, поскольку государства, конфликтующие с только что возникшей ядерной державой, имели бы веский довод прервать этот процесс силовыми методами. Однако протесты против распространения со стороны граждан потенциальных ядерных государств были бы настолько яростными, а внешнее сопротивление ядерного клуба столь велико, что только кризис заставил бы эти страны пойти на серьезные издержки и во внутренней, и в международной политике для создания своих ядерных арсеналов. Все это означает, что распространение может иметь место при международных условиях, которые фактически гарантируют, что этот процесс будет плохо управляем.

ВОЙНА УШЛА В ПРОШЛОЕ?

Многие исследователи европейской политики не согласятся с моим пессимистическим анализом положения в Европе после холодной войны. Они станут утверждать, что многополярная Европа (с ядерным оружием или без него) будет не менее мирной, чем ныне. Было выдвинуто три конкретных сценария мирного будущего, каждый из которых основан на хорошо известной школе международных отношений. Однако эти «мягкие» теории мира имеют и узкие места.

В соответствии с первым оптимистическим сценарием безъядерная Европа останется мирной, потому что европейцы признают, что даже война с использованием обычных вооружений была бы ужасна. Лидеры государств, отрезвленные историей, сделают все, чтобы избежать войны. В основу этого сценария положена теория «устарелости войны», которая исходит из того, что современная война с применением обычных вооружений к 1945 году стала столь разрушительной и смертоносной, что уже нельзя ее рассматривать как инструмент государственной политики. Война — кошмар вчерашнего дня.

Тот факт, что Вторая мировая война имела место, бросает тень на такую теорию. Если какая-нибудь война и могла убедить европейцев отказаться от ведения войны с использованием обычных вооружений то это должна была бы быть Первая мировая с ее огромными потерями. Главный недостаток данной теории — положение, что все столкновения с применением обычных вооружений, будут длительными и кровопролитными войнами на изматывание противника. Сторонники данной концепции игнорируют опыт ряда вооруженных конфликтов, возникших после 1945 года, равно как и нескольких сражений, завершавших Вторую мировую войну. Опыт, доказывающий возможность добиться быстрой и решительной победы с использованием обычных вооружений и избежать опустошений, которые несет с собой затянувшийся конфликт.

В войне с применением обычных вооружений одержать победу можно без больших затрат; в ядерной же войне это невозможно, поскольку ни одной из сторон не удастся избежать разрушений, причиненных противником, независимо от того, что происходит на поле боя. Таким образом, в ядерном мире мотивы, по которым стремятся избежать войны, относятся к иному порядку интенсивности, нежели в мире обычных вооружений.

В этом сценарии есть еще несколько узких мест. Так, отсутствуют систематические доказательства того, что европейцы считают, будто войны относятся к прошлому. Непохоже, что румыны и венгры восприняли эту мысль. Даже если бы в Европе был широко распространен взгляд на войну как на нечто немыслимое, позиция может меняться. Как известно, общественное мнение по вопросам национальной безопасности, увы, весьма переменчиво и реагирует как на изменения климата на мировой арене, так и на манипуляции со стороны элит. Как мы убедились, окончание холодной войны будет

сопровождаться кардинальной трансформацией геометрии силы в Европе, что, безусловно, повлечет за собой перемены в отношении европейцев к вопросам войны и мира.

Разве невозможно вообразить, например, что представления немцев о преимуществах, которые дает контроль над Восточной Европой, заметно изменятся, как только американские войска уйдут из Центральной Европы и немцам придется самим обеспечивать свою безопасность? Разве немисливо, что немцы будут вести войну с применением обычных вооружений против значительно более слабого восточноевропейского государства, чтобы укрепить свои позиции в отношениях с Советским Союзом? В конце концов, чтобы сделать войну возможной, достаточно того, чтобы одна страна решила, что война не исключена.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПРОЦВЕТАНИЕ ПУТЕМ К МИРУ?

Приверженцы второго оптимистического сценария объясняют свой оптимизм по поводу будущего Европы созданием в 1992-м единого европейского рынка — воплощения мечты Европейского сообщества. Сильное Европейское сообщество, утверждают они, гарантирует процветание экономики, что обеспечит сотрудничество стран друг с другом. Процветание откроет путь к миру. Предполагаемая угроза со стороны агрессивной Германии будет устранена, поскольку только что объединенное германское государство окажется в теплых объятиях Европейского союза (договор о нем подписан в феврале 1992 г. — Ред.). Даже Восточная Европа и СССР могут в конечном счете быть приняты в Евросоюз. И тогда мир и благоденствие будут царить на всем пространстве от Атлантики до Урала.

Этот сценарий основан на теории экономического либерализма, которая исходит из того, что главным мотивом деятельности государств является достижение процветания, а руководители ставят материальное благосостояние своего населения выше всех прочих соображений, в том числе безопасности. Стабильность строится не на военной мощи, а на либеральном экономическом порядке. Есть несколько объяснений, почему либеральный экономический порядок укрепляет мир и снижает возможность возникновения конфликта.

Во-первых, чтобы торговая система работала и государства богатели, необходимо политическое сотрудничество. По мере дальнейшего процветания государств растут стимулы для расширения политическо-

го сотрудничества. Между политическим сотрудничеством и процветанием устанавливается позитивная взаимосвязь по принципу спирали.

Во-вторых, либеральный экономический порядок способствует экономической взаимозависимости. Когда ее степень высока, гласит эта теория, меньше искушения идти на обман либо вести себя агрессивно по отношению к другим государствам, потому что все государства могут дать отпор экономическими мерами.

Наконец, как полагают некоторые теоретики, при расширяющемся политическом сотрудничестве такая международная организация, как ЕС, станет настолько могущественной, что будет жить своей собственной жизнью, превратившись в итоге в сверхгосударство. Суммируя сказанное, можно утверждать, что предчувствия Маргарет Тэтчер относительно Европейского союза абсолютно верны.

У этой теории есть один серьезный недостаток: главный тезис, на котором она построена, ошибочен. Основным мотивом деятельности государств является отнюдь не стремление добиться процветания. Хотя экономические расчеты для них немаловажны, государства существуют как в международной политической, так и в международной экономической среде. Когда эти две системы вступают в конфликт, политическая среда оказывается более важной. Выживание в анархичной международной политической системе — самая главная задача государства.

Сторонники экономического либерализма в основном игнорируют воздействие анархичности на поведение государства и делают акцент на экономических мотивах. Когда это упущение исправляется, их аргументация рассыпается по двум причинам.

Соперничество в достижении безопасности затрудняет сотрудничество, а согласно теории экономического либерализма, страны должны сотрудничать. Когда безопасность недостаточна, государства начинают больше беспокоиться об относительной, а не об абсолютной выгоде. Вместо вопроса «Выиграем ли мы оба?» они задают вопрос «Кто выиграет больше?». Они даже отвергают сотрудничество, которое даст абсолютный экономический выигрыш, если другое государство выиграет больше, из страха, что оно обратит выигрыш на укрепление своей военной мощи, а затем использует эту мощь для того, чтобы в последующих раундах одержать верх путем устрашения.

К сотрудничеству гораздо легче придти, если государства беспокоятся только об абсолютном выигрыше. В данном случае цель состоит лишь в увеличении общего экономического «пирога» и по-

лучении каждым государством по крайней мере какой-то части от этой прибавки. Однако при анархичном порядке безопасность зачастую недостаточно обеспечена. В таких случаях возрастает обеспокоенность государств относительным выигрышем, что в свою очередь затрудняет сотрудничество, если только «пирог» не делится на тонкие ломти так, чтобы отразить и соответственно не нарушить существующий на данный момент баланс сил.

Больше того, взаимозависимость может привести не только к сотрудничеству, но и к конфликтам, поскольку страны будут стремиться избежать уязвимости, которую создает взаимозависимость, чтобы повысить уровень своей национальной безопасности. В период кризиса или войны государства, которые зависят от важных экономических поставок из других стран, станут опасаться, что поставки прекратятся либо будут использованы для шантажа. Возможной реакцией станет попытка захватить источник поставок силой.

Есть множество исторических примеров того, как государства проводили агрессивную военную политику для достижения экономической автаркии. На ум сразу приходят и Япония, и Германия в межвоенный период. Можно также вспомнить, как во время нефтяного эмбарго в начале 1970-х в Америке много говорили об использовании военной силы для захвата нефтяных месторождений в арабских странах.

В XX веке Европа пережила два периода либерального экономического порядка с высоким уровнем взаимозависимости. Согласно теории экономического либерализма, эти периоды должны были бы стать временем стабильности. Но этого не случилось.

Первый период четко опровергает идеи экономистов-либералов. Временем наиболее высокого уровня экономической взаимозависимости в европейской истории, наверное, можно считать период с 1890 по 1914 год. Однако эта стадия процветания незаметно стала прелюдией к Первой мировой войне.

Второй период охватывает годы холодной войны; то время характеризовалось высоким уровнем взаимозависимости и мирным характером отношений между государствами — членами Европейского сообщества. Неудивительно, что данный временной отрезок — главный аргумент экономистов-либералов.

Конечно, связь между взаимозависимостью и стабильностью в то время очевидна, но это отнюдь не значит, что сотрудничество стало следствием взаимозависимости западных демократий. С боль-

шей долей вероятности можно утверждать, что первопричиной взаимодействия между западными демократиями и процветания в отношениях между государствами — членами Европейского сообщества, была холодная война. Сильный и потенциально опасный Советский Союз вынуждал Запад объединяться, чтобы отражать общую угрозу. Эта угроза отодвигала на задний план обеспокоенность по поводу относительного выигрыша, вытекавшего из экономического сотрудничества государств — членов Европейского союза, поскольку каждая демократическая страна Запада была заинтересована в том, чтобы ее партнеры по альянсу становились сильнее. Каждая прибавка силы помогала сдерживать СССР. Больше того, у всех этих государств был весомый стимул избегать конфликтов друг с другом, пока на Востоке маячил Советский Союз, готовый воспользоваться разногласиями на Западе.

Кроме того, доминирующая роль Соединенных Штатов в НАТО, военном визави ЕС, сдерживала влияние анархии на западные демократии и побуждала их к сотрудничеству. Америка не только обеспечивала защиту от советской угрозы, но и гарантировала, что ни одно государство Европейского сообщества не нападет на другое. Так, Франции не надо было опасаться Германии, когда та перевооружалась, так как американское присутствие на германской территории означало сдерживание немцев. Поскольку США выполняли роль «ночного дозорного», опасения по поводу относительного выигрыша среди западноевропейских государств гасли. Больше того, эти страны были готовы к тому, чтобы их экономики стали тесно взаимосвязаны.

Уберите нынешнюю советскую угрозу, верните американские войска домой — и отношения между государствами — членами Европейского сообщества коренным образом изменятся. Без общей советской угрозы или без Америки в роли «дозорного» западноевропейские страны будут относиться друг к другу с постоянным подозрением, как делали это веками до наступления холодной войны. В результате они будут беспокоиться о дисбалансе в выигрыше и утрате автономии, которая вытекает из сотрудничества. Сотрудничество при новом порядке будет более трудным, чем в период холодной войны. Возрастет вероятность возникновения конфликтов. Итак, есть веские причины относиться скептически к заявлениям, что более сильное Европейское сообщество может стать основой для сохранения мира в многополярной Европе.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЛЮБЯТ МИР?

Согласно третьему сценарию, войны удастся избежать, потому что с начала XX столетия многие европейские страны стали демократическими, а либеральные демократии просто не воюют друг с другом. Как минимум, присутствие в Западной Европе либеральных демократий гарантирует, что половина Европы свободна от вооруженных конфликтов. Как максимум, демократия распространяется на Восточную Европу и Советский Союз, тем самым укрепляя мир. Мир тесно связан с демократией — такое видение международных отношений разделяют и либералы, и неоконсерваторы.

Этот сценарий основывается на теории «миролюбивых демократий». В ее пользу приводятся два аргумента.

Во-первых, некоторые утверждают, что авторитарные лидеры более склонны начинать войну, чем руководители демократических стран, потому что при авторитарных режимах лидеры не подотчетны своему населению, которому приходится нести бремя войны. При демократии граждане, которые оплачивают все издержки войны, оказывают большее влияние на действия правительства. По этой логике народ с меньшим желанием начинает конфликт, потому что именно ему приходится оплачивать его кровью. Следовательно, чем большим влиянием обладает народ, тем меньше войн.

Во-вторых, граждане либеральных демократий, мол, уважают демократические права людей — своих соотечественников и жителей других стран. Они считают, что демократические правительства обладают большей легитимностью, чем правительства при других режимах, и поэтому им чужда идея навязывания силой иностранного режима демократическому государству. Вот почему запрет на войну, отсутствующий в международных отношениях иного типа, появляется, когда речь идет об отношениях между двумя демократиями.

Первый аргумент уязвим, поскольку невозможно обосновать, что в демократической стране люди особенно чувствительны к издержкам войны и потому менее склонны к развязыванию вооруженных конфликтов, чем авторитарные лидеры. На самом деле исторические факты свидетельствуют о том, что демократии абсолютно в той же степени, что и авторитарные государства, склонны к ведению войн, хотя, следует признать, до сих пор это не были войны с другими демократиями.

Больше того, народные массы при демократии или другом строе могут быть охвачены сильными националистическими либо религи-

озными страстями, вследствие чего они более склонны поддерживать агрессию и не задумываться об ее издержках. Пример такого явления — широкая поддержка народом войн, которые вел Наполеон после Великой французской революции. В то же время авторитарные лидеры зачастую боятся развязывать войны, потому что они нередко высвобождают демократические силы, способные подорвать режим. Вывод: цена ведения войны может быть высокой не только для граждан, но и для авторитарных лидеров.

Второй аргумент, подчеркивающий существование в демократических государствах уважения к правам не только своих граждан, зиждется на второстепенном факторе, роль которого практически перечеркивается другими факторами, такими, как национализм и религиозный фундаментализм. Больше того, с этим аргументом связана еще одна проблема. Всегда существует вероятность того, что демократическая страна, особенно только возникшая и подобная тем, которые появились в Восточной Европе, вернется к авторитаризму. А это означает, что одно демократическое государство никогда не может быть уверено в том, что другое демократическое государство не нападет на него в будущем. Поэтому либеральные демократии должны беспокоиться по поводу относительной мощи друг друга, что равносильно утверждению, будто у каждой страны есть основания рассматривать возможность совершить агрессию против другого государства, чтобы предупредить неприятности. Достоинно сожаления, что даже либеральные демократии не в состоянии преодолеть анархию.

Если отложить в сторону дедукцию, то на первый взгляд кажется, что исторические факты убедительно подтверждают правильность теории миролюбивых демократий. Либеральные демократии как будто бы никогда не воевали друг с другом. Однако если посмотреть на доказательства, то возникают сомнения в правоте такого вывода.

Во-первых, в последние два столетия демократических государств было немного, а следовательно, немного было и ситуаций, при которых две демократии могли бы воевать друг с другом. Обычно вспоминают, что Великобритания и США живут мирно с 1832 года по настоящее время, что были мирные периоды в отношениях между Великобританией и Францией (1832—1849, 1871—1940), что западные демократии мирно сосуществуют с 1945-го.

Во-вторых, есть и другие убедительные объяснения, почему в указанных трех случаях не началась война, и эти противоречащие

друг другу объяснения следует исключить, прежде чем принимать теорию миролюбивых демократий.

В то время как отношения между англичанами и американцами на протяжении XIX века едва ли можно назвать безоблачными, в XX столетии они вполне гармоничны и, таким образом, укладываются в прогнозы этой теории. Однако такого рода гармонию можно легко объяснить общими угрозами, которые заставляли Великобританию и Соединенные Штаты действовать заодно: в первой половине XX века была серьезная опасность со стороны Германии, позже – советская угроза.

Тот же самый основной довод относится к Франции и Великобритании. Хотя эти страны находились далеко не в лучших взаимоотношениях на протяжении большей части XIX столетия, на рубеже XIX и XX веков (с подъемом Германии) их отношения значительно улучшились. Наконец, как отмечалось выше, советская угроза во многом объясняет отсутствие войн между западными демократиями после 1945 года.

В-третьих, несколько демократических государств были близки к вооруженным конфликтам, что позволяет предположить, что отсутствие войн, возможно, просто случайность. Франция и Великобритания оказались на грани войны в 1898-м во время кризиса вокруг опорного пункта Фашода, (вызванного захватом французскими войсками этой суданской торговой и военной базы. – **Ред.**). В 1920-х годах в отношениях между Францией и веймарской Германией чуть было не дошло до столкновения из-за Рейнской области. В эпоху холодной войны Соединенные Штаты активно противодействовали нескольким демократически избранным правительствам стран Третьего мира, в том числе режимам Сальвадора Альенде в Чили и Хакобо Арбенса в Гватемале.

И последнее. Некоторые считают Германию при Вильгельме демократией или, по крайней мере, квазидемократией. Если так, то Первая мировая война становится войной между демократиями.

Хотя распространение демократии по всей Европе несет с собой большие потенциальные возможности для защиты прав человека, оно не гарантирует мирных отношений между государствами после холодной войны. Многие американцы найдут, что этот аргумент идет вразрез с их чувствами и убеждениями. Они считают, что Соединенные Штаты – миролюбивая, по сути, страна, и приписывают миролюбие ее демократическому характеру. Отсюда они делают вывод, что демократии – это более миролюбивые государства, чем авторитар-

ные, и, значит, полная демократизация Европы в основном устранил угрозу войны. Такой взгляд на международную политику, по всей вероятности, будет опровергнут ходом событий в предстоящие годы.

ТОСКА ПО ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ

Выводы моего эссе однозначны, хотя и парадоксальны. Окончание холодной войны предвещает опасные события. Запад заинтересован в поддержании мира в Европе. Следовательно, он заинтересован в сохранении порядка, который установился в эпоху холодной войны. Отсюда вытекает, что Запад заинтересован в сохранении конфронтации, характерной для холодной войны. Антагонизм холодной войны мог бы продолжиться при более низком уровне напряженности между Востоком и Западом, чем это было в прошлом, но при полном окончании холодной войны новых проблем стало бы больше, чем решенных.

Судьба холодной войны находится главным образом в руках Советского Союза. СССР — единственная сверхдержава, которая представляет серьезную угрозу для Европы, а советская угроза — это клей, который скрепляет НАТО. Устраните эту угрозу — и США, вероятно, покинут европейский континент. Оборонительный союз, который Соединенные Штаты возглавляли в течение 40 лет, скорее всего, распадется, и таким образом будет положен конец биполярному порядку, благодаря которому в Европе последние 45 лет сохранялся мир.

Американцы или западноевропейцы мало что могут сделать для сохранения холодной войны.

Во-первых, этому препятствуют внутривнутриполитические факторы. Очевидно, что западные лидеры не могут строить политику национальной безопасности, исходя из необходимости сохранять вооруженные силы в Центральной Европе только для того, чтобы там оставались советские войска. Идея размещения крупных воинских контингентов с целью вовлечения Советского Союза в гонку вооружений для поддержки нынешнего порядка была бы отвергнута как эксцентричная и противоречащая общему убеждению, что окончание холодной войны и освобождение от советского ига в Восточной Европе сделают мир безопаснее и лучше.

Во-вторых, идея поддержки теряющего силу соперника идет вразрез с основными нормами поведения государств. Государства заботит в основном вопрос их относительной силы в системе, и поэтому они заняты поиском возможности обмануть друг друга. Так или иначе,

они хотят, чтобы их соперники теряли силу и влияние, и неизменно делают все, чтобы ускорить этот процесс и добиться максимально негативных для соперника результатов. Другими словами, государства не задаются вопросом, какое распределение силы наилучшим образом способствует стабильности, чтобы затем приложить максимум усилий для создания и поддержания такого стабильного порядка. Вместо этого каждая страна преследует более узкую цель — добиться максимального превосходства над потенциальными противниками. А международный порядок, который в итоге устанавливается, — это всего лишь побочный продукт подобного рода соперничества.

Рассмотрим, например, происхождение порядка, установившегося в период холодной войны. Ни одно государство не намеревалось его создавать. Фактически и США, и Советский Союз из всех сил стремились в первые годы холодной войны подорвать позиции другой державы в Европе, что положило бы конец биполярному порядку на континенте. Превосходная стабильная система, которая возникла в Европе в конце 1940-х, стала ненамеренным следствием интенсивного соперничества между сверхдержавами.

Больше того, даже если бы американцы и западноевропейцы хотели помочь Советскому Союзу сохранить статус сверхдержавы, вовсе не очевидно, что они смогли бы это сделать. СССР уходит из Восточной Европы и сокращает свои Вооруженные силы прежде всего потому, что его экономика испытывает огромные трудности. В Советском Союзе не знают, как исправить положение дел в экономике, а западные правительства мало чем могут тут помочь. Запад может и должен избегать причинения злонамеренного вреда советской экономике, но в настоящий переломный момент трудно понять, каким образом Запад мог бы серьезным и позитивным образом повлиять на ситуацию.

Тот факт, что Запад не способен удержать ситуацию в состоянии холодной войны, не означает, что США не должны пытаться сохранить нынешний порядок. Соединенным Штатам необходимо сделать все возможное, чтобы избежать полного взаимного вывода войск из Европы. Так, на переговорах по контролю над обычными вооружениями американцы должны стремиться добиться крупного взаимного сокращения сил, но им не следует ставить себе целью полный взаимный вывод. Возможно, Советский Союз все же выберет вариант полного ухода. Если такое случится, Соединенные Штаты мало что могут сделать, чтобы помешать этому.

Если же полный вывод советских войск из Восточной Европы окажется неизбежным, перед Западом встанет вопрос, как поддерживать мир в многополярной Европе. Ниже предлагаются три рекомендации относительно того, какой политический курс надо проводить в отношении Европы.

Первая рекомендация. США должны поощрять ограниченное и тщательно управляемое распространение ядерного оружия в Европе. Лучший способ избежать войны на континенте после холодной войны — ядерное сдерживание. Отсюда следует, что распространение ядерного оружия в определенной степени необходимо, чтобы компенсировать вывод советского и американского ядерных арсеналов из Центральной Европы. В идеале, как я уже упоминал, ядерное оружие должно быть у Германии, но ни у какого другого государства.

Вторая рекомендация. Великобритании и Соединенным Штатам, наряду с европейскими странами, придется противостоять любому новому агрессору активно и эффективно, с тем чтобы уравновесить процесс объединения стран и взаимного устрашения, который неизбежно начнется в Европе после холодной войны. Однако установление баланса в многополярной системе затрудняется либо из-за географического фактора, либо из-за проблем с координацией действий. Великобритания и США, будучи физически отделены от европейского континента, могут посчитать, что они не особенно заинтересованы в развитии событий там. Это означало бы отказ от обязательств и, что более важно, отказ от своих интересов в Европе.

Обе эти державы не сумели противодействовать Германии в периоды, предшествовавшие двум мировым войнам, и тем самым повысили степень вероятности развязывания этих войн. Для мира в Европе весьма существенно, чтобы Великобритания и Соединенные Штаты не повторили ошибки прошлого.

Оба этих государства должны поддерживать вооруженные силы, которые можно развернуть против тех континентальных стран, от которых исходит угроза миру. Для этого они должны будут убедить своих граждан одобрить политику продолжения выполнения обязательств в Европе. Сейчас сделать это будет труднее, чем в прошлом, потому что главной причиной продолжения курса на дальнейшее выполнение этих обязательств будет не предотвращение грядущей гегемонии, а сохранение мира; необходимость предотвращения гегемонии объяснить общественности легче. Больше того, согласно этой рекомендации, Великобритания и США должны взять на себя реше-

ние непривычной задачи, учитывая то, что государствам по их природе присуще уделять основное внимание максимальному увеличению относительной силы, а отнюдь не укреплению стабильности.

Тем не менее британцы и американцы реально заинтересованы в мире, особенно из-за риска широкомасштабного использования ядерного оружия в будущей европейской войне. По этой причине правительствам обеих стран следует убедить общественность признать эту заинтересованность и поддержать политику, направленную на ее поддержку.

Советский Союз может в конце концов вернуться к своей прежней политике экспансионизма и угрожать нарушением *status quo*. Если такое случится, мы вновь возвратимся к холодной войне. Однако, если СССР будет придерживаться политики сохранения *status quo*, его мощь могла бы сыграть важную роль в противодействии Германии и в поддержании порядка в Восточной Европе. Важно, чтобы в тех случаях, когда Советский Союз действует как уравнивающая сила, Соединенные Штаты сотрудничали бы со своим бывшим противником и не допускали бы проявлений недоверия как пережитка холодной войны.

Третья рекомендация. Необходимы совместные усилия для того, чтобы не допускать проявлений гипернационализма, особенно в Восточной Европе. В период холодной войны национализм удавалось сдерживать, но он может проявиться, как только советские и американские войска покинут центр Европы. Если национализм не обуздать, он станет причиной беспорядков. Честное преподавание истории своей страны особенно важно, поскольку ложная, шовинистическая интерпретация истории — основное средство распространения гипернационализма. Страны, в которых история преподается в искаженном виде, когда политика собственного государства оправдывается и само государство возвеличивается, нужно открыто критиковать и подвергать санкциям.

Выполнение любой из перечисленных задач будет нелегким делом. Собственно говоря, я не предполагаю, что этим рекомендациям будут следовать; большая часть из них идет вразрез с преобладающими настроениями и общественным мнением в Америке и Европе, а также с сутью поведения государств. Даже если данные рекомендации будут выполняться, это не сможет гарантировать мир в Европе. Если холодная война действительно осталась в прошлом, тогда вряд ли в ближайшие десятилетия можно надеяться на стабильность, которая царил в Европе последние 45 лет.

От редактора

Статья Джона Миршеймера была опубликована в августе 1990 года, ровно в середине отрезка между двумя историческими событиями. Почти годом раньше — осенью 1989-го — рухнула Берлинская стена, что знаменовало конец «советского блока» в Европе. А еще через год — летом 1991-го — по сути, прекратил свое существование Советский Союз, хотя до юридического оформления этого факта прошла еще пара месяцев.

В возбужденной атмосфере судьбоносных перемен, когда казалось, что мировая политика пойдет отныне по какой-то иной, чем раньше, траектории, сумрачный реализм Миршеймера представлялся несвоевременным и неоправданным.

Спустя почти два десятилетия приходится признать, что предостережения чикагского профессора ближе к реальности XXI столетия, чем предчувствие «новой эры», о котором говорили его тогдашние оппоненты. Мир действительно оказался куда менее стабильным и предсказуемым, чем в годы холодной войны.

К счастью, не все из того, что ожидал Джон Миршеймер, осуществилось. Так, вопреки его опасениям, объединенная Германия не стала источником реваншизма и великодержавных амбиций. Будучи последовательным реалистом, то есть представителем школы, которая считает национальное государство исключи-

тельным субъектом международных отношений, Миршеймер не верил в феномен Европейского союза. Между тем это надгосударственное объединение с уникальной политической культурой действительно изменило атмосферу Старого Света, скорректировав поведение государств.

По той же причине не осуществились сценарии ядерной гонки в Европе, однако в более широком контексте они реализованы. Ядерное оружие действительно расплзается по планете, превратившись и в средство защиты суверенитета, и в атрибут особого статуса.

Вообще, то, о чем пишет Миршеймер, воплотилось в жизнь, но не в европейском, а мировом масштабе. Что, в общем, вполне объяснимо: он все-таки анализировал эпоху, на протяжении которой большая мировая политика практически исчерпывалась Европой и евро-атлантическим пространством. А в конце XX — начале XXI столетия глобальная арена резко расширилась, включив в себя регионы, не игравшие серьезной самостоятельной роли в предыдущие века. Утрата баланса международной системы, опасность многополярности как весьма нестабильной модели, конкурентная и «внеэкономическая» логика поведения государств, рост национализма — все это наглядно проявилось в прошедшие годы.

Подход Миршеймера противоречит либеральному представлению, которое доминировало в оценке мирового

развития в последние два десятилетия. По его мнению, достижение экономической рентабельности и процветания — это не определяющая цель деятельности государства как международного субъекта, таковой является только обеспечение безопасности. И когда эти две задачи сталкиваются, политическая всегда берет верх, разрушая, казалось бы, разумные экономические аргументы. Трудно найти более убедительный пример справедливости подобной точки зрения, чем политизация энергетики и те страсти, что кипят в Европе вокруг поставок российских углеводородов.

Автор ставит под сомнение и такую аксиому, как «демократии не воюют друг с другом». И хотя со времени написания статьи вооруженных конфликтов между развитыми демократиями не случилось, примечательно, что именно демократии масштабно применяли военную силу: Югославия, Афганистан, дважды Ирак, не считая локальных проявлений.

Некоторые моменты статьи Джона Миршеймера перекликаются с сегодняшними конфликтами. Скажем, ему и в голову не приходило, что после роспуска Организации Варшавского договора НАТО сохранится, а Москва это позволит. Для автора само собой разумеется, что с концом идеологического противостояния его инструменты уйдут в прошлое и придется создавать новые институты. Скорее всего, рано или поздно так и будет, но прощание с Североатлантическим

альянсом затянулось. Миршеймер ошибся и в том, что США придется уговаривать не уходить из Европы. Вашингтон не собирается уступать там позиции, хотя расхождение стратегических горизонтов Старого и Нового Света весьма заметно.

Ну и, конечно, пророчески звучит следующий пассаж: «Честное преподавание истории своей страны особенно важно, поскольку ложная, шовинистическая интерпретация истории — основное средство распространения гипернационализма. Страны, в которых история преподается в искаженном виде, когда политика собственного государства оправдывается и само государство возвеличивается, следует открыто критиковать и подвергать санкциям». Как будто обращено напрямую к властям государств, возникших на территории бывшего СССР, у которых то эсэсовцы становятся национальными героями и истинными патриотами, то Сталин провозглашается «эффективным управленцем».

Статья «Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне» создает благоприятную почву для размышлений именно сегодня, когда всем очевидно: что-то в мире пошло не так. Конечно, схемы прежней эпохи восстановить невозможно да и не нужно. Но полезно внимательно взглянуть на то, от чего мы уходили, чтобы всерьез задуматься, почему мы пришли не туда, куда стремились.

Россия как империя и периферия

Закономерности российской истории

Доминик Ливен

Много лет в толковании российской истории я руководствовался пониманием России как империи и периферии одновременно.

Империя предполагает огромную мощь, а также государство, правящее обширной территорией и множеством народов. Для меня империя является также антитезой народному суверенитету и национальной независимости — доминирующим идеологиям современного мира.

Периферия означает, что Россия находилась на окраине Европы (и — шире — западной цивилизации) как с точки зрения мощи, так и с точки зрения ценностей. Ее элиты не были едины в вопросе о том, относится ли Россия к Западу или, напротив, является миром в себе. Двигателем большей части современной истории страны служила решимость Российского государства конкурировать с великими западными державами. Эта решимость более всего обуславливалась соображениями безопасности и власти, но свою роль играли и тревоги относительно идентичности и статуса России.

ГЕНЕЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Очевидно, не все в российской истории можно объяснить исходя из понятий империи и периферии. Центральные элементы российской идентичности сформировались до того, как Россия пре-

Доминик Ливен — профессор Лондонской школы экономики, автор трудов по русской истории и сравнительной истории империй, в том числе книги «Российская империя и ее соперники». Эта статья основана на лекции, прочитанной на ежегодном Энгельсбергском семинаре (Швеция), и включена в сборник *On Russia*, который готовит к публикации фонд *Ax:son Johnson*.

вратилась в империю, а подъем Европы к мировому господству сделал полезной концепцию периферии. Эти элементы включают в себя природную среду, то есть, иными словами, почву, климат и обширные евразийские леса и степи, на которых выросло российское общество. Они включают в себя также православную церковь, и не только ее догмы и установления, но и то, как православие отделило россиян от соседей — католиков, мусульман и язычников. Наконец, было и самодержавие, более близкое к Европе, чем к имперскому самодержавию в Китае или исламскому миру, однако в важнейших аспектах отличавшееся от европейских традиций феодализма во всем, что они означали с точки зрения представительных институтов и понятий о правах и договоре.

Простое перечисление этих трех ключевых элементов традиционной идентичности подчеркивает, сколь многое изменилось в 1917 году. Из идентичности новой России, которая теперь должна была быть укоренена в успешной социалистической современности, оказались исключены не только самодержавие и церковь. Исключено оказалось и крестьянство, которое для народников было сущностью страны и предметом их преданности. Из всех этнических сообществ империи первой жертвой массовых депортаций в советскую эпоху стали казаки, формировавшие еще одну часть национальной идентичности.

Возможно, правильно было бы сказать, что советский режим вырвал с корнем больше элементов традиционной русской самобытности, чем самобытности большинства нерусских меньшинств. На то, конечно, имелась веская причина. Для советских правителей было крайне важно трансформировать привязанности и умонастроения основной этнической группы.

Со временем некоторые элементы прежней России снова просочились в советский канон, хотя и в измененной форме. Массовая грамотность и культурная контрреволюция 1930-х превратила Пушкина в связующее звено для всех русских. И самодержавие Романовых, и советский режим отвергали западную демократию, хотя базировались на очень разных понятиях. Часть старого отношения к «властям» не только сохранилась, но и укрепилась при советском правлении.

Это относится и к представлениям о России как великой державе, которой постоянно что-то угрожает. СССР унаследовал тех же соседей и многие из геополитических императивов, которые

были у Романовых. Но монархия и ее элиты видели себя частью европейского «концерта великих держав». Большевизм принес с собой понимание международных отношений как игры с нулевой суммой между капитализмом и социализмом, где роль Москвы заключалась в том, чтобы привести историю к концу, возглавив великое общемировое движение за торжество коммунизма. Мощь и цели Советского Союза по своим масштабам были еще более имперскими, чем у монархии.

Чтобы стать первоклассной державой и империей, Российскому государству требовалось обладать большими способностями для мобилизации населения, которое было обычно более бедным, чем в странах-конкурентах, и разбросано по огромной территории. В XVIII и первой половине XIX века, когда царская внешняя политика была наиболее успешной, источниками мощи России служили крепостное право и вестернизация российских элит. В этом контексте полезно прибегнуть к сравнению с Османской империей.

Подобно Романовым османы правили империей на периферии Европы и в XVIII столетии столкнулись с вызовом растущей европейской мощи. Однако в отличие от Романовых турецким властителям не удалось создать ни армию с пехотой европейского типа, ни финансовую и административную базу, необходимую для содержания такой армии. В значительной степени это объяснялось неспособностью дисциплинировать либо вестернизировать имперские элиты. Цена неудачи была высока и в конечном счете привела к этническим чисткам мусульман на Балканах и на Кавказе, а также к европейскому доминированию и даже к колонизации части центральных областей, принадлежавших мусульманам.

Но для российского общества цена успеха царизма тоже была высока. Она включала в себя революцию 1917-го, которую в значительной степени питала ненависть к крайне репрессивному и беспощадному государству. Оно управлялось элитой, которая повсеместно воспринималась массами не только как эксплуататорская, но и как культурно чуждая.

Однако в любую эпоху успешность внешней политики России очень сильно зависела от международного контекста. Ее достижения в 1700–1815 годах в значительной мере были обусловлены тем, что из пяти великих держав Россия являлась единственной, у которой не было постоянного, закоренелого врага и которая поэтому могла стравливать своих соперников друг с другом. В XIX веке это

положение изменилось. Британцы и французы объединились, чтобы нанести России поражение в Крымской войне (1853–1856). Пруссия и Австрия, вековые противники, в 1879-м начали консолидацию германского блока в Центральной Европе. В течение следующего столетия международная политика в основном вращалась вокруг борьбы трех блоков, объединенных геополитическими интересами и идеологией, а также до некоторой степени этническим происхождением. Россия неимоверной ценой сумела одолеть германский блок в 1945 году. Впоследствии она надорвалась в борьбе за мировое господство с англо-американским альянсом, который формировал сердцевину Запада и определял его значение.

В 1917–1921-м большевики победили во многом благодаря международной ситуации. В мирное время европейские державы никогда не позволили бы России превратиться в штаб-квартиру мировой социалистической революции и отказаться возвращать свои огромные долги. Только в условиях европейской войны, истощившей другие державы и натравившей их друг на друга, большевистская революция была способна выжить. Владимир Ленин это понял.

В его теории империализма доказывалось, что капиталистические державы обречены сражаться друг с другом за рынки и дешевое сырье, вследствие чего восторжествует социализм. Когда по итогам Второй мировой войны сначала Восточная Европа, а потом Китай попали под власть коммунизма, теория стала выглядеть убедительно. Однако в дальнейшем проявилась ее несостоятельность. Капиталистический мир объединился под американским лидерством, а международное коммунистическое движение раскололось между Россией и Китаем, что создало огромную дополнительную нагрузку на советские военные и экономические ресурсы.

ЦИКЛЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

В последние годы существования СССР я обычно объяснял текущие события в соответствии со схемой предыдущих циклов модернизации, начатой государством и призванной обеспечить выживание России в качестве великой державы в жестко конкурентном мире, где доминировал Запад.

Первым таким циклом, который я назвал *«погоней за Людовиком XIV»*, была борьба за превращение страны в великую европейскую военную и финансовую державу. Поражение, которое Алек-

сандр I нанес Наполеону, символизировало успех этого предприятия, однако его настигла индустриальная революция, которая к середине XIX века изменила баланс сил в Европе.

В Крымской войне Россия воевала с помощью технологий доиндустриальной эпохи, в то время как ее враги использовали нарезное огнестрельное оружие, железные дороги, пароходы и телеграф. Тогда Александр II начал второй большой цикл модернизации, чтобы обеспечить *выживание России как великой державы в индустриальную эпоху*. Этот цикл привел к революции 1917 года.

Победа Иосифа Сталина в войне с Германией символизировала успех России (прежде всего он, грубо говоря, обеспечивал выживание и имел основное значение для правящих элит) на этом втором витке. Однако глобальная капиталистическая экономика вновь обманула ожидания победившей России, перейдя к 1970-м годам в постиндустриальную эпоху, что грозило Советскому Союзу отсталостью, унижением и незащищенностью, если он не сумеет догнать Запад. В этом кроется самая элементарная причина перестройки.

Параллели между Александром II и Михаилом Горбачёвым работают, потому что оба действовали в эпохи, когда либеральные идеи находились на подъеме. Во времена и Уильяма Гладстона, и Рональда Рейгана либеральный капитализм и либеральная политика казались путем к преуспевающей, а следовательно, динамичной современности. Для тех, кто хоть что-то знает о дилеммах, стоявших перед Александром II, было нетрудно предсказать многие из проблем Михаила Горбачёва.

Авторитарное, многонациональное, имперское государство, державшееся на силе и инерции, подвергало себя многим опасностям, вводя либеральные реформы. Невежество советской элиты относительно дореволюционной истории России сделало ее перед лицом этих опасностей намного более слепой, чем следовало.

Не все, что случилось с Россией после 1991-го, можно объяснить имперским наследием. У глобализации много врагов даже в тех обществах, благосостояние, институты и история которых обеспечивают против них некоторую защиту. В период с 1914 по 1945 год эти враги почти повсеместно торжествовали победу в Европе, а первая волна либеральной глобализации разбилась. В 1990-х, в период второй волны глобализации, на Россию обрушился либерально-капиталистический ураган, а у нее не было какой-либо эффективной защиты — правовой, социальной или психологической.

ТРАВМА ОТ УТРАТЫ ИМПЕРИИ

К этому надо добавить и потрясение от утраты имперского статуса. Рассматривая крушение СССР в британском контексте, придется вообразить мгновенную дезинтеграцию Британской империи в 1930-х годах, когда она уже отчасти утратила блеск, но при этом большинство британцев все еще считали ее и частью природы, и благом по определению. К развалу империи надо прибавить отделение от нее Шотландии (Украины) и Уэльса (Белоруссии), а также свержение монархии и крах парламентской системы правления. Добавим к этой картине более тяжелую экономическую депрессию, чем в 1930-х. При такой комбинации даже флегматичные англичане той поры потеряли бы самообладание.

Меня во многом поражает относительная ограниченность российского отката назад. В частности, то, что население страны воспринимает стабильное авторитарное правление вполне закономерно. Учитывая российскую историю, неудивительно и то, как много символов и аргументов способны мобилизовать националистические элиты, намеренные восстановить авторитарную систему и укрепить гордость и влияние России.

Сравнение с гибелью других империй действительно помогает взглянуть на современные российские проблемы в широком контексте. Во всех отношениях проще терять заморскую империю, чем прилегающую континентальную. Британцы, французы и голландцы *имели* империи, а русские, австрийцы и турки *сами были* империями. Не только география, но и британская конституционная традиция определяли весьма заметное различие между Соединенным Королевством и даже белыми заморскими колониями.

Правда, и в Британской, и во Французской империях существовали промежуточные зоны. Ирландия и Алжир во многих аспектах являлись, по сути, колониями, однако с институциональной и правовой точек зрения были частью метрополии. Это объясняет, почему распорядиться этими территориями оказалось куда более мучительно, чем потерять заморские колонии. В случае Франции, например, «бегство» из Алжира привело к падению Четвертой республики и даже на короткое время создало возможность осуществления военного переворота в метрополии.

В некотором смысле различие между потерей заморских и прилегающих территорий представляется делом простым. Так, с тех пор как Британия ушла из Бирмы, в отдельных регионах этой страны с

переменной интенсивностью идет гражданская война. Но поскольку Бирма находится довольно далеко от Кента, это мало коснулось британцев. Только сейчас из-за постимперской иммиграции распад Пакистана превращается едва ли не в главную угрозу внутренней безопасности британского населения. Бывшей метрополии гораздо труднее избежать последствий хаоса в бывших колониях, если они — ее соседи. Это, в частности, относится к Чечне, которая с 1991 года превратилась в базу для террористической активности в России и источник потенциальных беспорядков на Северном Кавказе.

Правда, одной из причин этого стала грубая и неуклюжая реакция Москвы на чеченское сопротивление. Впрочем, это не должно удивлять тех, кто знаком с противоповстанческими операциями в последние годы существования Британской и Французской империй. В качестве примера можно назвать свирепую тактику англичан, использованную для подавления движения «Мау-мау» в Кении, и колониальную политику в Алжире. Отчасти потому, что они происходили за пределами Европы, британские и французские действия против повстанцев меньше критиковались европейским общественным мнением и институтами. Однако память тоже бывает услужливо короткой. Французы угнали иностранный самолет для того, чтобы захватить алжирского лидера Ахмеда Бен Беллу. Англичане и французы вместе провели суэцкую операцию в 1956-м, чтобы поддержать свою слабеющую гегемонию на Ближнем Востоке.

Когда Великобритания, Франция, Испания и Голландия лишились своих заморских территорий, они превратились в государства очень ограниченного международного значения. Крах СССР и распад мирового коммунистического лагеря тоже сильно ослабили мощь России. Но русские все-таки удержали главную драгоценность своей имперской короны — Сибирь. Поскольку цены на нефть и газ, по-видимому, и дальше будут очень высокими, это означает, что, в отличие от других бывших империй, Россия останется великой державой, хотя и не сверхдержавой.

Империя, однако, всегда не только дает ресурсы, но и налагает бремя. Логика деколонизации частично заключалась в желании его сбросить. Гарольд Вильсон смог объявить, что отныне Великобритания не несет ответственность за безопасность к востоку от Суэца. Но, владея Сибирью и Приморьем, ни один российский лидер не может аналогичным образом отказаться от обязанностей по их обо-

роне. В XXI столетии Азиатско-Тихоокеанский регион, по всей вероятности, станет значительно более динамичным и одновременно намного более нестабильным, чем Европа. У России огромная общая граница с Китаем и сокращающееся население Сибири и Дальнего Востока. Все те, кто знаком с бывшей австралийской паранойей по поводу демографической азиатской «угрозы», могут легко представить себе обеспокоенность России растущей мощью Китая.

Сравнение с Австрией помогает лучше понять нынешние российские дилеммы, возможности и соблазны. Строить постимперскую австрийскую идентичность после 1918 года было гораздо труднее, чем восстанавливать российскую идентичность после 1991-го.

Россияне жили в одной стране много веков. Никто не сомневается, что Пушкин был русским. Но был ли Моцарт австрийцем и вообще что это значило – быть австрийцем до 1918 года? Это могло означать отождествление с австрийским правящим домом, то есть с Габсбургами, и с их империей. Это могло подразумевать верность своей провинции или немецкому католицизму. Но, скорее всего, это не подразумевало отождествления со всеми германскими этносами, проживавшими в Австрийской империи.

В любом случае победившие союзники не позволили всем этим народностям присоединиться к постимперской Австрии. В самоопределении было отказано судетским немцам, которых присоединили к Чехословакии против их воли. При наличии выбора жители западноавстрийской земли Форарльберг, вероятно, вошли бы в состав населения Швейцарии. Для тирольцев, похоже, самым важным было сохранить целостность своей провинции. Ради этого очень многие немцы из Северного Тироля даже предпочли присоединиться к презираемой ими Италии. Тем временем большинство жителей центральных австрийских провинций хотели присоединиться к Германии, но им это было запрещено.

Не менее важно то, что многие австрийские немцы не приняли гегемонию либеральной демократии и либерального капитализма даже после поражения Австрии и Германии в 1918-м и распада империй Габсбургов и Гогенцоллернов. К 1914 году немцы Центральной Европы создали во многих отношениях самые динамичные в мире экономику и культуру. У них были лучшие университеты и самые передовые системы социального обеспечения. Капитализм, который они предлагали миру, был более корпоративным и менее индивидуалистическим, чем его англо-американский эквивалент.

Может быть, это был появившийся до срока азиатский капитализм Ли Куан Ю под властью полуавторитарных государств (монархий Габсбургов и Гогенцоллернов), отрицавших принцип народного суверенитета. Немцы возглавили также международное социалистическое движение, которое само являлось коллективистским и демократическим, однако совершенно необязательно либеральным. В 1914-м было легко поверить, что XX век в Европе будет принадлежать немцам. Эта немецкая версия современности оказалась побеждена франко-англо-американцами не в конкурентной борьбе, а на полях сражений. Когда в 1929 году либеральный капитализм разрушил сам себя, неудивительно, что немецкую Центральную Европу привлекли доморощенные альтернативы.

Немцев ничто не заставляло верить в незыблемость геополитических реалий, которые укрепляли либеральную демократию и либеральный капитализм после 1918-го. Напротив, хрупкость Версальского мира была очевидна. Базисным пунктом служило то, что в XX столетии только русские и немцы обладали ресурсами — экономическими и демографическими — для доминирования в Европе. В 1917—1918, 1945 и 1988—1991 годах упадок одних неизбежно сопровождался подъемом других. Две мировые войны в Европе являлись прежде всего борьбой за выживание между Германией и Россией и тем самым сражением за господство над Центральной Европой. Это неизбежно обеспечило бы победителю контроль над ресурсами в таком масштабе, что он добился бы гегемонии над всем континентом, не вмешайся внешняя сила (т. е. американцы).

Исход Первой мировой войны не смог бы предсказать никто: поражение потерпели одновременно и Россия, и Германия. Версальский порядок был направлен против обеих стран. Тем самым он был обречен с самого начала, если бы только американцы не захотели предоставить перманентные военные гарантии этого соглашения в мирное время. В их отсутствие невозможно было сохранить европейский порядок, в котором не было заинтересовано ни одно, ни другое из двух сильнейших государств континента. Это было особенно справедливо, поскольку британцы одновременно пытались сохранить глобальную империю с помощью тающих (в относительном выражении) ресурсов. Франция в одиночку никогда не смогла бы поддержать Версальский мир. Всегда сохранялась вероятность того, что в Центральной Европе в той либо иной форме восстановится немецкая гегемония, хотя ей не обязательно было принимать вид гитлеровского варианта империи.

ИЗМЕНИТСЯ ЛИ АЛГОРИТМ?

Как часто бывает, сравнения позволяют оспорить допущения и увидеть новые ракурсы, однако редко дают ответы на современные дилеммы. Контексты меняются, общества отличаются друг от друга, случайные обстоятельства играют огромную роль. Судя по тому, как рушились империи в прошлом, нам надо было ожидать куда более серьезных неприятностей, чем те, которые на самом деле происходили начиная с 1991 года. Если подумать, например, о роли протестантов в Северной Ирландии или же «черноногих» (французы, родившиеся в Алжире. — **Ред.**), следовало ожидать гораздо более крупных проблем, связанных с проживанием 25 миллионов русских в национальных республиках бывшего СССР, чем назрели на самом деле.

Упадок и разрушение Британской империи происходили на протяжении жизни трех поколений, а на британские элиты сильно влияли представления вигов о законности, политическом компромиссе и согласии. Тем не менее распад Британской империи «завещал» миру индийско-пакистанскую конфронтацию, израильский конфликт с арабским миром и много проблем более мелкого масштаба.

Упадок и разрушение Австрийской империи оказались основной причиной двух мировых войн, поскольку Россия и Германия боролись за контроль над ее территорией. Опять-таки по этим меркам влияние краха Советского Союза на международные отношения до сих пор было относительно мягким. Конечно, слова «до сих пор» здесь важны: результаты разрушения империи могут сказаться спустя многие десятилетия.

В значительной степени сегодня, как и в прошлом, судьба России будет зависеть от международного контекста. Этот контекст сейчас очень отличается от того, который имел место в предыдущие эпохи, не в последнюю очередь потому, что из-за наличия ядерного оружия стало крайне опасно доводить ссоры между великими державами до такой крайности, как война. Однако в целом мне кажется, что Соединенные Штаты и их союзники продолжают оставаться самыми богатыми и могущественными странами в мире и если их версия либерального капитализма будет доминировать и впредь, то, скорее всего, именно эта модель в конечном счете возобладает и в России. Попытка возглавить мир под знаменем российской версии социализма довела страну до катастрофы, а потому трудно вообразить появление здесь какой-либо доморощенной идеологии, порождающей нечто подобное динамике нацизма.

Так или иначе, Россия будет оставаться слишком слабой, чтобы самостоятельно повести атаку на Запад, хотя может использовать в своих интересах такое нападение, возглавляемое другими державами, или даже присоединиться к нему. Как несколько преждевременно выразился в 1899 году американский адмирал Алфред Мэхэн, ключ к будущему, вероятно, в том, удастся ли Западу приобщить к своим ценностям азиатский средний класс.

Поэтому моя трактовка истории России как истории империи и периферии может ввести в заблуждение при размышлениях о будущей судьбе этой страны.

Во-первых, Россия уже не так сильна, чтобы считаться подлинной империей.

Во-вторых, международная система может вернуться к традиционной схеме равенства или даже преобладания Азии по отношению к Западу.

Следовательно, два фактора, которые, по моему мнению, определили многое в современной российской истории, утратили значительную часть своей силы. Чтобы вообразить, каким будет место России в будущей глобальной системе, нужно понимать ее историю, а также инстинкты, надежды и обиды, которые выросли на ее почве. Однако глупо было бы воображать, что поведенческие схемы, проявлявшиеся в последние триста лет гегемонии Запада, обязательно будут воспроизводиться в совершенно ином глобальном контексте. Не говоря уже о возможных последствиях экологического кризиса.

XXI век и заветы Жана Монне

Логика истории и отношения между Россией и ЕС

Стефан Шеперс

История порой вершится у нас на глазах, не давая понять, в каком направлении будут развиваться события. Как раз в тот момент, когда казалось, будто в продвижении к новому всеобъемлющему соглашению между Россией и Европейским союзом наметился прогресс, вдруг повеяло холодом. Причина — предпринятое режимом Михаила Саакашвили вооруженное нападение на отколовшуюся провинцию Южная Осетия и чересчур жесткая военная реакция Москвы на эту провокацию. Вскоре на мировых финансовых рынках разразился тяжелейший кризис, во многом вызванный действиями Уолл-стрит — финансового сердца США. Затем он перекинулся на Европу, вызвав серьезные экономические неурядицы.

Как писал британский политэконом Джон Грей, финансовый кризис знаменует собой конец одной конкретной модели рыночной экономики (англосаксонского типа капитализма, основанного на «свободном» рынке) и завершение одностороннего доминирования Соединенных Штатов в мировой политике. На примере таких гигантов прошлого столетия, как Британская империя и Советский Союз, становится очевидным, что в большинстве случаев войны в сочетании с колоссальным государственным долгом приводят великие державы к краху. В будущем США также превратятся всего лишь в одну из нескольких крупных держав планеты. Таким образом, оба события требуют тщательного анализа новых возможностей, открывающихся на мировой арене, с точки зрения будущего сотрудничества России и ЕС.

Стефан Шеперс — почетный генеральный директор Европейского института общественного управления (Маастрихт, Нидерланды), советник консалтинговой компании *EPRA* (Брюссель, Бельгия).

Для обеих сторон кризис может обернуться политико-экономическими возможностями, если подойти к отношениям между Россией и Евросоюзом конструктивно, творчески развивая их на основе доверия и взаимовыгодного сотрудничества.

Европейцам придется согласиться с тем, что Россия, эта великая цивилизация, существующая на протяжении многих столетий, никогда не будет похожей на Европу либо Америку. Она следует, как все уже поняли, иным путем. Однако некоторые фундаментальные особенности Европейского союза, такие, к примеру, как безусловное верховенство закона или система соцобеспечения, принесут, вне всякого сомнения, пользу россиянам и будут способствовать дальнейшему экономическому росту их страны. России необходимо понять и по достоинству оценить тот факт, что Европа в рамках ЕС претерпела кардинальные изменения. Для сближения с Евросоюзом вовсе необязательно отказываться от своих жизненно важных интересов в сфере безопасности либо экономики.

ОПАСНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ

На протяжении последних четырех веков различные державы стремились к господству на богатом в экономическом и культурном отношении европейском континенте, и только одна островная сверхдержава, Великобритания, обычно пыталась этому воспрепятствовать. Древнерусское государство, поглощенное устранением угроз, исходивших от татаро-монгольских соседей, стало приобретать современные очертания только в XVII столетии. А российского императора Петра I вдохновляла именно Европа.

Вестфальский мир 1648 года, к которому восходит понятие современного государства и суверенного правителя, косвенным образом повлиял на расклад сил в Европе. Мир, воцарившийся после опустошительных религиозных войн, оказался чреват новыми конфликтами, поскольку отношения между государствами по-прежнему основывались исключительно на праве сильнейшего. При этом отсутствовали какие-либо нравственные ограничения высшего порядка, которые опирались бы на международное право или церковный авторитет. А ведь в Средние века именно Церковь играла роль такого сдерживающего центра.

Политика и экономика тесно переплетаются. Подобно тому как структура феодального общества соответствовала сельскохозяйственному укладу экономики, современное государство с его бю-

рокрацией создает необходимые политические предпосылки для индустриализации и интенсивной торговли. Вкупе с научно-технической революцией и усиливавшейся конкуренцией на открытых, но регулируемых рынках такое общественное устройство обеспечило социальное благополучие и привело к образованию нового профессионального и индустриального среднего класса.

Модернизация России XVII и XVIII веков не привела к изменениям в преимущественно сельскохозяйственном укладе ее экономики, и лишь в конце XIX столетия, с началом индустриализации и с формированием среднего класса, Россия стала догонять Западную Европу, несмотря на трудно предсказуемый характер поведения царского режима.

Западноевропейский средний класс вскоре потребовал участия в процессе принятия политических решений, от которых зависели его интересы, что привело к укреплению парламентов сначала в Голландии и Англии, а затем и в других странах Европы (Центральной, Западной и Северной). Давая монархам ценные советы, парламенты вырабатывали совместные решения (относительно бюджета и законов), пока в XIX веке они не стали высшим органом народной власти, на который были возложены функции контроля над всеми аспектами государственной деятельности. В начале XX столетия введение всеобщего избирательного права, которое распространилось на крестьян и рабочих, а впоследствии и на женщин, завершило формирование либеральной демократии.

Вовлечение простых людей в управление государством привело к пересмотру всех бытовавших в ту пору представлений. До XIX века отдельные социальные группы отождествляли себя с религиозной, сословной либо этнической общностью. Но спустя всего пару поколений они стали осознавать себя подданными государства, которое даровало им личные свободы и обеспечивало экономическое благополучие.

Зарождавшееся общество всеобщего благосостояния задалось целью более равномерно распределять блага экономического прогресса между всеми своими членами. Германия и Швеция возглавили движение в направлении социальной демократии. В результате правящие и деловые элиты, ставя перед собой либеральные и социально-демократические цели, смогли привлечь к себе симпатии простых граждан. А благодаря системе всеобщего образования и новым средствам массовой информации (газеты, радио, а значительно позже и телевидение) в людях вызревало новое национальное самосознание. Рациональные игры в политическое равновесие с ограниченными

военными действиями теперь были невозможны. Остается только гадать, каким образом эта цивилизованная и сытая Европа в августе 1914-го внезапно развязала войну. Люди рассчитывали на краткосрочный победоносный конфликт, чтобы уже к Рождеству вернуться домой. Но технический прогресс внес коррективы в привычную парадигму военных действий, а лояльность новому национальному государству позволила осуществить массовую мобилизацию. Европа и Россия впервые столкнулись с великими социально-экономическими и культурными потрясениями нового времени.

Революционная ситуация, сложившаяся в послевоенные годы; крушение многих традиционных режимов; государственный переворот, совершенный большевиками в России; усиление влияния компартий в ряде стран; Великая депрессия 1930-х годов (начавшись в Америке, она перекинулась на Европу и привела к массовому обнищанию населения); гражданская война в Испании... Все это посеяло страх в душах бюргеров и трудящихся, а также неуверенность в завтрашнем дне. Социально-экономическая нестабильность создала предпосылки для возникновения фашистских и нацистских режимов.

Еще одному поколению европейцев суждено было пережить ужасы войны, вновь многократно усугубляемые техническим прогрессом. Никогда еще в истории не было столько жертв, и никогда раньше общество, будучи воспитано на традициях и культуре эпохи Просвещения, а также на вере в непрерывный социально-экономический прогресс и постоянно растущий уровень жизни простых людей, не переживало это так остро.

Пришла пора исправлять фундаментальные изъяны вестфальской модели государственного устройства, которая доказала свою полную неспособность предусмотреть экономические, технологические и политические последствия, сопряженные с системными изменениями.

ИННОВАЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ

Процесс западноевропейской интеграции стал прямым следствием опустошительных мировых войн. Возникла безотлагательная необходимость в длительном мире между Германией и Францией и восстановлении экономики. Было признано, что наука и технический прогресс являются такими же локомотивами современной капита-

либеральной экономики, как капитал и труд, и что для процветания экономики нужны открытые рынки. Пришло и ясное понимание того, что социальная стабильность – необходимая предпосылка инвестиционной активности бизнеса и экономического роста, залог того, что к власти не будут допущены политические авантюристы. Деловая, профсоюзная и политическая элиты Западной Европы (вначале представлявшие шесть стран) объединились вокруг идеи создания новой политико-экономической организации.

Поставленную двойную цель (мир и всеобщее благосостояние) можно было достигнуть лишь при соблюдении двух условий. Как никогда раньше, возникла необходимость в экономической взаимозависимости, способствующей получению компаниями доступа к конкурентным рынкам для реализации капиталоемкой и наукоемкой продукции. В то же время следовало уравновесить абсолютный суверенитет национальных государств путем их объединения в новую систему совместного управления и введения власти закона в странах – участницах такого объединения.

Новая форма сотрудничества государств была предложена французским государственным деятелем Жаном Монне. Больше не руководствуясь в своих отношениях международным правом, правительства стран – членов новой, отныне наднациональной организации сотрудничали в рамках добровольно принимаемой ими власти закона. Европейскому союзу присущи некоторые характерные особенности федерального устройства, но разница состоит в том, что отдельные государства-нации играют более важную роль.

Предшественники нынешнего ЕС (Европейское объединение угля и стали и Европейское экономическое сообщество) быстро добились социально-экономического успеха, поскольку в основе их деятельности лежали родственные идеи либеральной и социальной демократии. Несмотря на вынужденную перестройку целых секторов экономики, вернулись уверенность в бизнесе и социальная стабильность. Всего этого удалось добиться благодаря образованию единого рынка и интеграции в сельском хозяйстве, а затем в промышленных отраслях. Наконец, был создан Экономический и валютный союз (и введена единая валюта евро). Процесс интеграции продолжается в таких отраслях, как услуги и энергетика.

Развитие экономики и научно-технический прогресс способствовали беспрецедентному росту благосостояния, которое равномерно распределялось среди европейцев. Самое главное, что сегод-

ня немыслима какая-либо война между Германией и Францией, равно как и между любыми другими странами — участницами Евросоюза. Успех был настолько впечатляющим, что количество стран-кандидатов на присоединение к Европейскому союзу начало стремительно расти. К членству в общеевропейском объединении склонилась даже Великобритания, всегда державшаяся особняком. Уже к 1995 году в ЕС вступили 15 стран.

После распада Советского Союза эта политико-экономическая организация стала быстро распространяться на страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), перестраивая экономику на принципах либеральной и социальной демократии. Со временем эти страны полностью влились в Экономический и валютный союз Европы. Таким образом, социально-рыночную экономику всеобщего мира и благосостояния удалось перенести из Западной, Северной и Южной Европы в страны Центральной и Восточной Европы, что способствовало их политической и социально-культурной стабилизации.

Разворачивающийся исторический процесс способствует укреплению межгосударственных отношений, установлению длительного мира и стабильного общества. Последнее обеспечивается благодаря широкой и качественной системе социального обеспечения, включающей в себя общественное здравоохранение, пособия по безработице, пенсии по старости и общедоступное образование. Среднестатистический доход в странах Западной, Северной и Южной Европы никогда еще не был таким высоким. Неудивительно, что жители ЦВЕ, столкнувшись с необходимостью болезненной экономической перестройки, охотно присоединились к Евросоюзу. Вне всяких сомнений, подавляющее большинство граждан Европейского союза не желают возвращения к прежней политике, основанной исключительно на балансе сил, и озадачены поведением националистических авантюристов на Балканах и в Грузии.

В основе успеха ЕС, достигнутого после многих взлетов и падений, — изначальное разделение полномочий современного государства: вопросы безопасности и социального обеспечения граждан решаются на национальном уровне, а макроэкономическая и денежная политика — на межнациональном. Система принятия решений такова, что ни одна отдельно взятая страна не может навязывать свою волю другим (благодаря голосованию по принципу квалифицированного большинства на межправительственном уровне). Два

учреждения (Еврокомиссия с назначаемыми членами и Европарламент с избираемыми делегатами) представляют общие взгляды и интересы европейцев. Одно учреждение (Совет министров) действует в интересах отдельных стран — членов Евросоюза. Европейский совет глав государств и правительств вырабатывает долгосрочный политический курс.

Серьезный вызов XXI века заключается в том, чтобы использовать опыт построения мира и процветания в Европе для достижения аналогичных результатов в отношениях между Европой и Россией.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

КАК НОВЫЙ ПРИОРИТЕТ В ПОЛИТИКЕ

Как верно заметил американский исследователь Джереми Рифкинд, Европа движется к созданию инновационной социально-культурной парадигмы для своих народов. Он утверждает, что именно Европа, а не его родная страна взяла правильный курс на социально-экономическое развитие современного общества. Возможно, это еще один запоздалый эффект Вестфальского мира, а также влияния тех сил, которые он привел в движение. И не в последнюю очередь это — следствие тех впечатляющих результатов, которых удалось добиться Европейскому союзу.

Политическое устройство тесно взаимосвязано с экономической моделью. И политика, и экономика влияют на общественную жизнь, одновременно они испытывают на себе обратное воздействие тех невидимых процессов, которые происходят в самом обществе и которые зависят от взглядов и устремлений отдельных индивидов. Европейцы стали по-другому смотреть на жизнь и общество. Сказывается воздействие таких факторов, как почти полное исчезновение крестьянского сословия в XX столетии, демографический сдвиг, укрепление позиций профессионалов и среднего класса, распространение их качества жизни на рабочих.

К этому следует добавить более полувека мирной жизни и экономического роста, плодами которого пользуются почти все граждане благодаря распределительной социальной системе, общедоступному образованию, свободе информации, а также резкому сокращению влияния религии. Философы говорят о пост- и трансмодернистской культуре, которая по-прежнему испытывает влияние идей эпохи Просвещения XVIII века, но движется к тому, чтобы применять их в ином ключе.

Добившись установления власти закона в национальных государствах, европейцы, похоже, взялись за обуздание и укрощение капиталистической индустриальной экономики, считая это своей главной исторической миссией на сегодняшний день. Эта миссия уходит корнями в немецкую и скандинавскую модели социальной демократии, а также в успешное управление рыночной экономикой вкпе с государственной системой социального обеспечения. Это основополагающая модель всех стран — членов ЕС, хотя в каждой из них она находится на разных этапах развития.

Еще одна первостепенная задача — обеспечение устойчивого экономического развития. Подобно тому как раньше свобода рыночной экономики ограничивалась в целях улучшения условий жизни рабочих, теперь вводятся ограничения для защиты окружающей среды и здоровья всех граждан. Такие действия продиктованы преимущественно новой социально-культурной парадигмой, которая больше не делает ставку на экономический рост как самоцель. Даже если некоторые из мер (например, в агропродовольственном секторе) означали усиление протекционизма.

Речь не идет о неких благих намерениях — просто деградация окружающей среды обходится гораздо дороже, чем меры, направленные на ее предотвращение. Более того, это заставляет компании вкладывать средства в исследования и инновационные технологии, которые создают им новые конкурентные преимущества на мировых рынках. Все большая доля европейского ВВП формируется за счет экологичных предприятий. Растущая дороговизна системы общественного здравоохранения вкпе с демографическим сдвигом делает профилактику заболеваний важным приоритетом для европейских правительств. Отсюда и все более необходимая взаимосвязь между общественным здравоохранением и задачами экологической политики. Чем лучше условия жизни, тем дольше хотят жить люди. Вот почему подобная политика пользуется широкой поддержкой европейского населения.

ПОСТОЯННО РАСШИРЯЮЩЕЕСЯ АТЛАНТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Подобная логика развития неизбежно оказывает влияние и на восприятие европейцами внешнего мира. Они стремятся экспортировать собственную модель стабилизации межгосударственных отношений с помощью власти закона, поддерживая идею регионально-

го сотрудничества на других континентах или стимулируя усиление международных организаций.

Социальное обеспечение, распространяющееся на всех граждан, требует экономического роста, двигателем которого сегодня являются торговля и инновационные технологии. Развитие последних, в свою очередь, требует стабильности. Вот почему европейские политические и экономические элиты объединяются во имя достижения этих целей, которые всё в большей степени определяют внешнюю политику, формирующуюся на уровне Евросоюза в целом. Все это так непохоже на традиционные межгосударственные отношения, для которых во многом характерны открытая эксплуатация экономических возможностей и использование военной силы. Силовая политика, безусловно, пока еще играет определенную роль в поддержании мира и стабильности, хотя и не идущую ни в какое сравнение с прежними историческими эпохами (европейцы всегда предпочтут миротворчество военным действиям).

Трансформация европейских ценностей также явилась следствием очевидного выбора в пользу международного сотрудничества в вопросах изменения климата и охраны окружающей среды. Европейцы заинтересованы в том, чтобы и другие страны взяли на себя соответствующие обязательства, скрепив их своими подписями на ооновских документах. Нельзя не заметить и положительные изменения в сфере торговли с развивающимися странами, в оказании поддержки жертвам военных конфликтов и природных катастроф, а также в отстаивании прав человека (хотя зачастую Европейский союз поступает в этих вопросах непоследовательно).

Согласно утверждению еще одного американского автора, Роберта Кейгана, американцы находятся под покровительством Марса, а европейцы — Венеры. Большинство европейцев считают это комплиментом (американцы в данном вопросе с ними расходятся). Хотя ЕС вдохновляют новые социально-политические приоритеты, он не становится гигантской Швейцарией. Это непозволительная роскошь, поскольку экономические и геополитические интересы, а также историко-культурные связи Европы охватывают весь земной шар, а иногда требуют военного вмешательства.

Вот почему Евросоюз приступил ныне к созданию собственной военной структуры или, точнее говоря, начал аккумулировать и обновлять соответствующие возможности отдельных стран-участниц. Никто не собирается заново отстраивать военную машину — прос-

то необходимо сократить нынешнее распыление финансовых ресурсов, как минимум, в целях формирования более сбалансированного бюджета. На это уйдет пара десятилетий.

Вот почему европейцы пусть и не особенно горячо, но все же поддерживают евро-атлантический союз, в котором по-прежнему доминируют США. Существующая между двумя его берегами пропасть будет и дальше углубляться, тем более что общественное устройство Америки и Европы уже значительно различается, а в дальнейшем число несоответствий может только увеличиваться. Мессианская идеология, ставящая во главу угла интересы капитала, по-прежнему составляет стержень американской политики.

Вашингтон отстаивает либеральную концепцию демократии, при этом начисто лишённую социально-демократического компонента – распределения социальных благ. Американская концепция капиталистического рынка гораздо в меньшей степени уравновешивается государственным вмешательством и регулированием.

Европейцы давно уже избавились от подобных идеологических клише, за которыми в действительности скрываются исключительно американские экономические интересы. Война в Ираке и крах финансовой системы, выстроенной по американскому лекалу, убедили европейцев в своей правоте. Они еще дальше продвинулись по пути установления баланса между либеральной и социальной демократией, когда ввели в политический оборот такие понятия, как, например, устойчивое экономическое развитие. Многие из таких идей получили распространение и в Соединенных Штатах, но не столь широкое, как в Европейском союзе.

Европа и Северная Америка разделяют некоторые фундаментальные взгляды на общественное устройство (либеральная демократия, права человека и т. д.), продолжают военное сотрудничество в рамках НАТО, но постепенно отдаляются друг от друга. Социальная демократия не приживается в США. Даже после нынешнего финансового кризиса там вряд ли произойдут системные изменения, подобные тем, что имели место в Европе за последние несколько десятилетий.

Это свидетельствует в пользу того, что в будущем европейцы всё меньше станут оказывать поддержку Североатлантическому альянсу. Уже сейчас они недвусмысленно высказываются против военных действий НАТО за пределами Европы либо расширения этой организации на регионы, которые никогда не находились в сфере ее

влияния. По сравнению с теми странами, которые недавно присоединились к ЕС, государства Западной, Северной и Южной Европы более решительно выступают за новое мышление в международных и внутриевропейских отношениях. «Новички» чаще оглядываются на прошлое и нередко закрывают глаза на возможности, которые могут открыться в будущем.

Новая политика альянса подпитывается в основном традиционными политическими взглядами Соединенных Штатов и интересами их военно-промышленного комплекса. Очевидно, что нельзя игнорировать и ту роль, которую играет военно-промышленный комплекс некоторых европейских стран (Великобритания, Франция), способствуя укоренению рефлексов холодной войны. Однако НАТО лишится даже самой слабой поддержки со стороны европейцев, как только они поймут, что новая Россия не представляет для них такой угрозы, какую представлял Советский Союз.

НОВОЕ СБЛИЖЕНИЕ

С конца XVIII и до начала XX века российская интеллигенция и деятели культуры принадлежали как России, так и Европе. Знакомства же с культурой сельской России не произошло бы, не распространись среди европейской интеллигенции и чиновников новое осмысление. В свою очередь, основные элементы европейского модернизма постепенно переносились на российскую почву. Этот многообещающий культурный обмен был резко прерван в 1917-м, когда победивший в России коммунизм положил конец либеральным и социальным преобразованиям и изолировал страну от остального мира. Пережив три интервенции (вторжение Наполеона, агрессия гитлеровской Германии и «нашествие» западных консультантов в 1990-е годы), россияне, понятное дело, с некоторой опаской относятся к возобновлению прежних контактов и видов взаимодействия.

Однако логический ход истории тесно связан с распространением инновационных идей, нацеленных на мирное экономическое развитие и социальную стабильность. И это напрямую касается отношений между Европой и такими ее стратегически важными соседями, как Россия и Турция. Обе державы многое заимствовали у европейской цивилизации и обогатили ее своей культурой. То, чего удалось добиться Европе, теперь следует перенести на отношения с этими странами. Конечно, чисто технически требуются несколько иные подходы и договоренности (реальность такова, что не прихо-

дится мечтать о членстве обеих стран в Евросоюзе, поскольку это могло бы войти в противоречие с процессом политической стабилизации в Европе).

Несмотря на наличие огромных запасов энергоресурсов, России предстоит долгий путь модернизации экономики, восстановления научно-технического потенциала и обеспечения социальной стабильности. Для этого необходимо более справедливое распределение накопленного богатства между разными слоями населения. Вопреки нищете и лишениям, связанным с коммунистическим прошлым, эта эпоха способствовала обновлению жизни и быта российских рабочих и крестьян. В результате общественно-культурные приоритеты последних сегодня ближе, чем когда-либо раньше, к европейской парадигме. Коммунизм потерпел крах в экономической политике, но оставил после себя страну, способную воспринять идеи конца XX и начала XXI столетия.

Подобно европейцам, современные россияне пережили процесс необратимой модернизации. Теперь России предстоит создать структуры современного общества, появившиеся в Европе несколькими десятилетиями ранее. Лишь дуалистическая концепция либеральной и социальной демократии отвечает чаяниям современных людей, от которых зависит сама возможность закладки фундамента современной страны, обладающей запасом прочности и пользующейся уважением. В этом, безусловно, заинтересована (начиная с 1950-х) вся европейская политическая и деловая элита, которая стоит за ныне происходящими в Европейском союзе процессами, несмотря на кратковременные технические либо политические трудности, взлеты и падения.

Это не означает, что европейскую модель можно просто взять и перенести на российскую почву. В Европе нет двух абсолютно одинаковых социально-либеральных демократий: каждая страна разработала собственную ее модификацию с учетом конкретных исторических, демографических и экономических условий, а также особенностей политического и социокультурного развития. Точно так же в Европе существуют различные формы рыночной экономики с той или иной степенью государственного вмешательства, большим или меньшим консенсусом между бизнесом и профсоюзами.

В результате в Европе, наряду с развитыми моделями государства всеобщего благосостояния, проявляющего заботу о равных возможностях и попечении своих граждан, существуют модели довольно уме-

ренного социального обеспечения, где на граждан возлагается больше личной ответственности. Ни одна из этих систем не является жестко фиксированной — все они постоянно развиваются и совершенствуются. Политики экспериментируют с новыми идеями либо перенимают опыт других европейских стран. Вне всякого сомнения, Россия разрабатывает собственную версию государства всеобщего благосостояния, где более значительная роль будет отведена исполнительной власти по сравнению с парламентом, где государство станет решительнее осуществлять вмешательство в рыночные процессы и где, возможно, поначалу будет введено скромное социальное обеспечение.

По мере того как это направление приобретет более четкие очертания, сближение Евросоюза с Россией будет получать более твердые гарантии, а их сотрудничество станет протекать планомернее. В интересах ЕС было бы взаимодействовать с Россией, которая все дальше продвигается к собственной, особой разновидности социально-либеральной демократии.

Первый шаг состоит в постепенном открытии рынков для торговли и инвестиций, чтобы россияне смогли на личном опыте испытать механизмы функционирования европейской экономики и модели общественного устройства и чтобы европейцам стали понятнее специфические отличия России. С незапамятных времен бизнес исполняет роль одного из главных застрельщиков новаций во всех областях — от идей и искусства до общественного обустройства и технологий. Ведь именно деловая элита, оказывая поддержку научно-исследовательским центрам и прочим институтам, деятельность которых направлена на стимулирование творческого поиска, оказала решающее воздействие на развитие европейского сообщества, как такового.

Вот почему, помимо расширения экономического сотрудничества, необходим более широкий обмен, особенно между молодежью и культурными элитами, обладающими колоссальным множительным потенциалом. Опыт франко-германского примирения может послужить хорошим примером. Европейские программы (в частности, программа обмена между студентами университетов «Эразм») должны распространяться и на Россию. Если политики подчас слишком скрупулезно относятся к выработке текущих политических решений, то другим слоям общества пристало говорить открыто, развивать инновационные идеи и добиваться нового консенсуса. Достигнутые таким образом результаты могут затем лечь в основу

иной политики. О принципах будущих взаимоотношений следует позаботиться еще до того, как окончательно развеются призраки былой вражды и недоверия.

Конечно, укрепление либеральной демократии в России нужно начать с так называемой «материальной части» (гражданские свободы, права человека, свобода прессы и т. д.), что вполне совместимо с сильным централизованным правительством, как это в свое время доказал еще генерал Шарль де Голль. Президент Владимир Путин сосредоточился на укреплении экономической основы государственной власти, но это не нашло понимания в Европе. Теперь европейцы надеются, что президент Дмитрий Медведев сконцентрируется на обновлении самого общества в соответствии с уже проведенной экономической модернизацией.

Второй и более трудный шаг к сближению — это признание Европой озабоченностей России, связанных с безопасностью и уходящих корнями в ее историю. Хотя в контексте своего изменившегося мировоззрения европейцы могут считать, что под ними нет реальной основы, для русских, которые еще не забыли холодную войну, они тесно связаны с действительностью.

Между Европейским союзом и Россией должно появиться как можно больше «Финляндий», начиная с Белоруссии и Украины. Эти страны вольны самостоятельно выбирать модель собственного политико-экономического устройства и даже войти в европейскую экономическую зону (стать продолжением рынка ЕС без права членства), но им следует оставаться нейтральными, воздерживаясь от вступления в какие-либо военные союзы. Как выразился бывший канцлер Германии Гельмут Шмидт, Грузия никогда не была частью Европы.

Тот же подход можно — с участием России и Турции — попытаться применить к нестабильному Кавказскому региону. У обеих стран здесь есть традиционные интересы, но их нужно отстаивать современными методами, не прибегая к политике силы. Европа заинтересована в том, чтобы помочь этим государствам не допустить скатывание взрывоопасного региона к прежнему политическому и экономическому хаосу. Евросоюз имеет все необходимое для того, чтобы поддержать развитие стран Кавказского региона в демократическом и социально-либеральном направлении, уважая при этом законные интересы России и Турции и избегая прямого вмешательства. Народы, населяющие этот регион, должны найти свой путь интеграции в современный цивилизованный мир.

Чтобы встать на такой путь, не стоит питать слишком много иллюзий, подобно тем, которые европейцы питали в 50-х годах прошлого века. В Европе и России до сих пор действуют силы, тянущие нас в противоположном направлении. Я уже не говорю о силах в США, которые кровно заинтересованы в том, чтобы не допускать слишком тесного сотрудничества России и Европы. Вот почему так важно, чтобы Россия стремилась улучшить взаимопонимание с европейцами. Этого нельзя добиться с помощью такого отжившего свой век средства, как пропаганда. Необходимо просто признать фундаментальные перемены в Европе и ответить на них открытостью.

Возможно, препятствием тому являются устремления тех россиян, которые хотят, чтобы их страна зеркально отображала Соединенные Штаты с их гегемонистскими устремлениями, вместо того чтобы лучше изучить собственную историю и по-новому взглянуть на Европу, которая наиболее близка к России с цивилизационной точки зрения. У Европы и России отчасти общие корни, и обе в свое время только выиграли от интенсивного обмена и сотрудничества. Возможно, все дело в стереотипах времен холодной войны, когда мир был разделен на два враждующих лагеря. Но эти стереотипы легко изжить, если трезво взглянуть на последние события, на углубляющуюся политическую, экономическую и социокультурную пропасть между Европой и США, на возникновение новых политико-экономических держав в мире или на фундаментальные финансовые и технологические сдвиги в экономике.

Очевидно, что склонность русских прибегать к тем методам во внутренней и внешней политике, которые европейцы давно уже сдали в архив, не способствует укреплению взаимного доверия. Европейцам хотелось бы видеть более дружелюбную и менее настороженную Россию. Однако если Россия продолжит поиск собственного экономического и политического устройства, то вполне вероятно, что она, подобно Европе, решит отказаться от силовых игр в духе прежних времен и отдаст предпочтение менее жестким методам.

* * *

Идейный отец Европейского союза Жан Монне производил коньяк. Ведущие бизнесмены нередко пользовались влиянием в качестве советников и ставили перед политиками высокие цели. Многие предприниматели до сих пор выполняют подобную роль в ЕС наря-

ду с другими участниками европейского процесса, представителями гражданского общества.

Российские и европейские деловые круги стратегически заинтересованы в том, чтобы вносить свой вклад в инновационное сотрудничество России и Европы. Сближение не произойдет автоматически — его нужно возвращать и отстаивать в качестве конечной цели по мере решения краткосрочных и текущих политических проблем. Необходимо и впредь развивать дух сотрудничества, взаимодействия и уважения, культивировать стремление к обществу всеобщего благосостояния, которое успешно функционирует в Европе на протяжении последних 60 лет. Здесь снова пригодится метод Жана Монне, предложившего поэтапно создавать на этой огромной территории пространство мира и всеобщего процветания. Политики подключатся позже, а пока необходимо вернуться к тому научному, культурному и деловому обмену, который происходил между нами в прошлом, чтобы объединенными усилиями построить общее, лучшее будущее.

Политические катаклизмы

«Барак Обама для начинающих», 2008 г.

“ Не стоит предаваться иллюзии о том, что Америка сможет легко вернуть себе мировое лидерство и восстановить то сотрудничество с союзниками, которое было характерно для эпохи холодной войны. Западных союзников больше не объединяет такая угроза, каковой являлось существование Советского Союза ”

От мегафона к микрофону? Сэр Родерик Лайн
64

Внешняя политика: от постсоветской к российской
Александр Лукин
78

Новая Антанта Сергей Дубинин
91

Парадигма 12 сентября Роберт Кейган
103

От мегафона к микрофону?

Россия, Запад и «дуга недоверия»

Сэр Родерик Лайн

Говорят, эпитафия на могиле одного знаменитого ипохондрика гласит: «Я же говорил вам, что болен!»

Мы переживаем очень сложное время. Мировая финансовая система охвачена хаосом. К тому моменту, как эта статья выйдет из печати, паника, я надеюсь, уляжется, однако последствия кризиса будут ощущаться еще многие годы, и коснутся они всех. В третий раз менее чем за два десятилетия, после 1991 и 2001 годов, на нас сваливаются неожиданные и непредвиденные события, меняющие весь мир.

Много лет мы твердили друг другу, что сегодняшние проблемы имеют глобальный характер и выходят за пределы государственных границ, а у нас нет разумной альтернативы, кроме как пытаться решать их вместе. Сегодня мы вновь охвачены глобальным смятением (на горизонте уже явственно вырастают огромные проблемы с распространением ядерного оружия, энергетикой, изменением климата, водными ресурсами и т. д.) — и по-прежнему разобщены. Неужели мы покинем нашу Землю, продолжая твердить: «Я же говорил вам, что мы должны работать вместе»?

ДОВЕРИЕ, ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ И ПОНИМАНИЕ

В августе трещина в отношениях между Россией и Западом, расширявшаяся в течение последних пяти лет, превратилась в пропасть. Политические решения в различных столицах принимались не на

Сэр Родерик Лайн был послом Великобритании в Российской Федерации с 2000 по 2004 год. Он выступает как лектор и бизнес-консультант, часто бывает в России.

основе рассудительности и зрелого расчета, а под воздействием бурных эмоций, близорукости и застарелых предрассудков. С обеих сторон были допущены серьезные и опасные просчеты.

В результате конфликта, предотвратимого, но, по-видимому, неизбежного (по крайней мере, таковым он стал казаться в последние годы), наши расхождения стали еще глубже. В октябре, выступая в Эвиане, президент России Дмитрий Медведев говорил о том, что «в международной жизни стала нарастать тенденция к размежеванию», о «стремлении Соединенных Штатов Америки “затвердить” свое глобальное доминирование» и о том, что НАТО «вплотную приближает свою военную инфраструктуру к границам нашей страны... И вполне естественно, что бы там ни говорили, мы рассматриваем эти действия как действия, направленные против нас».

За месяц до этого российский президент сказал, обращаясь к участникам международного дискуссионного клуба «Валдай», что «абсолютно циничная, кровопролитная вылазка [Грузии], причем под лозунгом восстановления конституционной справедливости... это утрата последних иллюзий по поводу надежности действующей системы безопасности в мире». Мир для него и для России изменился после этого почти так же, как он изменился для Соединенных Штатов 11 сентября 2001 года.

На экстренном саммите в сентябре лидеры Европейского союза употребляли беспрецедентно сильные выражения. Они были «серьезно озабочены открытым конфликтом, который разразился в Грузии, произошедшим в результате насилия и непропорциональной реакции России... Военные действия такого рода не являются решением и неприемлемы... Европейский совет решительно осуждает одностороннее решение России признать независимость Абхазии и Южной Осетии. Это решение неприемлемо...».

Кандидат в президенты США сенатор Джон Маккейн обвинил Россию в «неприкрытой международной агрессии». Его соперник Барак Обама говорил о «вызове, который представляет все более автократичная и воинственная Россия» и о том, что конфликт «породил огромную трещину между Россией и международным сообществом».

Год назад автор этих строк утверждал в статье, опубликованной в журнале «Россия в глобальной политике» (№ 6, 2007 г.), что аналогии с холодной войной нельзя принимать всерьез. Ни лидеры России, ни Запад (как его ни определяй) не стремятся к новой конфрон-

тации, но взаимное доверие, которое существовало вплоть до 2003 года, улетучилось и нуждается в восстановлении шаг за шагом.

Остаются ли эти утверждения обоснованными?

На недавней конференции в Италии я повторил свое утверждение, что Западу (скажем, партнерам России по «Большой восьмерке» – странам ЕС, США, Японии и Канаде) и Москве необходимо найти пути возрождения того уровня доверия, который требуется для стабильности, безопасности и сотрудничества по основным стратегическим вопросам. Мне сразу же возразил один из парламентариев: как можно сейчас говорить о «доверии»? Разве это не абсурдная идея, когда Россия и Запад обвиняют друг друга во враждебных намерениях?

Это – справедливое замечание. В августе доверия не было. Теперь нет смысла повторять противоречащие друг другу толкования конфликта, шквал обвинений и контробвинений. Никогда не удастся прийти к согласию о том, кто несет большую ответственность за эту ненужную войну. Очевидно, что уверенность в нашей коллективной способности управлять европейской безопасностью была серьезно поколеблена.

Итак, что я подразумеваю под необходимым уровнем доверия? Конечно, в настоящее время речь не идет о партнерстве. В августе это наконец стало очевидно для тех, кто раньше не понимал того, что вопрос о партнерстве больше не стоит на повестке дня. Но если мы собираемся делать общее дело, нам нужны

- **предсказуемость;**
- правильное понимание **интересов и намерений** друг друга;
- способность **рационально общаться.**

Это именно те элементы, которые необходимо восстановить. Учитывая гораздо более свободное и нормальное общение между Россией и Западом начиная с 1991-го, можно было бы ожидать более продвинутого уровня взаимопонимания. Но парадокс последних 17 лет состоит в том, что провал в понимании друг друга среди политиков стал скорее даже глубже, чем в период холодной войны. Российские и западные лидеры смотрят друг на друга сквозь призму своих собственных систем. Это неизбежно ведет к просчетам, самым серьезным из которых в последние годы, хотя и далеко не первым, стали события на Кавказе.

Позвольте мне задать три вопроса, которые являются фундаментальными для нашей способности иметь дело друг с другом:

- чего хочет российское руководство?
- чего хочет Запад?
- как мы можем примирить наши интересы?

Конечно, ни в России, ни на Западе нет единого мнения. У обеих сторон есть крайние взгляды, сторонники которых с ликованием провозглашают мифическую «новую холодную войну», и если мы позволим им «контролировать» обсуждение, они рискуют превратить миф в реальность, что отнюдь не на пользу общим интересам. Как выразился российский публицист Борис Долгин, изоляционисты в России — близкие союзники западных сторонников сдерживания. Они подпитывают друг друга. Но я попытаюсь сосредоточиться на том, что представляется наиболее распространенным просвещенным мнением, оставив пропагандистов в стороне.

ЧЕГО ХОЧЕТ РОССИЙСКОЕ РУКОВОДСТВО?

Несколько месяцев тому назад, до событий на Кавказе, я слышал, как один российский эксперт сказал: «Мы снова сильны, но не знаем зачем».

В недавней статье для интернет-журнала «*openDemocracy*» Алексей Арбатов задал вопрос: станет ли августовский кризис изолированным эпизодом на постсоветском пространстве или «первой ласточкой» новой фазы распада советской империи, который дальше пойдет по югославской модели?

Президент Дмитрий Медведев выдвинул пять руководящих принципов российской внешней политики, но есть ли у России стратегия?

Я задал президенту этот вопрос, когда тот обедал с членами клуба «Валдай». Он ответил, что «цель любой внешней политики — обеспечить хорошую жизнь внутри страны. Внешняя политика сама по себе лишь средство достижения внутривнутриполитических целей... Внешняя политика любого государства должна обеспечивать стабильное развитие экономики, социальной сферы этого государства, нормальные стандарты жизни людей».

С таким ответом не станет спорить ни один разумный человек, но позвольте мне рискнуть и пойти чуть дальше. В последние четыре-пять лет в российской внешней политике преимущественную роль играют четыре задачи.

Первая — **безопасность**. Как любая большая страна или группа стран, Россия стремится поддерживать свою мощь, позволяющую

сдерживать нападение либо принуждение. Но как в прошлом, так и сегодня Россия больше, чем любая другая крупная держава, не уверена в безопасности своих пределов. И с Западом, и особенно вдоль своих протяженных южной и юго-восточной границ Россия не имеет природных и логически обоснованных рубежей. Она испытывает тревогу по поводу усугубляемой демографическим спадом нехватки рабочей силы, которая необходима, чтобы заселить и защитить эти обширные приграничные территории.

Поэтому Россия не только стремится к безопасности внутри собственных границ, но и сохраняет привязанность к исторической идее буферной зоны. Она хочет закрепить за собой способность влиять на соседние государства (большая часть которых входила в состав Советского Союза) или их принуждать, но самое главное — не желает допустить, чтобы эти государства формировали тесные альянсы с другими державами. Влияние тех держав обычно рассматривается как враждебное в смысле игры с нулевой суммой.

Вторая задача — утвердить **независимый суверенитет**. Политическая элита разработала концепцию суверенитета, которая претендует на исключительный статус для России: наряду с Соединенными Штатами, Китаем и Индией Россия объявлена входящей в небольшую группу мировых держав, обладающих полностью независимым суверенитетом. Цель таких государств — иметь ничем не сдерживаемую свободу действий и избегать доминирования других стран. По словам Дмитрия Медведева, Россия претендует на право действовать за пределами своих границ для «защиты жизни и достоинства российских граждан, где бы они ни находились» и уделять «особое внимание» отдельным регионам или «зонам», где она утверждает «привилегированные интересы».

Преыдущие правительства России, прежде всего когда министром иностранных дел был Андрей Козырев (в начале 1990-х годов), утверждали те же самые интересы. Российское руководство не приемлет также внешнего вмешательства во внутренние дела страны, сохраняя за собой право на очень широкое определение «вмешательства». Оно включает в себя телерадиовещание, содействие развитию гражданских и политических прав, религию, благотворительную деятельность неправительственных организаций, а также некоторые аспекты культурного и образовательного обмена и иностранных инвестиций.

Был сформирован нарратив, в соответствии с которым 1990-е рассматриваются как период злокачественного западного вмеша-

тельства в дела ослабленной и униженной России. Между тем Запад считал, что пытается помочь россиянам поддержать страну в переходный период и сформировать новое партнерство.

Третья задача, тесно связанная со второй, — обеспечение **мирового признания статуса России как великой державы**. С тех пор как пять лет назад в страну потекли богатства от продажи нефти, ее руководство марширует под знаменем, на котором начертано, что Россия снова сильна и больше нельзя игнорировать ее или не считаться с ней. Россия желает быть стратегическим собеседником Соединенных Штатов, равноправным партнером Китая, державой с полным правом голоса в европейских вопросах, а также азиатско-тихоокеанской державой, старшим членом всех международных клубов, игроком на Ближнем Востоке и покровителем сети «дружественных» либо зависимых государств.

Четвертой видимой задачей Москвы является стремление к **полной интеграции в глобальную экономику**. Россия хочет иметь возможность пользоваться своими сравнительными экономическими преимуществами и преобразовывать их в политическое влияние. Она не желает быть «сырьевым придатком» Запада и Китая и вступить в ряды стран с развитой экономикой за счет эксплуатации своего человеческого капитала.

Преследование Россией этих целей сопровождалось множеством противоречий. Она совершенно законно хочет использовать экономическую мощь и экономическое развитие для укрепления своего положения в мире, но отсутствие реструктуризации и инвестиций привело к зависимости ее экономики от углеводородов и другого сырья. Россия стремится стать ведущей державой в рамках статус-кво и делает международное право и укрепление многосторонней системы своими приоритетами. Однако Россия действовала вразрез с международным правом на Кавказе и не только, и она неохотно принимает нормы, ограничения и дух тех клубов, к которым присоединяется.

Возобладает ли святость международного права (первый принцип президента) над тем, что он описал как «безусловный приоритет» защиты жизни и достоинства российских граждан, где бы они ни находились? Москва, похоже, разделена на тех, кто желает конфронтации с Западом, и тех, кто полагает, что это нанесет огромный вред интересам России; на тех, кто готов использовать экономическую блокаду и угрозу применения силы против соседних го-

сударств, и тех, кто считает, что политика привлекательности более продуктивна, чем политика принуждения.

Президент заявляет, что Россия хочет «дружественных отношений и с Европой, и с США, и с другими странами». Но мир в ее глазах будто бы полон противников: враждебные Соединенные Штаты, НАТО и ЕС, объединившиеся в посягательстве на интересы России, потенциально предательские постсоветские государства со своими обидами, дестабилизирующие силы на юге. А на востоке вырисовывается новая угроза — нарождающаяся китайская супердержава. Не помешало бы иметь хоть несколько союзников: одного Уго Чавеса из Венесуэлы явно маловато.

Если учесть все эти противоречия, то неудивительно, что Запад сбит с толку и не понимает намерений России: элемент предсказуемости, о котором я говорил выше, утрачен. Появление российских бронетанковых сил в 20 км от Тбилиси и воздушные атаки в глубь грузинской территории оказались манной небесной для западных апостолов сдерживания и новой холодной войны, точно так же как проведенная Михаилом Саакашвили бомбардировка Цхинвали должна была осчастливить их российских коллег-изоляционистов. Генерал Леонид Ивашов сожалел, что российским войскам не позволили взять Тбилиси. Американский неоконсерватор Джон Болтон с трудом сдерживал ликование, давая интервью относительно признания Россией Южной Осетии и Абхазии. Но ни тот ни другой не предлагают жизнеспособной стратегии управления миром в XXI веке. Оба — представители провалившихся идеологий.

ЧЕГО ХОЧЕТ ЗАПАД?

У России не меньше причин чувствовать себя сбитой с толку относительно задач Запада, хотя российское руководство лучше умеет справляться с путаницей. Даже упоминание о Западе, как неизменно указывают россияне, вынуждает задать вопрос: что это такое? Как следует толковать странные, двуликие, как Янус, решения, принятые Североатлантическим альянсом в Бухаресте: отложить заявления Грузии и Украины о присоединении к Плану действий по членству в НАТО, одновременно подчеркнув, что путь к их окончательному вступлению в альянс открыт? Как получилось, что Соединенные Штаты не смогли распознать намерения Саакашвили и удержать его от идиотского нападения? Как верно заметил Фёдор Лукьянов в статье, недавно опубликованной в Интернете на сайтах

Polit.ru и *openDemocracy*, у Запада, похоже, нет долгосрочной стратегии, так же как и у России.

Тем не менее позвольте предположить наличие ряда задач, вокруг которых западные правительства в общих чертах объединяются.

Первая задача, как и у России, — **безопасность** как отдельных государств, так и коллективная — НАТО и Евросоюза. Здесь важно учесть, что Запад не видит прямой угрозы со стороны России. Об этом заявил, выступая на саммите НАТО в Лондоне в сентябре, такой авторитет, как министр обороны США Роберт Гейтс. Возглавляет иерархию угроз безопасности Запада распространение оружия массового уничтожения и международный терроризм — особенно там, где они потенциально могут совпасть.

Второй жизненно важной задачей является **сохранение мира, стабильности и процветания в Европе**. Именно поэтому конфликт на Кавказе был воспринят не как мелкий эпизод в далекой стране, а как громкий тревожный сигнал. После войн на Балканах он стал новым напоминанием о том, что мир в Европе нельзя принимать за данность. И еще более зловеще, чем на Балканах (невзирая на инцидент в Приштине), этот конфликт сигнализировал о возможности прямой конфронтации между вооруженными силами России и Соединенных Штатов. Он подчеркнул тот факт (не новый для экспертного сообщества, но пока еще не вполне воспринятый западным общественным мнением), что задачи России и Запада в общих для них соседних постсоветских странах, несомненно, вступают в противоречие. Российская концепция буферной зоны, или «зоны влияния», несовместима с принципами, которые отстаивает Запад (право на суверенитет, самоопределение, свободу выбора).

Третья задача — **продвижение или защита глобальных интересов западных стран**. В период холодной войны это влекло за собой противостояние двух блоков и зачастую опосредованные войны с Советским Союзом. Сейчас мы находимся в совершенно иной ситуации — со множеством комбинаций и различными видами соперничества, которые не предполагают неизбежной конфронтации. Довольно часто интересы России и ряда западных государств совпадают. В то же время между странами Запада проявляются элементы острой конкуренции.

Четвертая, хотя и не менее важная задача — **защита верховенства закона и мирового порядка**. Следует сказать, что между западными странами (и не только западными) имеются явные расхождения от-

носителем того, как этого достичь, ярким свидетельством чего стала война в Ираке.

Многие на Западе добавили бы и пятую задачу — **продвижение демократических ценностей и прав человека**. Хотя может показаться, что это универсальные и безусловные ценности, по их поводу ведутся серьезные споры. Моральные основания для устранения Саддама Хусейна, ответственного за массовые убийства и чудовищные пытки, были очень весомы. Но представление о том, что Ираку можно навязать демократию западного образца, было упрощенным и ошибочным. Непоследовательность и двойные стандарты западного подхода бросаются в глаза: критика в адрес России и Китая (и еще более резкая критика в адрес, например, Бирмы и Северной Кореи), но — по причинам «реальной политики» — почти полное молчание относительно таких стран, как, в частности, Саудовская Аравия.

Как все это проявляется в политике по отношению к России? Не очень внятно.

Администрацию Джорджа Буша бросало из стороны в сторону, как подвыпившего матроса. Россию то пытались игнорировать, то обращались к ней за помощью по конкретным вопросам, то угрожали ей. В подходе Вашингтона отсутствовали какая-либо последовательность или подобие стратегического видения.

Столь же непоследователен вследствие своих внутренних расхождений был и Европейский союз. У основного ядра стран Евросоюза есть видение. Они хотели бы сформировать подлинное партнерство с Россией, но не за счет других, будь то Соединенные Штаты либо бывшие республики СССР и страны Варшавского договора, и со временем содействовать гораздо более тесной интеграции России с Западной и Центральной Европой.

С точки зрения мира и процветания это дало бы очевидные выгоды. Однако если перспектива партнерства снимается с повестки дня в силу признания его недостижимости, по меньшей мере для нынешнего поколения, то у ЕС нет ясности относительно того, чего он хочет. Европейцам нужно продолжать вовлекать Россию, но при этом ограничивать и сдерживать то, что выглядит в их глазах агрессивным и принудительным подходом к соседним государствам, включая страны — члены Европейского союза, и пресекать попытки разделять сам Евросоюз и манипулировать им. В ЕС сбиты с толку относительно того, как это сделать.

МОЖНО ЛИ ПРИМИРИТЬ РОССИЙСКИЕ И ЗАПАДНЫЕ ИНТЕРЕСЫ?

Способ, которым российское руководство стремилось – на словах – примирить свою позицию с позицией Запада, довольно любопытен. После долгих (и небезосновательных) жалоб на западные двойные стандарты сейчас Кремль, похоже, принял «стандарт Буша». Выражения, которые использовала администрация Буша (и ее сторонники), записали на магнитофон и поставили на воспроизведение.

Восьмое августа приравняли к одиннадцатому сентября – поворотному для страны моменту, который создает новое мировоззрение и оправдывает крайние (и если нужно, односторонние) меры. Оппонент изображается безумным диктатором, которого, как Саддама Хусейна и Слободана Милошевича, следует притащить в суд и предъявить обвинения в геноциде (невзирая на ощутимо скудные улики в данном случае). Цитируется Тони Блэр: его аргументы в пользу «гуманитарной интервенции» и его защита действий в одиночку, если вы убеждены в своей правоте. Поскольку западные страны предпочли признать независимость Косово без одобрения ООН (хотя и через 9 лет после конфликта и после длительных переговоров по поводу статуса края при поддержке ООН), Россия имеет право признать Абхазию и Южную Осетию.

Проблема «стандарта Буша» заключается в том, что он совершенно вышел из моды. Нет необходимости вдаваться в причины – достаточно одного слова «Ирак». Создатели «стандарта Буша» – Дик Чейни, Доналд Рамсфелд и шумная стая неоконсерваторов – полностью дискредитированы даже в собственной стране. Администрация Джорджа Буша скоро бесславно канет в историю, оставив после себя Соединенные Штаты гораздо более слабой страной, чем она была до ее правления. А США, государство с замечательной способностью восстанавливаться, научатся на этом горьком опыте и возьмут другой курс. Так что это не лучший образец для подражания.

У нас есть строительный материал. Дмитрий Медведев заявил в Эвиане, что «мы абсолютно не заинтересованы в конфронтации». Это – последнее средство, дорогостоящее и вредное для наших интересов. У нас есть жизненно важный общий интерес в управлении мировыми проблемами. И кризисы на Кавказе и на финансовых рынках произвели благотворный эффект, напомнив о нашей взаимозависимости и о способности сотрудничать, когда нас к этому вынуждают.

Теперь надо извлечь правильные уроки из этих кризисов.

Во-первых, России и Западу необходимо разговаривать друг с другом. Открыто и прямо. И не только в периоды кризисов.

Во-вторых, в духе этой прямоты нет нужды нравиться друг другу для того, чтобы сотрудничать, но атмосфера крайней враждебности сильно затрудняет диалог и может привести к конфронтации, которой обе стороны, по их словам, хотя и избегают. В России произошло много вещей, которые запятнали ее репутацию за рубежом и которые преграждают путь к партнерству. Запад будет продолжать критиковать подобные действия. Однако до той поры, пока россияне сами не решат изменить курс, западным правительствам придется работать с системой, которая может им не нравиться, но которую они не могут изменить.

По ряду причин официально поощряемая враждебность по отношению к Западу достигла в России крайней степени. Обвинять внешнего врага — это старая политическая уловка. Лидерам с обеих сторон нужно осторожнее играть на националистических и ксенофобских эмоциях галерки, или они рискуют тем, что высвобожденные ими силы их же загонят в угол. Язык угроз стал частью проблемы.

В-третьих (и это самое важное), мы должны заняться сутью проблемы. Становится все более очевидно, что есть один стратегический вопрос, по которому задачи России и Запада категорически не совпадают, один разлом между ними. Это — «дуга недоверия», которая простирается от стран Балтии через Белоруссию, Украину и Молдавию вдоль Черного моря на Кавказ и в Центральную Азию. При этом существует риск, что односторонние действия могут распространиться дальше на север, в Арктику. Я считаю, то, как мы решим эти проблемы, определит отношения России с Западом на многие годы вперед.

Непосредственная задача — предотвратить ухудшение ситуации. Мы не можем позволить себе повторение августа. Договоренность о прекращении огня в Грузии должна быть соблюдена. На других участках «дуги» нельзя допустить действий, которые могли бы создать новую напряженность: никаких провокаций и блокад, никакого пробуждения дремлющих конфликтов и прерывания поставок энергии. Украина должна провести свои выборы без внешнего вмешательства. НАТО следует избегать повторения ошибки, которую она допустила в Бухаресте. Расширение Европейского союза было го-

раздо более успешным процессом, чем расширение Североатлантического альянса, отчасти потому, что у него нет военного измерения, но еще и потому, что ЕС никогда не боялся обсуждать его с правительством России (хорошим примером служат переговоры перед последним расширением, в том числе на тему Калининграда).

Расширение НАТО с самого начала осуществлялось неправильно. Решения принимались произвольно, без учета стратегии или должных расчетов. Москве еще в 1990-х годах посылали сигналы, вводившие в заблуждение. Партнерство с Россией и с потенциальными новыми членами следовало строить параллельно. Само по себе расширение НАТО не обязательно неверный шаг, но главным соображением при этом должны быть стабильность и безопасность Европы. Пока разговоры о возможном членстве Грузии и Украины преждевременны и не соответствуют реальным потребностям в безопасности и той, и другой страны.

Во многом то же самое можно сказать и о противоракетной обороне. Это ненужный спор. Весной текущего года два высокопоставленных представителя внешнеполитических кругов в Москве сказали мне: хотя России не нравится размещение элементов системы ПРО в Польше и Чехии и она не видит для этого оснований, она смирилась бы с этим. Но при условии достижения договоренностей об инспекциях, в ходе которых Москва убедилась бы в отсутствии угрозы ее интересам. Хотелось бы надеяться, что следующая администрация США пересмотрит эти планы. Если же она продолжит реализацию программы, целесообразно учесть выраженную Москвой озабоченность, которую нельзя признать нерациональной.

Однако нам надо думать и о том, что выходит за пределы этих непосредственных шагов. Если мы собираемся восстановить взаимопонимание и предсказуемость и предупредить будущие угрозы европейской стабильности, нам нужны серьезные и структурированные обсуждения вопросов, которые нас разделяют. Мы говорим о глобальных проблемах во многих разных организациях, но что касается европейской безопасности, то тут «образовалась» такая длинная повестка дня, что нам просто не удалось ее рассмотреть.

Президент Дмитрий Медведев бросил Западу вызов, предложив обсудить европейскую безопасность. Первоначально Западотреагировал скептически, увидев в этом довольно старомодную хитрость, направленную на подрыв НАТО и отрыв Соединенных Штатов от

Европы (это впечатление подкреплялось резкими нападками и Медведева, и его предшественника на односторонний характер действий США). На мой взгляд, Западу следует принять вызов российского президента. Мы не можем ожидать содержательной реакции Вашингтона, пока там к середине 2009 года не начнет в полной мере функционировать новая администрация. Это дает Евросоюзу и европейским членам НАТО время на изучение идеи и формулирование позиции, которую можно представить и Вашингтону, и Москве.

Во-первых, европейцы должны прийти к выводу, что структурированные переговоры — неизбежно сложные и, вероятно, длящиеся годами — необходимы и что они выделят на это ресурсы.

Во-вторых, надо продумать формат. Все государства, входящие в ОБСЕ, должны быть представлены равным образом: не может быть вопроса о переговорах через их голову. Организации тоже должны быть представлены, как предложил Медведев.

В-третьих, идеи президента Медведева следует рассмотреть на предмет их содержания и дополнить. Российский лидер отметил ряд важных пунктов о суверенности, территориальной целостности, недопустимости использования силы в процедурах разрешения споров. Здесь явно прослеживается переключки с событиями на Кавказе.

Государственные границы, унаследованные странами, которые образовались на территории бывшего СССР, не были предназначены для того, чтобы служить международными. Они стали спонтанным результатом внутреннего советского администрирования (а в некоторых случаях — прихотей Сталина и Хрущёва) и не базируются ни на каком этническом, экономическом или стратегическом принципе. Но любая попытка изменить их сейчас без обоюдных договоренностей чревата риском суровых последствий, описанных Алексеем Арбатовым в его статье. Признание Южной Осетии и Абхазии создало весьма опасный прецедент изменения этих границ в одностороннем порядке и силой. Новое подтверждение нерушимости границ и территориальной целостности крайне важно для будущей стабильности.

Я соглашусь с тем, что такие переговоры будут тягостными, долгими и дорогостоящими. Но альтернатива еще хуже. Мы рискуем метаться от одного спора к другому в атмосфере усиливающейся подозрительности и враждебности и опять опосредованно становиться по разные стороны баррикад в региональных конфликтах. Гораздо лучше было бы, если б Россия и Грузия высказывали свои оби-

ды за столом переговоров, чем сражались в Южной Осетии. Гораздо лучше для всех нас разговаривать с помощью микрофонов, а не мегафонов.

Я закончу тем, с чего начал. Мир находится в слишком плохом состоянии, чтобы мы могли потакать своим предрассудкам и вражде. «Глобальная система парализована в масштабе, который уже превзошел 1929 год, — писал экономист Уилл Хаттон 12 октября. — Без сотрудничества и лидерства нас ждет катастрофа». И это означает катастрофу не только для опрометчивых западных банкиров. От этой бури нет безопасных убежищ. На той же неделе Алексей Кудрин сказал о России: «То изобилие, которое мы имеем, завершается. Скорее всего, 2008-й будет пиковым по добыче нефти и газа в нашей стране. Больше таких доходов не будет. В этом смысле мы проходим исторический рубеж».

Слабость наших экономик была жестоко разоблачена. Протекционизм и изоляционизм только усугубят эти недуги. Никогда еще со времен Второй мировой войны необходимость объединиться и действовать сообща не была так велика. Разве это слишком много — надеяться, что кризис нас всех вразумит?

Внешняя политика: от постсоветской к российской

Уроки конфликта с Грузией

Александр Лукин

Российская вооруженная акция в поддержку Южной Осетии подорвала сложившуюся в 90-х годах прошлого века модель отношений России с Западом и создала новую ситуацию. Суть ее состоит в отказе Москвы следовать правилам игры, предлагаемым Западом, и решимостью на деле, а не на словах, как это было ранее, противостоять ему по крайней мере в некоторых аспектах, затрагивающих коренные российские интересы, не останавливаясь перед серьезной конфронтацией. В чем причина сложившегося положения, каковы его возможные последствия для России, как она должна строить политику, чтобы использовать создавшуюся ситуацию в собственных интересах?

ЗАПАД И ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ

Еще в 1951 году известный американский специалист по советской политике Джордж Кеннан, задаваясь вопросом о том, чего «благожелательный американец вправе ожидать от будущей России», перечислял следующие позиции: «что она поднимет навсегда “железный занавес”»; что она признает некоторые ограничения правительственной власти во внутренних делах и что она откажется от устаревшей игры в империалистическую экспансию и порабощение, как от пагубной и недостойной политики... Если... она будет готова сделать все это, американцам ни к чему будет глубже интересоваться вопросом о ее природе и целях; основные требования более устойчивого мирового порядка будут удовлетворены, а те вопросы, по которым иностранцы могут с пользой для дела высказывать свои мысли и давать свои советы, будут исчерпаны».

А.В. Лукин – д. и. н., директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО (У) МИД России.

В 1991–1992 годах Россия превзошла все ожидания американских аналитиков. СССР распался. Россия признала полную независимость не только всех своих восточноевропейских сателлитов, но и бывших союзных республик. Компартия лишилась власти, у руля оказалась демократическая оппозиция, начались радикальные рыночные реформы. Более того, Москва стала проводить откровенно прозападную внешнюю политику, соглашаясь стать младшим партнером «цивилизованного мира».

В упомянутой статье Кеннан предвидел сложности, которые возникнут в сфере определения государственного суверенитета в случае трансформации Советского Союза в более свободное государство, и призывал не способствовать распаду СССР. Автор доктрины «сдерживания» считал: США «не следует брать на себя ответственность за определенные взгляды и определенную позицию в этом вопросе, ибо любое конкретное решение может в какой-нибудь момент стать поводом к горьким упрекам по их адресу, и американцы будут вовлечены в споры, не имеющие никакого отношения к делу человеческой свободы».

Джордж Кеннан писал: «Очевидной необходимостью и единственным решением, заслуживающим поддержки со стороны американцев, является пробуждение среди непосредственно заинтересованных народов всей этой беспокойной области нового духа, который внес бы в вопросы о границах и о государственном устройстве новое содержание и значительно уменьшил бы их значение. Проснется ли такой дух в этих народах – предугадать невозможно. И именно поэтому американцам следует быть особенно осторожными в поддержке или в поощрении какого-либо конкретного плана в этой области». В частности, Кеннан предсказывал неизбежность независимости балтийских стран, но высказывал мнение, что «в экономическом отношении Украина в такой же мере составная часть России, как Пенсильвания – составная часть Соединенных Штатов», и поэтому он призывал заранее не выступать за тот или иной ее статус.

Даже в отношении «государств-сателлитов», то есть зависимых от СССР стран Восточной Европы, американский политолог, выступая за их полную независимость, предостерегал: «Американцу, желающему оказать благотворное влияние в этой части света, не мешало бы повлиять на своих друзей из стран за “железным занавесом”, если у него таковые имеются, в том смысле, что им, или кому бы то ни было, пора перестать нудно и бесплодно спекулировать

на так называемых национальных границах и патриотических чувствах сбитых с толку языковых групп».

Американская и европейская дипломатии выполнили советы Джорджа Кеннана с точностью до наоборот. Как в Югославии, так и в бывшем СССР национализм был использован для подрыва государственного суверенитета с целью ослабления этих стран. Антироссийские комплексы в государствах, ранее входивших в состав Советского Союза или сферу его влияния, всячески поощрялись. Запад не удовлетворился тем, что СССР изменился так, как не могли даже мечтать американские лидеры. На Россию решили давить до тех пор, пока она не согласится полностью подчинить свою внешнюю политику порой сиюминутным и противоречивым пожеланиям Вашингтона.

Такой подход к России подвергался критике и в США. В недавно опубликованной статье американские споры ярко описал обозреватель газеты *The New York Times* Томас Фридман: «Начнем с нас. После распада Советского Союза я был среди тех, кто выступал против расширения НАТО. Идеологами этого лагеря были Джордж Кеннан, отец теории “сдерживания”, сенатор Сэм Нанн и специалист по внешней политике Майкл Мандельбаум. Нам казалось, что теперь, когда нам, наконец, удалось низвергнуть советский коммунизм и стать свидетелями зарождения в России демократии, главное — помочь этой демократии укорениться и способствовать интеграции России в Европу. За что мы боролись в годы холодной войны — не за то ли, чтобы у молодых россиян были те же шансы на свободу и интеграцию с Западом, что и у молодых чехов, грузин и поляков? Не была ли задача укрепления демократической России делом более важным, чем присоединение чешского военно-морского флота к НАТО? Все это так, утверждали мы, потому что ни одну из стоящих перед мировым сообществом крупных проблем без России эффективно решить нельзя... Нет, сказали люди, отвечавшие за внешнюю политику при Клинтоне, экспансией НАТО мы возьмем россиян за горло, потому что Москва слаба, и они, кстати, к этому привыкнут. Россиянам был адресован следующий посыл: мы хотим, чтобы вы вели себя как демократы, но обращаться мы будем с вами так, как будто вы всё еще в Советском Союзе. Холодная война окончена для вас — но не для нас».

Американские расчеты оказались ошибочными, так как не учитывали ни реальной международной ситуации, ни масштабов Рос-

сии как государства, ни характера ее политической культуры. Прежде всего рост мировых цен на энергоносители, чему во многом способствовал внешнеполитический курс США, в совокупности с более разумной экономической политикой российского правительства привел к значительному расширению финансовых возможностей России. Впрочем, независимо от прихотей мирового рынка рассчитывать на то, что такая страна, как Россия, всегда будет пребывать в состоянии слабости и нерешительности, в любом случае было неразумно. Поэтому курс, который Анатолий Адамишин ярко охарактеризовал итальянской поговоркой «Ничего не отдавать, все забирать, требовать еще больше», был чреват катастрофой.

Он имел следующие последствия: разочарование российских элит и населения во внешней политике Запада; разочарование в западных моделях развития, что привело к усилению авторитарных тенденций, уменьшению влияния либеральных партий и предлагаемых ими моделей развития страны; поворот российской внешней политики в сторону создания альтернативного «центра силы».

ХАРАКТЕР ПОСТСОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Если советская внешняя политика была основана на идеологической конфронтации с олицетворяемым Западом «миром империализма», а конечной ее целью было содействие его уничтожению, то под постсоветской внешней политикой следует понимать остаточную «советскость», то есть сохранение парадигмы исключительной роли взаимодействия с Западом при снятии радикальной цели его уничтожения. Таким образом, постсоветская внешняя политика означает сохранение представления о том, что прежний «мир империализма» (теперь называемый «цивилизованным миром», Западом, «евроатлантической осью» и т. п.) является центром мироздания, единственным достойным внимания субъектом мировой политики, а Москва должна взаимодействовать почти исключительно с ним.

В различные периоды политическое руководство России (а также и различные политические силы в зависимости от идеологической ориентации) призывали к разным, зачастую противоположным формам взаимодействия с Западом. Маятник раскачивался от полного вхождения в «цивилизованный мир» в качестве младшего партнера (как в начале 1990-х) до жесткого противодействия (как, например, после начала бомбардировок Югославии).

Хотя в официальных документах была закреплена концепция «многополярности», а национальные приоритеты порой обозначались верно, практическая внешняя политика не выходила из привычной постсоветской парадигмы «Россия — Запад». Отношения с другими партнерами (Китай, Иран, Ближний Восток) часто рассматривались не как важные сами по себе, а в качестве рычага давления на Запад либо механизма влияния на отношения с ним.

Подобный постсоветский подход, основанный в первую очередь на остаточной советской ментальности тех, кто осуществлял внешнюю политику, был контрпродуктивен. Он мешал определять реальные российские интересы и эффективно осуществлять меры, направленные на их обеспечение. Вместо этого внешняя политика фактически превратилась в бесконечную череду уступок и конфронтационных жестов по отношению к Западу.

На уступки шли в надежде на взаимность, порой в ущерб собственным интересам, а затем, когда ответных шагов не следовало, проводились акты мести в соответствии с логикой «пусть вам будет хуже, хотя нам самим от этого тоже не станет лучше». Такая политика проводилась почти весь период пребывания в должности министра иностранных дел Андрея Козырева, но, по сути, она не изменилась, когда на этот пост пришел Евгений Примаков, придерживавшийся более жесткой линии.

Необоснованные уступки по югославскому вопросу, которые привели к одобренной ООН блокаде Югославии, не могли быть компенсированы запоздалыми попытками предотвратить бомбардировки Сербии, а когда они все же начались — малоэффективными проявлениями неодобрения вроде знаменитого разворота самолета Евгения Примакова в воздухе, взявшего обратный курс. За советом российского посредника Виктора Черномырдина югославскому президенту Слободану Милошевичу сдать позиции во время бомбардировок последовал бессмысленный бросок российских солдат из Боснии в Косово, которые затем были оттуда выведены (тоже непонятно зачем).

Первые годы XXI столетия также ознаменовались рядом непродуманных «жестов доброй воли» со стороны Москвы, в частности закрытием российского радиоэлектронного центра на Кубе и российской военно-морской базы во Вьетнаме. К необходимости этих мер эксперты относятся по-разному, однако в любом случае их можно было бы осуществить не как одностороннюю уступку, а

в рамках какой-либо взаимной договоренности с Соединенными Штатами.

Эта тенденция получила развитие после событий 11 сентября 2001 года. Тогда Россия полностью поддержала США. Москва к тому же вяло отреагировала на выход Вашингтона из Договора об ограничении систем противоракетной обороны и не сопротивлялась размещению войск антитеррористической коалиции в государствах Центральной Азии. Однако затем, не получив ожидаемой встречной реакции, она начала откат.

В 2005-м последовали призывы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) к государствам антитеррористической коалиции определиться с конечными сроками пребывания их воинских контингентов на территории стран – членов этой организации, сделки по продаже оружия Ирану, Сирии, Венесуэле, демарши в отношении Великобритании, приостановка участия в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе и т. п. В сочетании с явными элементами лоббизма в пользу крупнейших компаний шараханье из стороны в сторону приводило к отсутствию реальных достижений на международной арене. Резко ухудшился имидж России не только на Западе, где ее воспринимали как партнера вынужденного, сложного, непредсказуемого, но также и в других частях мира, где считали, что у Кремля нет четкой линии поведения.

Теоретически перед Россией стоял выбор между возвращением к политике в рамках системы и стратегии Запада, и самостоятельной линией. Однако сделать этот выбор Москве не дала позиция Запада, прежде всего Вашингтона. Во внешнеполитическом плане Россия не могла превратиться в государство уровня Польши, которая, несмотря на некоторые трения, всегда идет на принципиальные уступки, или Японии и Турции, которым прощают некоторые особенности внутренней структуры из-за их стратегической важности и полной послушности в военно-стратегических вопросах. Эти государства привлекались Западом не на условиях капитуляции, а как ценные члены коалиции, к интересам которых прислушиваются. Нашей же стране предлагалась «безоговорочная капитуляция» по всем пунктам.

Акцией в Южной Осетии Россия совершенно обоснованно (и даже, возможно, слишком поздно) показала, что постсоветская внешнеполитическая парадигма для нее больше неприемлема. Запад действительно упустил историческую возможность инкорпори-

вать Россию в систему собственных союзов, предпочтя более мелкие и сиюминутные цели. Но это следует воспринимать как данность. Ставшие уже общим местом жалобы на Запад и стремление отвечать на каждое его действие той же монетой неприемлемы ни с точки зрения настоящих российских интересов, ни исходя из ее реальных возможностей. Россия должна сама сформулировать и предложить миру программу реальной и прагматичной внешней политики, отвечающей ее подлинным стратегическим интересам и целям экономического и социального развития (см., например, статью Алексея Арбатова «Не разбрасывать камни в стеклянном доме» в журнале «Россия в глобальной политике», т. 6, № 3, май – июнь 2008, сс.182–193).

КОНТУРЫ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Цель нового курса – вернуть России внешнеполитическую привлекательность, то, что сегодня называют «мягкой силой». Исторически и Российская империя, и Советский Союз ею в определенной степени обладали.

Российская империя была символом православного мира, центром притяжения панславянских движений, а в некоторые периоды – одним из столпов борьбы с мировыми революционными тенденциями (после разгрома наполеоновской Франции). СССР предлагал альтернативу буржуазной цивилизации, в течение достаточно долгого времени многие видели в ней путь к созданию некоего идеального общества.

Современная Россия не предлагает миру ничего, кроме своих минеральных богатств. Ее «мягкая власть», несилловая привлекательность, моральное и идейное влияние в современном мире практически равны нулю. Она не предлагает ни демократического (как США), ни фундаменталистского (как некоторые мусульманские страны и движения) идеала, ни модели успешной интеграции на основе демократии (как Европейский союз), ни образца ускоренного развития (как Китай, заинтересовавший мир так называемым «пекинским консенсусом» в качестве альтернативы «вашингтонскому»). Она не является ни чьим-либо важным и полезным союзником (как, например, Япония для Соединенных Штатов), ни отъявленным врагом (как Иран для тех же США). Конечно, могут сказать, что в мире есть множество прекрасно живущих

государств, ничего специфического миру не предлагающих (например, небольшие страны Европы). Но они и не претендуют на роль независимых «центров силы» и тем более отдельных цивилизаций, являясь частью общеевропейской. Попытка же интеграции России в эту систему закончилась провалом, поэтому ей необходимо искать пути укрепления собственной «мягкой силы», искать, что она может предложить остальному миру, пусть и не в таких масштабах, как СССР.

Переход к новой российской внешней политике предполагает осуществление следующих мер:

- сформулировать основные национальные интересы России;
- понять, какие из них соответствуют также и интересам других основных игроков мировой политики;
- сделать области совпадения интересов направлениями внешнеполитической привлекательности России;
- за счет сотрудничества по этим направлениям склонить основных партнеров к уступкам в тех пунктах, где их интересы не совпадают с российскими интересами.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Сферу коренных национальных интересов России, тем более в ее нынешнем положении, не следует трактовать расширенно. К ним должны быть отнесены лишь те, от которых напрямую зависит будущее страны и которые государству следует отстаивать всей своей мощью.

Современная Россия не стремится завоевать мир или покорить его своей идеологией, как это делал СССР, и поэтому ее реальные национальные интересы гораздо скромнее. Общая цель развития страны на данном этапе понимается как ускоренное экономическое и социальное развитие, повышение уровня жизни населения до уровня наиболее развитых стран, обеспечение политической и социальной стабильности. Она и определяет постановку следующих внешнеполитических задач.

Во-первых, лидерство в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (ОМУ), прежде всего ядерного.

Цель борьбы с распространением ОМУ записана во всех основополагающих российских внешнеполитических документах, однако на практике Москва занимает здесь пассивную позицию. Является просматривается постсоветская парадигма, зависимость

по каждому данному случаю от уровня отношений России с Западом, а также от того, насколько выгодно отдельным российским лоббистским группам сотрудничество с данной страной в военной и ядерной областях.

В результате (например, в случае с Ираном или КНДР) Россия не только не позиционирует себя наиболее активным противником распространения ОМУ, но и, напротив, старается смягчить меры, принимаемые партнерами. Такая позиция представляется не отвечающей коренным российским интересам.

Россия — единственная страна, имеющая возможность нанести ответный ядерный удар по Америке, и этот фактор ставит ее вровень с США и выше других стран. Распространение ОМУ девальвирует военную мощь Москвы, а в нынешних условиях, когда по всем остальным показателям (обычные виды Вооруженных сил, экономический потенциал и т. п.) Россия далеко отстает не только от Соединенных Штатов, но и от многих других стран, оно объективно снижает ее влияние в мире.

Исходя из этого, России необходимо лидерство при принятии коллективных мер против подозреваемых в желании обзавестись ОМУ. Она должна иметь возможность действовать против них решительно, а в отдельных случаях односторонне.

Во-вторых, лидерство в борьбе с международным терроризмом и религиозным экстремизмом. Международный терроризм и религиозный, прежде всего исламский, экстремизм угрожают России в меньшей степени, чем Западу. Поэтому необходимо перейти от пассивного участия, позиции принятия либо отвержения тех или иных инициатив Запада (как, например, было с сотрудничеством по Афганистану) к политике выдвижения собственных инициатив и подкрепления их реальными действиями.

В частности, Россия могла бы выдвинуть новые предложения по стабилизации ситуации в Афганистане, борьбе с исходящей оттуда наркотической угрозой, используя, скажем, механизмы ШОС. Активизация позитивной роли Москвы приветствовалась бы государствами Центральной Азии и самим Афганистаном, явно разочарованным в проводимой Западом военной операции. Речь должна идти о перспективе полного обеспечения безопасности государств Центральной Азии ресурсами Шанхайской организации сотрудничества и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) без участия внешних сил. В широком плане возможно проведение

более жесткой политики по отношению к государствам и организациям — спонсорам международного терроризма, а также принятие мер по поддержанию светских режимов в странах с преобладанием мусульманского населения без вмешательства в их внутренние дела под предлогом защиты прав человека (как это делает Запад).

В-третьих, укрепление дружественных режимов в соседних государствах. Планомерное налаживание отношений с соседями создает условия для решения основной национальной задачи сегодняшней России — ускоренного экономического и социального развития. До сих пор непоследовательный российский курс и провокационная политика Запада создавали у некоторых стран впечатление, что крайняя внешнеполитическая русофобия окупается и в смысле получения больших экономических выгод от Запада, и в смысле гарантий безопасности.

Новая ситуация в Грузии в определенной степени должна изменить это впечатление. Ориентация на НАТО и США и крайне откровенная антироссийская позиция, с которыми в Тбилиси связывали основные надежды на восстановление территориальной целостности, потерпели крах. По сути, Запад оказался неспособен гарантировать безопасность и территориальную целостность Грузии. Для ряда стран это негативный урок, и некоторые события, например довольно холодный прием Ричарда Чейни в Баку и приглушение антироссийской риторики некоторыми политическими силами в Украине, говорят о том, что определенные выводы были сделаны. Но нужна и позитивная программа. Россия должна показать, что хорошие отношения с Москвой дают твердые гарантии суверенитета и территориальной целостности. Эти гарантии Россия могла бы предоставлять как самостоятельно, так и в рамках ОДКБ и в какой-то степени ШОС.

Основную озабоченность в области безопасности у большинства стран СНГ, в особенности в Центральной Азии, вызывают угроза терроризма, связанного с исламским радикализмом, а также вопросы наркоторговли. Превращение России в мирового лидера по борьбе с данными явлениями значительно повысит ее привлекательность в этой части света. Что касается территориальной целостности, то у большинства постсоветских государств главное опасение вызывают различные формы сепаратизма. В этом плане успешное официальное признание Абхазии и Южной Осетии вряд ли придало России популярности. Но так как повернуть ситуацию

вспять уже невозможно, необходимо разъяснить, что отказ от признания территориальной целостности Грузии – особый случай, вызванный неприкрытым грузинским национализмом и антироссийской политикой. В случае же более приемлемого курса любого другого соседа Россия (в отличие от НАТО) готова будет всей своей мощью обеспечить его территориальную целостность.

Кроме силовых факторов, необходимо использовать и экономические рычаги. Дружественные России соседи должны получать реальную экономическую отдачу. Речь идет не о дотациях, а о взаимовыгодных мерах экономического характера: преференциальном доступе к рынкам, приоритетном предоставлении контрактов и т. п. Следует решительно отойти от ситуации, при которой наиболее антироссийски настроенные соседи (например, Эстония и Латвия) пользуются большими выгодами от экономического сотрудничества с Россией, в то время как те, кто хорошо к нам относится, ничего не получают взамен. Здесь важно проявить государственную твердость и подчинить эгоистичные интересы отдельных бизнес-структур, а в ряде случаев и чисто финансовые интересы государства общему внешнеполитическому курсу, соответствующему национальным интересам страны.

В-четвертых, определение совпадающих интересов с Западом.

Как верно заметил Алексей Арбатов, в многополярном мире «в самом выигрышном положении оказывается та держава либо коалиция, которая построит наиболее оптимальные отношения с другими “центрами силы”». Из вышеозначенных национальных интересов России целый ряд полностью или частично совпадает с интересами Запада. Это прежде всего нераспространение ОМУ, борьба с международным терроризмом и наркоторговлей. По данным вопросам можно и нужно продолжить сотрудничество. Однако предшествующей политикой Запад подорвал доверие к себе. Его приверженность принципам международного права отброшена, одновременно именно к ним апеллируют для легитимации любых выгодных Западу внешнеполитических шагов.

Исходя из сказанного, сотрудничество должно быть не безусловным и опираться не на словесные заверения, а на четкие (желательно письменные) договоренности, основанные на системе взаимных уступок. Например, Россия может ужесточить позицию по иранской ядерной проблеме, активизировать совместные усилия по Афганистану, не поставлять какие-то виды вооружений в определенные

страны, но нужно получить ответ на вопрос, что она получит взамен. Если договариваться с Москвой не хотят либо стремятся нарушить достигнутые договоренности, необходимо принимать жесткие встречные меры. Только так можно восстановить репутацию достойного и последовательного партнера.

В-пятых, развитие отношений с другими «центрами силы».

В мире реальной многополярности для России возрастает роль ШОС как организации по согласованию интересов с другим «центром силы» – Китаем. Как «центры силы» менее мощные, чем Запад, Москва и Пекин будут стремиться к более тесной кооперации, хотя их интересы не всегда совпадают. Например, КНР не поддержит признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, но будет с удовлетворением смотреть на попытки России остановить дальнейшее расширение НАТО. Другая заслуживающая внимания перспектива – создание организации, альтернативной «Большой восьмерке», на основе неформальной группы БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). К этой группе можно было бы присоединить еще несколько крупных государств, которых по разным причинам не принимают в «Группу восьми» (например, Индонезию, Малайзию, Мексику, Нигерию, Южно-Африканскую Республику). Через несколько лет такая структура смогла бы соперничать по экономическому влиянию с *G8*, а Россия как единственный член обеих групп значительно укрепила бы свой авторитет в мире.

В-шестых, решение грузинского вопроса. Ситуация вокруг Грузии как прецедент новой российской политической активности, вероятно, надолго останется важным с точки зрения мировой политики в том смысле, что различные государства и «центры силы» должны будут формулировать собственную оценку и выдвигать те или иные планы ее изменения. В этой связи отказ от любого обсуждения разнообразных возможностей не соответствует интересам России.

Антироссийская направленность политики Тбилиси, по крайней мере теоретически, может измениться. И даже если для этого потребуются годы и десятилетия, такому изменению необходимо способствовать. В Грузии когда-то должны понять, что именно пронатовская ориентация привела к утере части территории страны, а продолжение данного курса увековечит невозможность каких-либо форм ее сосуществования с Южной Осетией и Абхазией.

Примером тому может служить ситуация на Кипре, где Турецкая республика Северного Кипра существует уже более 20 лет как реально независимое государство, признанное одной страной – Турцией. Тем не менее под давлением Анкары, стимулом для которой служит желание вступить в Европейский союз, Северный Кипр согласился на переговоры с греческой частью, хотя исход их еще не ясен. От Грузии пока не последовало никакого стимула, для того чтобы Россия оказала давление на Абхазию и Южную Осетию. Напротив, ее твердолобая уверенность, что давление Запада решит все вопросы, вызывала обратную реакцию. Однако если в Грузии когда-либо найдутся силы, которые оценят перспективы ее сосуществования с Абхазией и Южной Осетией прагматически, а не в рамках идеологизированной постсоветской ментальности, идея о нейтральном статусе и выполнение некоторых других правил игры могли бы создать такой стимул. Естественно, формы сосуществования предсказывать рано, но все они должны быть полностью приемлемы для народов Абхазии и Южной Осетии.

В-седьмых, важность информационной деятельности.

В информационном плане во время событий в Южной Осетии Москва выглядела бледно, особенно в первые дни конфликта, оказавшись не в состоянии адекватно представить в мировых СМИ свою позицию и реальное положение дел. И хотя здесь она действительно натолкнулась на стену идеологизированной антироссийской информации, часть вины лежит на самой России. Интересно, что сегодня как раз те, кто не справился с информированием мирового общественного мнения, говорят, что Россия сильна и ничего никому объяснять не обязана. Такая позиция крайне опасна, так как приведет к изоляции страны в мировом информационном пространстве, а затем и в других сферах.

В этих условиях целесообразно было бы создать влиятельный государственный орган, ответственный за своевременное информирование иностранных журналистов о реальных событиях. Будь такой орган создан до августа 2008 года, позиция России воспринималась бы сегодня в мире с большим пониманием.

Новая Антанта

От «гарантированного уничтожения» к полноценному союзу

Сергей Дубинин

Развеялись гарь и дым спалённых в войне кавказских городов и сел, в зоне конфликта постепенно налаживается мирная жизнь. Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии. Подписаны документы об оказании этим государствам экономической и военной помощи.

Вполне очевидно, что итоги столкновения на Кавказе выходят далеко за пределы данного региона. Внимание российского общественного мнения было все это время сосредоточено не столько на проблемах отношений с Южной Осетией, Абхазией или Грузией — нас интересовало и интересует, как недавние события повлияли на отношения России с Соединенными Штатами и Европейским союзом. Резкое обострение риторики заставило многих говорить о начале новой конфронтации. Но если отвлечься от сиюминутных эмоций, станет понятно, что объективно необходимость сближения с Западом вплоть до обязывающего союза только возросла.

ПРОБЛЕМА

«ГАРАНТИРОВАННОГО УНИЧТОЖЕНИЯ»

Российский аналитик в области международной безопасности Павел Золотарёв писал на страницах этого журнала: «Фундаментальным фактором взаимного недоверия является высокая готовность стратегических ядерных сил сторон к применению из-за сохранения задачи взаимного ядерного сдерживания. Оба государства оказались заложниками средств, созданных в период холодной войны, прежде всего межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования, которые не могут быть переведены в состояние пониженной готовности к пуску без нарушения штатного режима эк-

С.К. Дубинин — доктор экономических наук, профессор.

сплуатации» («Россия в глобальной политике», т. 6, № 3, май – июнь 2008, сс. 134–135).

Наиболее важная, я бы даже сказал, экзистенциальная проблема, которая разделяет Россию и США, – это стремление Вашингтона лишить Москву ракетно-ядерного паритета, унаследованного от советской эпохи.

Такое желание вполне объяснимо. Россия – единственная держава в мире, способная в прямом смысле уничтожить Соединенные Штаты. И хотя никто не собирается начинать ядерную войну, само наличие такой возможности оказывает огромное влияние на политическую ситуацию и восприятие сторонами друг друга. Так, именно существование паритета позволило Российской Федерации сохранить за собой место постоянного члена Совета Безопасности ООН, помогло ей еще в период экономического упадка стать равноправным участником «Большой восьмерки».

Одновременно тот же фактор сыграл решающую роль в политике расширения НАТО на Восток, а также развертывания элементов национальной системы ПРО США в непосредственной близости от российских границ. После завершения дискуссий на саммите Североатлантического альянса, а также на встрече в верхах Россия – НАТО в Бухаресте (апрель 2008 г.) Дмитрий Медведев и Владимир Путин высказывались в том духе, что для НАТО было бы более целесообразно заняться поисками возможности достичь соглашения с Москвой, чем форсировать дальнейшее расширение за счет вступления в альянс Украины и Грузии. Однако этот вполне обоснованный призыв не был услышан, точно так же как ранее были проигнорированы и многие иные предложения России. Вашингтон отвергает и все ее инициативы о совместном создании и коллективном управлении силами противоракетной обороны.

Возьму на себя смелость предположить, что происходит это именно потому, что российские предложения включают в себя в качестве обязательного условия сохранение ракетно-ядерного паритета между Россией и Соединенными Штатами. Администрация Джорджа Буша в текущем десятилетии выбрала для себя иную стратегию – изматывания Москвы как в ходе конфронтации в области стратегических вооружений, так и в бесконечных противостояниях по периметру российских границ. Сегодня, когда авторитет нашей страны в мире вырос, Соединенные Штаты, по сути, пытаются навязать России новую гонку вооружений, которую она заведомо не

сможет выиграть, как когда-то не смог ее выдержать Советский Союз. Логика, видимо, в том и заключается, чтобы Москва пошла на неприемлемо высокие затраты бюджетных, интеллектуальных и человеческих ресурсов.

Именно исходя из этих расчетов, Соединенные Штаты вышли из Договора по ПРО. В 2009 году истекает срок действия Договора СНВ-1, затем придет черед и ряда других соглашений, ограничивающих число ядерных боезарядов сторон (сегодня оно установлено на уровне 1700–2200) и носителей ядерного оружия. В том же ряду размещение на территории Польши и Чехии американских средств противоракетной обороны, способных контролировать активность российских стратегических сил на всей европейской территории нашей страны и в акваториях Белого, Баренцева и Карского морей.

Нет оснований надеяться, что со сменой американской администрации в 2009-м политика США радикально изменится. Приостановка сотрудничества по линии НАТО – Россия и общее обострение отношений с Вашингтоном в результате недавних событий в Южной Осетии означают долговременное свертывание всяких переговоров по проблемам ПРО на двустороннем уровне.

Через десять-пятнадцать лет мы сможем реально оценить, удался ли американцам прорыв в средствах противоракетной обороны и космических вооружений, который они запланировали. Вероятность того, что средства уничтожения ракет-носителей на активных участках полета и боевых блоков на пассивных участках будут созданы, испытаны и начнут разворачиваться, очень высока. Еще несколькими годами позже Россия, видимо, утратит ракетно-ядерный паритет с Америкой.

Разумеется, Россия по-прежнему будет мощной ядерной державой, способной осуществить доставку и взрыв на территории любого противника нескольких ядерных боеприпасов. Но мы станем лишь одной из многих таких стран. У Соединенных Штатов может возникнуть опасная иллюзия защищенности и безнаказанности в случае применения ими первыми своего оружия.

Оставаясь в ранге «потенциального противника», наша страна будет обоснованно опасаться американской агрессии. Как США, добившись после изнурительной гонки вооружений доминирования в сфере стратегических наступательных вооружений и противоракетной обороны, распорядятся этим достижением?

После того как самолеты НАТО бомбили Белград, непросто убедить кого-либо в нашей стране, что такое никогда не произойдет с Москвой и Санкт-Петербургом. Мы нуждаемся в надежной защите от подобного рода угроз. Но в какой именно?

В момент осознания невозможности поддержания на долгий период ядерного паритета с Вашингтоном у Москвы останется не очень богатый выбор альтернатив.

Во-первых, немедленная атака «пока не поздно». Надеюсь, Бог не лишит российское руководство разума и этого не случится.

Во-вторых, заключение союза с противниками Соединенных Штатов, чтобы разделить с ними затраты по созданию «контр-ПРО». Едва ли это станет эффективным ответом на усилия всех стран НАТО, вместе взятых, но такие действия будут крайне дорогостоящими, приведут к новому изданию холодной войны. Впрочем, как в России, так и в США, вероятно, найдутся желающие развернуть новую гонку вооружений.

Эскалация военно-политического противостояния, в том числе и в ядерной области, потребует сосредоточения всех сил на военном строительстве, что, собственно говоря, и делал СССР после Второй мировой войны. Втянуться сейчас в такую конфронтацию — значит подвергнуть себя военной угрозе без надежды на успех и обречь Россию на растрату материальных ресурсов, остро необходимых для решения социально-экономических проблем.

Наконец, **в-третьих**, Москва может инициировать переговоры с Вашингтоном о новом *modus vivendi*. Но переговорные позиции окажутся к тому времени заведомо слабее, чем сегодня. К тому же и российская, и американская стороны затратят колоссальные средства на реализацию военных программ.

Самое разумное — начать эти переговоры уже сегодня. Предлагаю назвать такой путь «новой Антантой», поскольку он подразумевает поиск возможности для заключения военно-политического союза с теми, кого традиционно привыкли считать историческими противниками. Так, в конце XIX — начале XX века правительство Российской империи сделало выбор в пользу союза с Францией, а затем с Великобританией, посчитав его более выгодным и перспективным, чем альянс со старинным и традиционным «другом» — германским кайзером. Сегодня же решением проблемы на долгосрочную перспективу стало бы заключение союза России с Соединенными Штатами.

ЗАЧЕМ НУЖЕН СОЮЗ С АМЕРИКОЙ?

Боевые действия на Южном Кавказе в августе 2008 года резко осложнили для России выбор в пользу «новой Антанты». Российскому обществу очень трудно понять и принять позицию Соединенных Штатов и их европейских союзников в отношении конфликта в Южной Осетии. И все же президенту и правительству России необходимо проявить стратегическое видение на перспективу не одного избирательного цикла, а на 25–30 лет вперед. И в этом свете оценить плюсы и минусы данной альтернативы, равно как и последствия отказа от нее.

Однополярной системы, в которой доминирует Америка, больше не существует. Но и многополярность является для России не стратегической победой, а новым стратегическим вызовом: она несет в себе и многие риски, и «многие печали». Мир вступает в период пересмотра старых догм, перегруппировки существующих союзов и формирования новых альянсов. Речь, без сомнения, пойдет не только об экономических, но и военно-политических блоках. Для гарантий безопасности в этих условиях России нужны сильные союзники. Как показали недавние события, сейчас их нет и Москва получила неприятные (и почему-то для нее неожиданные) свидетельства неспособности обеспечить поддержку своих интересов и действий на мировой арене.

Совсем недавно многие в России утверждали, что отсутствие недвусмысленных взаимно обязывающих отношений с теми или иными государствами является сознательным выбором и явным преимуществом российской позиции. Коалиции якобы могут гибко меняться от случая к случаю по мере потребности и по ситуации. И вот страны СНГ, ШОС, ОДКБ и даже Белоруссия как часть единого с Россией Союзного государства весьма «гибко» отказали в поддержке. Мы заслужили в лучшем случае «понимание».

Нынешние российские власти не готовы платить за присоединение к Западу сколько-нибудь значимую цену. Пока мы согласны сотрудничать с западными структурами на наших собственных условиях. Только вот отечественная элита пока оказалась неспособна четко сформулировать желательные для России правила такого сотрудничества. Еще более сложной оказывается задача стабильно следовать ранее провозглашенным подходам. Волюнтаризм и *ad hoc* пересмотр ранее принятых решений разрушительны для любых альянсов.

После того как иллюзия однополярного мира, в котором одна великая держава, Соединенные Штаты, может определять течение международных событий, рассеется окончательно, мы окажемся перед реальностью хаоса. В целом ряде взрывоопасных регионов Земли уже сегодня царит соперничество между двумя-тремя региональными «сверхдержавами», которые одна за другой встают на путь гонки вооружений, включая ядерное оружие.

Позиция ведущих ядерных держав вызывает все большее недоверие основной части стран — участниц Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Они видят, что провозглашенные ранее цели дальнейшего сокращения и полной ликвидации оружия массового уничтожения, по существу, отброшены. Число государств желающих обзавестись собственным ядерным арсеналом, будет непрерывно возрастать.

В непосредственной близости от границ России уже находятся как реальные ядерные державы — Китай, Индия, Пакистан и, очевидно, Северная Корея, так и потенциальные — Иран. В случае превращения последнего в ядерную державу «эффект домино» в регионе практически неизбежен. Готова ли Россия к ядерной гонке вооружений, в которой ей придется учитывать совокупный потенциал всех этих государств? Можем ли мы позволить себе соперничество с западными ядерными державами в то же самое время?

После двадцати лет вооруженных конфликтов на Юге с вполне определенным противником — исламским экстремизмом (Афганистан, Таджикистан, Чечня) мы всё еще готовимся к войне вовсе не там и не с теми. Настоящий противник отступил, но не разгромлен. Завтра исламисты могут перейти в наступление не только где-нибудь в Ферганской долине. После признания поражения США в Ираке и вывода оттуда американских войск они попытаются взять под контроль ядерное оружие и ракетную технику в Пакистане либо Иране.

Необходим реальный прорыв в определении национальной стратегии. Уже сегодня России нужно сделать выбор, с каким сообществом обладателей оружия массового уничтожения сблизиться, с кем сотрудничать в военной сфере, с кем заключать союзы. Убежден, что здравый смысл возобладает и руководство страны пойдет на сближение с сильнейшей группировкой, которую принято называть «Западом». Как патриот своей Родины я убежден, что нашему государству необходим политический и военно-оборонительный союз с

Соединенными Штатами. Но не вступление в НАТО, а прямой договор о совместной обороне и военно-техническом сотрудничестве Россия – США.

Несомненный плюс альянса с Америкой – возможность сосредоточить силы и средства на модернизации Вооруженных сил и обеспечить их подготовку к такому характеру противостояния, которое наиболее вероятно и на тех направлениях, где угроза выше. Союз с Соединенными Штатами позволит сэкономить огромные средства на одном стратегическом направлении, но, увы, не гарантирует, что на другом не придется создавать крупную военную группировку с участием ряда союзных стран. Разве не будет это легче сделать вместе с США, чем без их участия?

Конечно, между дипломатическими и военными элитами обеих стран существует глубоко укоренившееся недоверие. Наследство холодной войны живо, да и период после ее окончания совсем не способствовал взаимопониманию. Однако властям двух стран предстоит в ближайшие годы произвести переоценку многих ценностей. Пора дать себе отчет в том, что кроме вчерашних проблем уже имеется масса сегодняшних. В глобальном плане у России и Соединенных Штатов гораздо больше общих интересов, чем спорных вопросов. Потенциальный противник у них тоже общий. Разброд и шатания в многополярном мире станут нарастать. Москва и Вашингтон будут нуждаться друг в друге. Кстати, военные действия на Кавказе продемонстрировали всему миру, что российские Вооруженные силы могут быть ценным союзником.

Обеспечить приемлемое для России содержание союзнического договора – дело, безусловно, не простое. Главное в нем – взаимные гарантии того, что в случае нападения какой-либо третьей страны на одного из союзников агрессору совместно будет нанесен удар, обеспечивающий его разгром. Это необходимо распространить и на ядерный, и на неядерный акты агрессии. Договор должен содержать такие меры доверия, которые обеспечивали бы подготовку общих действий и исключали бы саму возможность использования ракетно-ядерного оружия друг против друга.

Желательно предоставление аналогичных гарантий со стороны обоих участников договора и странам-союзницам, то есть европейским государствам – членам НАТО, а также бывшим республикам Советского Союза, при условии, что они захотят получить такие гарантии.

Сама возможность заключения подобного договора будет определяться достижением соглашения между США и Россией по стратегическим вооружениям. Выход из противостояния на основе паритета должен быть четко спланирован и скоординирован с созданием коллективно управляемой системы ПРО. Она будет сочетать в себе национальные элементы, управляемые с участием военных специалистов союзников, центры обмена данными между участниками договора, станции слежения, а также противоракеты наземного и космического базирования, размещаемые в оптимальных точках.

ОТВЕТЫ РОССИИ

Антанта начала XX столетия победила в войне на европейском континенте, но России не оказалось среди держав-победительниц. В силу внутренних слабостей она не выдержала испытание войной и погрузилась в пучину еще бóльших бедствий вследствие социальных революций и Гражданской войны 1917–1922 годов. Россия оказалась «слабым звеном». Чтобы новая Антанта принесла нам успех, Россия должна быть сильной современной державой.

Теоретически есть два варианта реагирования на происходящее сегодня в мире, в том числе и на финансово-экономический кризис.

Первый – попытаться самоизолироваться. По существу, это сыграет на руку нашим открытым противникам, облегчит им осуществление всевозможных антироссийских мер. Но сторонники такой позиции имеются, их аргументы громко звучат в отечественной дискуссии. Им мнится возможность повторить сталинскую индустриализацию в условиях государства, закрытого от мира. «Изоляционисты» стараются не вспоминать, что сталинский «эффективный» менеджмент базировался на эксплуатации дармовой рабочей силы в колхозах и в ГУЛАГе. Как только советское руководство отказалось от этого ресурса, плановая государственная система обнаружила свою низкую эффективность. Может быть, господа-товарищи «изоляционисты» честно скажут, кого теперь они предложат массово «стереть в лагерную пыль»?

Второй вариант – активное участие в глобализированной экономике. Развитие событий в мировой финансовой сфере оставляет глубокий след в любой национальной экономике. В период экономического роста речь чаще всего шла о положительных эффектах глобализации. Казалось, что любой масштабный инвестиционный проект может быть профинансирован за счет мобилизации ресурсов

на мировом рынке. IPO российских компаний сопровождались переподпиской инвесторов на их акции. ОАО «Газпром» удалось «поднять» деньги совместно с ENI и построить газопровод «Голубой поток» по дну Черного моря. Не было сомнений и в том, что средства найдутся для других «потоков» – северного и южного направлений. Многие российские компании получили кредиты на хороших условиях под залог собственных акций. Говоря шире, все экономические успехи последнего десятилетия основаны на международном разделении труда и экономическом росте в открытой экономике благодаря присоединению к мировому финансовому рынку.

Финансовый кризис демонстрирует негативные стороны глобальной экономики. Стало очевидно, что подключение к международным товарным и денежным потокам требует от национальной финансово-экономической системы зрелости и прочности. Выяснилось, что российская экономика не готова к таким испытаниям в полной мере.

Инвестиционное сообщество оценивает Россию как страну с «формирующимся рынком», повышенными экономическими и политическими рисками. По сути, так наша экономика оценивалась всегда. Но подчеркнуто громкая публичная конфронтация с Западом в ходе и после войны в Закавказье усугубила ситуацию. Инвесторы побежали с нашего рынка быстрее, чем в предшествовавшие месяцы кризисного года. Кризис вскрыл слабости модели глобализации в целом и российские проблемы.

России необходимо осуществить массовое обновление основных производственных фондов и добиться качественно нового уровня развития человеческого капитала. Руководители страны это ясно понимают и открыто говорят о неизменности курса на международное сотрудничество и открытую экономику. Российская экономика стала рыночной и быстрорастущей, но она не стала эффективной. Без современных технологий переход в новое, постиндустриальное качество и вовсе может не состояться. Нам нужны современные технологии, а их реальными носителями являются иностранные инвесторы. Масштаб необходимых инвестиций таков, что национальному капиталу не справиться с этими задачами даже с подключением государственных бюджетных средств.

Мы не можем позволить себе и остановку важнейших социальных программ. В ближайшие 15 лет перед российской экономикой стоит задача обеспечения гражданам достойного уровня пенсий. В недале-

ком будущем на одного занятого в экономике будет приходиться один пенсионер, чего в истории страны никогда еще не было.

Для решения поставленных задач российская экономика нуждается в кардинальном снижении того, что принято называть «политическими рисками». Грубо говоря, если мы угодим в состав «оси зла» и наши враги добьются введения реальных экономических санкций, то с надеждами на модернизацию экономики и международную конкурентоспособность российской продукции придется проститься надолго.

И не надо «сказок для взрослых» о передовых достижениях отечественных ученых и конструкторов на всех направлениях. В современном мире такой тотальный охват всех отраслей научно-технического прогресса не способна обеспечить ни одно государство. Вспомним лучше о возвращенных из Алжира боевых самолетах, авионика которых не дотягивала до современных требований. Подумаем, что нам делать с газовыми турбинами ГТ-110 для электростанций производства фирмы «Сатурн», которые она не может уже десять лет запустить в серию и чертежи которых украинские соавторы и партнеры, видимо, успешно продали в Китай. Там уже производят машины, которые совершенно аналогичны ГТ-110. Кстати сказать, китайские руководители отказались и от закупок российской боевой авиационной техники, предпочитая ее бесплатное копирование на собственных предприятиях.

СССР не сумел создать эффективную экономику и распался под грузом проигранной гонки вооружений. А ведь масштаб затрат на военные и научно-технические разработки он позволял себе такой, что ресурсов на молоко и мясо (в том числе даже куриное) для собственного населения не хватало. Мы рискуем сегодня повторить эти «успехи». Нам это нужно? Нет. Президент страны Дмитрий Медведев ясно заявил, что Россия не позволит повторно втянуть себя в эту изматывающую гонку.

ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОСТЕЙ США

А нужен ли союз с Россией Соединенным Штатам?

Еще вчера заносясь в гордыне в качестве единственной страны-гегемона, американцы пренебрегали мнением не только потенциальных партнеров, в том числе и России, — они наплеваательно отнеслись к предупреждениям действующих союзников, в частности Германии и Франции. Сегодня и республиканцы, и де-

мократы в США активно обсуждают механизмы коллективных действий на мировой арене.

В ходе кризиса на Южном Кавказе не только Москва, но и Вашингтон столкнулись с очевидными свидетельствами ограниченности своих возможностей. Притязания американской элиты изначально были явно шире амбиций российского истеблишмента. С приходом в Белый дом администрации Джорджа Буша-младшего во властных структурах воцарилась уверенность в том, что единственная сверхдержава способна одновременно выдерживать конфронтацию и побеждать в соперничестве с любым количеством противников во всем мире.

Соединенные Штаты явно внушили президенту Грузии Михаилу Саакашвили собственную уверенность в том, что никто, включая Россию, не решится противодействовать стране, которую Вашингтон публично называет своим важнейшим партнером. Тбилиси, «инфицированный» этими фантомными «гарантиями», предпринял военную авантюру в Южной Осетии. Однако оказалось, что США не обладают реальными рычагами влияния и способностью контролировать ситуацию и действия российских властей.

Необходимость пересмотра позиций Соединенных Штатов стала особенно очевидной для их собственной элиты на фоне масштабного финансового кризиса, начавшегося как американское потрясение, но быстро ставшего общемировым. Американские финансовые институты обслуживают в настоящее время мировой оборот капитала, когда этот капитал принимает денежную, финансовую форму. Трансформация сбережений в инвестиции протекает во всем мире по новой, «глобализированной» формуле: национальные сбережения накапливаются, выходят на мировой финансовый рынок и, только пройдя этот международный этап, вкладываются в ту или иную национальную экономику.

К числу самых общих проблем, от которых страдают не только Соединенные Штаты или какие-либо другие страны, но и весь международный рынок, относится отсутствие адекватного регулирования мирового финансового рынка. Попытки американских регулирующих властей ужесточить требования к раскрытию информации и регистрации игроков и участников на рынках США привели к переносу операций в иные юрисдикции. Развитие инновационных операций с производными финансовыми инструментами разорвало связь финансовых сделок с базовыми реальными активами.

Видимо, национальное законодательство сможет быстро сделать в этой сфере только одно — ввести запрет для национальных юридических лиц иметь на своем консолидированном балансе определенные виды рискованных активов. После этого предстоит договариваться, как оценивать риски активов по единой методике и регулировать работу с ними общими усилиями многих стран. А в течение переходного этапа наиболее рискованные операции будут продолжаться в офшорном «Лас-Вегасе». Односторонние меры для преодоления кризиса и регулирования мировой финансовой сферы недостаточны, даже если затраты на эти цели будут определяться многими сотнями миллиардов долларов.

Пришло время обсуждать методы международного регулирования. Объективно в условиях кризиса американская сторона заинтересована не в нагнетании военно-политического соперничества на мировой арене, а в конструктивном взаимодействии, в том числе и с Россией.

Парадигма 12 сентября

Америка, мир и Джордж Буш

Роберт Кейган

Сегодняшний мир совсем не похож на тот, что предсказывался после падения Берлинской стены в 1989 году. Предполагалось, что на смену соперничеству между великими державами придет геоэкономика, а идеологическое противоборство между демократией и автократией завершится с «концом истории». Мало кто ожидал, что вызовы беспрецедентной мощи США будут столь многочисленны. Причем среди стран, бросивших вызов, оказались не только развивающиеся быстрыми темпами державы, но и, главное, старые и близкие союзники. Был ли этот поворот волей случая и непредвиденных обстоятельств, или же виновных следует искать среди самих американцев? И могут ли Соединенные Штаты что-то с этим поделать?

Проблемы США с остальным миром или, вернее, остального мира с Америкой начались еще до того, как Джордж Буш-младший занял президентское кресло. Министр иностранных дел Франции Юбер Ведин жаловался на «гипердержаву» еще в 1998-м. А в 1999 году Самьюэл Хантингтон утверждал на страницах журнала *Foreign Affairs*, что значительная часть планеты считает Соединенные Штаты «сверхдержавой, не признающей международных норм» — «бесцеремонной, всегда готовой вмешиваться в чужие дела, эксплуататорской, преследующей только свои интересы, гегемонистской и лицемерной».

Хотя Хантингтон и другие обвиняли администрацию Билла Клинтона в том, что она постоянно превозносит «американскую мощь и американское благоразумие», риторику самовосхваления

Роберт Кейган — старший сотрудник Фонда Карнеги за международный мир, автор книги *The Return of History and the End of Dreams* («Возвращение истории и конец мечтам»). Статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 5 (сентябрь/октябрь) за 2008 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

начали отнюдь не сторонники Клинтона. Все дело в том, что геополитический сдвиг, который последовал за распадом Советского Союза, подспудно сформировал у США и иных стран представление о себе и окружающих. В конце 1990-х пошли разговоры о кризисе в трансатлантических отношениях. Все попытки выявить виновного не могли заслонить главную причину кризиса. Она проста: союзники уже не нуждались друг в друге в такой степени, как прежде. Импульсом к сотрудничеству во времена холодной войны на четверть было информированное благоразумие и на три четверти был холодный расчет. В основе этого союза лежала не взаимная симпатия, а взаимозависимость. С исчезновением советской угрозы каждая из сторон была вольна выбирать собственный путь.

В известном смысле они так и поступили. Европа, освобожденная от страха перед Советским Союзом, взялась за трудное дело строительства нового объединения. В 1990-х годах Европейский союз продемонстрировал человечеству возможность двигаться новым курсом, способность государств поступиться частью своего суверенитета и отказаться от политики с позиции силы в пользу международного права. Тем самым было положено начало новой эры: утверждались новые международные нормы, создавались новые международные организации.

Многие люди во всем мире, и в первую очередь европейцы, с удовлетворением восприняли международную дискуссию на тему глобальной управляемости, вытеснившую предубеждения времен холодной войны. Озабоченность в связи с изменением климата вызвала к жизни инициативу Киотского протокола. Возникла идея создания Международного уголовного суда. Многие государства прилагали усилия к повсеместной ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, укреплению режима нераспространения ядерного оружия и подписанию Протокола о запрещении или ограничении применения мин-ловушек. Британский премьер-министр Тони Блэр предложил к обсуждению «доктрину мирового сообщества», согласно которой общие интересы человечества преобладали над интересами отдельных государств.

Соединенные Штаты в той или иной степени оставались верны традиционным взглядам. Официальные лица в администрации Билла Клинтона разделяли чаяния европейцев, но полагали, что США должна принадлежать особая роль хранителя международной безопасности. Они настаивали, что Америка — «незаменимый» лидер

мирового сообщества в традиционном понимании, и делали акцент на государственную мощь и государственные интересы. Сталкиваясь с кризисами вокруг Тайваня, в Ираке или Судане, администрация Клинтона, зачастую в одностороннем порядке, направляла туда авианосцы и подвергала ракетному обстрелу неугодные режимы. Билл Клинтон при всех своих достоинствах не поддержал идею подписания документа о минах-ловушках и участия в работе Международного уголовного суда, поскольку они не гарантировали особую роль Соединенных Штатов в мировой политике.

Клинтон предостерегал, что в мире по-прежнему имеются «хищники» – террористы и «государства вне закона», которые стремятся получить доступ к «ядерному, химическому и биологическому арсеналу, а также ракетам для доставки этих смертоносных вооружений». Официальные лица в его администрации также не скрывали своего раздражения по поводу несерьезного, как они считали, отношения европейцев к этим угрозам, особенно к положению в Ираке. Как заявила тогда государственный секретарь США Мадлен Олбрайт, «если нам и придется применить силу, то только потому, что мы – Америка... Мы яснее видим будущее».

Окончание холодной войны позволило каждому взглянуть друг на друга по-новому, и европейцы были не в восторге от того, что увидели. Так же, как и европейцам, жившим в XIX веке, американское общество представлялось грубым и бесчеловечным. Отчасти чтобы оградить себя от экспансионистского американизма, Ведрин призвал Европу противостоять гегемонизму Соединенных Штатов. «Мы не можем согласиться... с однополярным миром, – сказал он, – вот почему мы отстаиваем мир многополярный».

Казалось, что в конце 1990-х годов условия для формирования многополярности созрели. Отношения США с Китаем и Россией быстро портились. Китайцы давно уже выражали неудовольствие «сверхгегемонистскими» амбициями Соединенных Штатов. Пекин вполне обоснованно полагал, что Вашингтон враждебно настроен в отношении растущей мощи КНР. Взрыв антиамериканизма произошел в 1999-м, когда ВВС США по ошибке сбросили бомбу на китайское посольство в Белграде.

В то время полным ходом шла война в Косово, которую китайцы и русские считали неправомерной. Российский министр иностранных дел Игорь Иванов назвал этот конфликт наиболее отвратительной из агрессий, совершенных в Европе со времен Второй

мировой войны. Когда в том же, 1999 году, Чешская Республика, Венгрия и Польша присоединились к НАТО, опасения Москвы еще больше усилились. Эпоха спокойной, умиротворенной России, стремящейся к интеграции с либеральным Западом на его условиях, заканчивалась. Российский президент Борис Ельцин назначил Владимира Путина премьер-министром в августе 1999-го. А в сентябре Путин ввел войска в Чечню; менее чем через год он возглавил Россию, избрав для нее скорее националистический, нежели демократический, путь.

БУШ - РЕАЛИСТ

В этом распадающемся на отдельные фрагменты мире президентом США стал Джордж Буш-младший. Правда, еще раньше карикатуристы успели его изобразить в виде тexasского ковбоя с шестизарядным револьвером и лассо. Французский политик Джек Ланг назвал его «серийным убийцей». 7 января 2001 года *The Washington Post* поместила публикацию корреспондента *The Guardian* Мартина Кеттла, содержание которой сводилось к следующему: «Растущее во всем мире раздражение» действиями Соединенных Штатов предшествовало приходу Буша к власти, но его избрание «подарило поднимающему голову антиамериканизму такую фигуру, о которой нельзя было даже мечтать».

Известная доля иронии есть в том, что Джордж Буш при вступлении в должность намеревался умерить претензии США на мировое господство. В моду тогда входил внешнеполитический реализм. Рассуждая о том, какими принципами следует руководствоваться во внешней политике, демократический кандидат на президентское кресло Альберт Гор в ходе предвыборных дебатов заявил, что это «вопрос ценностей». Буш же сказал, что это прежде всего вопрос «интересов Соединенных Штатов». Гор говорил о том, что США как «естественный лидер» мирового сообщества должны иметь развитое «чувство миссии» и предоставить в распоряжение других народов «реальную программу действий, выполняя которую они в большей степени станут похожими на нас». По мнению же Джорджа Буша, Соединенным Штатам, напротив, не следовало «ходить по всему миру и давать всем советы, как нужно поступать в том или ином случае». Америке стоит иметь это в виду, заявлял он, «если мы не хотим, чтобы к нам относились, как к “вздорным янки”».

Но, как выяснилось, реализм не умножил число друзей Америки в мире. Официальные лица в администрации Буша с презрени-

ем относились к международному диалогу 1990-х. В первые девять месяцев пребывания у власти американская администрация вышла из переговорного процесса по Киотскому протоколу, заявила о неприятии идеи Международного уголовного суда и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и приступила к процедуре выхода из Договора об ограничении систем противоракетной обороны. Некоторые из этих документов устарели уже при Билле Клинтоне, но тот пытался смягчить гнев мирового сообщества, оставляя надежду на то, что в конечном итоге их ратифицируют. Джордж Буш же был принципиальным противником ратификации.

Как и в 20-х годах прошлого столетия, республиканцев беспокоило, что подобные международные соглашения способны ограничить суверенитет США. В 2000-м Кондолиза Райс, бывшая в то время помощником президента Буша по национальной безопасности и, по ее собственному определению, прагматичным политиком, возмущалась на страницах *Foreign Affairs* по поводу досужих разговоров о «гуманитарных интересах». Внешняя политика США должна опираться «на твердый фундамент государственных интересов», а не на «интересы иллюзорного мирового сообщества», — писала она.

Новый подход основывался на реалистичном расчете и стремлении отстаивать в постбиполярном мире национальные интересы Соединенных Штатов, которые рискуют оказаться серьезно ограниченными в результате необдуманно взятых ими на себя международных обязательств. Требовалась более обстоятельная внешняя политика, основанная на национальных интересах.

Большинство сотрудников администрации Джорджа Буша соглашались с критикой политолога Майкла Манделбаума, который в 1996 году также писал в *Foreign Affairs*, что администрация Клинтона выполняет роль международного «социального работника» на Балканах и Гаити, где у США нет никаких жизненно важных национальных интересов. Кандидат Буш на заданный ему вопрос, послал ли бы он войска в Руанду, ответил, что Соединенным Штатам не следует «посылать войска, для того чтобы остановить столкновения на этнической почве и геноцид в тех государствах, которые находятся за пределами наших стратегических интересов».

И как только Джордж Буш занял президентское кресло, его соратники — сторонники политического реализма вице-президент Дик Чейни, Кондолиза Райс, министр обороны Доналд Рамсфелд, государственный секретарь Колин Пауэлл все как один соглашались

с тем, что гуманитарных интервенций и государственного строительства в других странах следует избегать.

Взятая на вооружение стратегия должна была превратить США в заокеанский противовес, спасителя последней надежды или, по словам Ричарда Хааса, в «шерифа поневоле». Во время избирательной кампании-2000 Райс говорила о «новом разделении труда», при котором местные державы будут поддерживать мир в регионах, а Америка — обеспечивать их материально-техническими средствами и разведывательными данными, но не станут посылать туда наземные войска. Ричард Пёрл доказывал необходимость вдвое сократить сухопутные силы, поскольку исход противостояния в глобальных конфликтах будет решаться не армиями, а высокоточными ракетами. Непосредственная угроза, исходящая от государств-изгоев, в войсках которых имеются на вооружении ракеты дальнего радиуса действия, может быть ликвидирована в одностороннем порядке с помощью противоракетной обороны.

Наступило время «стратегической паузы», позволившей Соединенным Штатам несколько освободиться от бремени всемирного лидерства и подготовиться к угрозам, которые могут возникнуть через 20–30 лет. С точки зрения реалистов, США следовало сократить свое присутствие и влияние в тех регионах, где их государственным интересам ничто существенно не угрожает.

Иначе говоря, Вашингтон отдалился от мирового лидерства — по крайней мере, занимался им не столь активно, как во времена холодной войны. В 1990-м, когда коммунизм и советская империя потерпели поражение, Джин Киркпатрик доказывала, что Соединенным Штатам следует отказаться от «излишнего бремени» лидерства и «с возвращением к нормальной жизни... стать обычным государством». Как выразился Джон Болтон в своем очерке, опубликованном в 1997 году, пришла пора «признать, что главный вызов, брошенный нам, остался позади». Теперь бóльшая часть мира, равно как и США, может сама о себе позаботиться.

Примерно такой политики и придерживался Буш в течение первых девяти месяцев пребывания в Белом доме, и остальной мир быстро усвоил его «послание». Согласно опросу, проведенному Центром изучения общественного мнения *Pew Research Center* в августе 2001-го, 70 % жителей Западной Европы (85 % во Франции) были убеждены, что решения администрации Джорджа Буша «основаны исключительно на интересах Соединенных Штатов».

NOUS SOMMES TOUS AMÉRICAINS, MAIS...

(МЫ ВСЕ АМЕРИКАНЦЫ, НО...)

Таким был общий настрой после серии терактов 11 сентября 2001 года, которые, естественно, вынудили администрацию Буша изменить внешнеполитический курс страны. Хотя речь не шла о доктринальной революции, Белый дом не отказался от своего базового подхода, в основе которого лежат национальные интересы. Но при этом даже узконаправленное их понимание, например необходимость обеспечения безопасности страны, неожиданно вылилось в агрессивную внешнюю политику в глобальном масштабе. «Стратегическая пауза» подошла к концу, и США вернулись к активному участию в мировой политике под лозунгом «войны с терроризмом».

Означало ли это, что Соединенные Штаты снова взвалили на себя бремя мирового лидерства? Администрация Буша искренне верила в свою миссию. Однако, попытавшись осуществлять руководство в стиле холодной войны, Америка столкнулась с серьезными препятствиями в изменившемся, особенно после событий 11 сентября, мире.

Одно из них заключалось в том, что после 11 сентября американцы и их лидеры сосредоточились, и это понятно, на проблемах национальной безопасности. Уже в Афганистане стало ясно, что возродить былую солидарность будет нелегко. Вторжение в Афганистан, в отличие от войн в Косово и в Персидском заливе, не являлось частью плана по созданию «нового мирового порядка». Оно было направлено на укрепление безопасности самих Соединенных Штатов. Во время войны в Персидском заливе (1991) Джордж Буш-старший предпринял титанические усилия по мобилизации мирового общества. В Афганистане же преследовались другие цели. В ходе афганской войны администрация Джорджа Буша-младшего, в которой многие ведущие посты занимали прежние лица, поставила перед собой задачу уничтожить базы «Аль-Каиды» и свергнуть правительство талибов. Соответственно действовать нужно было быстро, не обременяя себя договоренностями с союзниками, ставшими головной болью для генерала Уэсли Кларка в Косово.

Стоит ли изумляться тому, что был избран столь узкий подход, учитывая панику и гнев, охватившие Америку? Но неудивительно и то, что мир отнесся к США не как к мировому лидеру, действующему во благо человечества, а как к разгневанному левиафану, вознамерившемуся покарать напавших на него. Подобные усилия вызва-

ли гораздо меньше сочувствия со стороны мирового сообщества, что явилось вторым серьезным препятствием на пути возвращения Соединенных Штатов к прежнему стилю глобального управления: ведь другие страны, включая ближайших союзников США, также руководствовались собственными интересами.

Вот почему было трудно избежать ситуации, сложившейся в мире после 11 сентября. То, что постигло Соединенные Штаты, касалось только этой страны. Население Европы и большинства стран мира отреагировали гневом, скорбью и сочувствием. Но Америка увидела в этом чувстве солидарности то, чего на самом деле не было. Большинство американцев независимо от их политических пристрастий уверовали в то, что мир разделяет не только их боль и скорбь, но также и их страхи и тревогу по поводу террористической угрозы и, объединившись вокруг США, ответит сплоченными действиями. Некоторые американские обозреватели до сих пор не избавились от этой иллюзии. На самом же деле остальной мир не разделял ни страхов американцев, ни их стремления к принятию безотлагательных мер. Европейцы солидаризировались со сверхдержавой в период холодной войны, когда в условиях нависшей над ними угрозы Соединенные Штаты обеспечивали их безопасность. Но по окончании холодной войны и даже после 11 сентября европейцы чувствовали себя относительно неуязвимыми. Испытывали страх только американцы.

Когда прошло общее замешательство, оказалось, что теракты 11 сентября не изменили фундаментальное отношение к Америке. Возмущение и неприязнь остались. Мировой опрос лидеров общественного мнения, проведенный в декабре 2001 года исследовательским центром *Pew*, выявил, что, хотя максимальное число опрошенных «сожалеет о том, что Америке пришлось такое пережить», большинство (70 % в мире и 66 % в Западной Европе) считало, что «американцам не помешает испытать на собственной шкуре, что значит быть уязвимыми». Многие лица, в том числе в Европе, формирующие мировое общественное мнение, высказались в том духе, что «главной причиной» терактов стали «политика и действия США в мире» и что эта страна пожинает то, что посеяла.

Многие также полагали, что Соединенные Штаты объявили войну терроризму исключительно в собственных интересах. В Западной Европе 66 % лиц, формирующих общественное мнение, заявили, что США, как им кажется, ищут только своей выгоды. Это неуди-

вительно, если учесть, как мало администрация Джорджа Буша пыталась изменить общий настрой своих союзников либо направить усилия в Афганистане в русло борьбы за мировой порядок.

Однако американцы не считали, что действуют только в своих интересах: 70 % опрошенных выразили убеждение в том, что Соединенные Штаты сражаются также в интересах своих союзников. Эта разница в восприятии обнажила главную проблему провозглашенного принципа «войны с терроризмом». Американцы, внезапно вернувшись к привычному для себя делу «наведения порядка» в мире, полагали, что они снова взяли на себя бремя глобального лидерства, тогда как большинство остальных стран не разделяли эту точку зрения.

Но если не принимать во внимание мировое общественное мнение, то война с терроризмом стала самым большим успехом Буша. После того что произошло 11 сентября 2001-го, ни один серьезный обозреватель не мог вообразить, что в течение семи последующих лет на территории США не будет совершено ни одного террористического акта. Только искренняя приверженность делу борьбы с терроризмом и оправданное нежелание искушать судьбу не позволили администрации Буша приписать себе заслугу за те достижения в области безопасности, которые семь лет тому назад казались почти чудом. К тому же своим успехам в этом деле администрация Джорджа Буша во многом была обязана широкому международному сотрудничеству, особенно с европейскими державами, в части доступа к разведанным, совместной деятельности правоохранительных органов и обеспечения внутренней безопасности.

Несмотря на многочисленные промахи на других направлениях, нужно отдать должное администрации Буша: она сумела защитить американцев от дальнейших вылазок террористов. Ее преемникам очень повезет, если они сумеют повторить данное достижение. В противном случае сравнение с предшественниками будет не в ее пользу.

Проблема не в том, что «война с терроризмом» провалилась в принципе и не достигла поставленных важных целей, а в том, что одной этой концепции недостаточно для того, чтобы положить ее в основу всей внешней политики США.

В нашем эгоцентричном мире каждое государство и народ всегда задаются вопросом: «Какая во всем этом польза для нас?» Неадекватность концепции «войны с терроризмом» проистекает из того факта, что отнюдь не многие государства в мире разделяют точ-

ку зрения Соединенных Штатов относительно того, что терроризм — главный вызов времени. Борьба Америки не расценивалась другими странами как «общее благо», за которое они должны ее благодарить. Напротив, большинство стран полагают, что это они делают США одолжение, отправляя свои войска в Афганистан (либо в Ирак), поскольку зачастую им кажется, что они при этом жертвуют собственными интересами.

Конечно, все внешнеполитические концепции так или иначе ущербны. Концепция сдерживания коммунистических режимов тоже не была идеальной, поскольку в период с 1947 по 1989 год происходило много других важных событий кроме борьбы между коммунизмом и демократическим капитализмом. И все же на почве антикоммунизма другие государства спланивались вокруг Соединенных Штатов, соглашаясь с их лидерством. Что было гораздо важнее, чем имидж США, который далеко не всегда был безупречным. Если война во Вьетнаме не привела к такому же расколу в стане союзников, как война в Ираке, то вовсе не потому, что Америка Линдона Джонсона и Ричарда Никсона пользовалась большим уважением, чем Америка Джорджа Буша. Все дело в том, что действия Соединенных Штатов в те годы отвечали основным чаяниям и стремлениям других народов. Прежде всего США обеспечивали защиту многих стран от Советского Союза, а потому им прощали и авантюру во Вьетнаме, и своеобразную политическую культуру, когда в течение всего семи лет произошли убийства Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди, мятеж афроамериканцев в Уоттсе, побоище в государственном Кентском университете, а также Уотергейт.

Война с терроризмом так и не сплотила мировое сообщество. Китай и Россия охотно поддержали ее, поскольку она не позволяла Соединенным Штатам сосредоточить внимание на массовых нарушениях прав человека в этих двух странах. Кроме того, война с терроризмом им была выгодна, так как для Москвы подразумевалась война с чеченцами, а для Пекина — с уйгурами. Но в глазах большинства традиционных союзников США она в лучшем случае лишь уводила в сторону от более насущных и злободневных проблем.

В Европе война с терроризмом не только отвлекала внимание. Американцы полагают, что европейцы разделяют их озабоченность радикальным исламом, на самом же деле у них другие заботы. Для Америки это внешняя угроза, поскольку она имеет дело со страна-

ми, находящимися на значительном от нее удалении, где радикальные исламские террористы готовятся к своим вылазкам. Соответственно проблема решается также «где-то на расстоянии». Для европейцев исламский радикализм — это прежде всего внутренняя проблема. Их больше всего беспокоит, смогут ли мусульмане с их обычаями и культурой вписаться в европейское общество XXI века, и если да, то каким образом? Европейцы считают, что Америка своими действиями только подливает масла в огонь. Встревоженное американцами осиное гнездо находится слишком близко к Европе, и это не может не беспокоить европейцев.

Словом, война с терроризмом скорее устанавливает барьеры и становится источником противоречий, нежели служит целям объединения. Соединенные Штаты, которые уже в 1990-х годах воспринимались многими как гегемон, использующий методы устрашения по отношению к другим странам, после 11 сентября 2001-го стали восприниматься к тому же еще и как гегемон, поглощенный собственными проблемами и не думающий о последствиях своих действий.

НЕКОМПЕТЕНТНЫЙ ГЕГЕМОН?

Именно с этой точки зрения многие рассматривали решение атаковать Ирак в 2003 году, и в этом также содержится доля иронии. Свержение Саддама Хусейна явилось одним из самых бескорыстных жестов США после 11 сентября, который в большей степени согласовывался с образом активного и ответственного мирового лидера, каковым Соединенные Штаты были до событий 11 сентября, нежели с внешней политикой Джорджа Буша, основанной на узко истолкованных национальных интересах.

Вторжение отчасти имело отношение к войне, объявленной мировому терроризму. Администрацию Билла Клинтона тоже беспокоили связи Саддама с террористами, и именно эти предположения легли в основу оправдания военной акции против Ирака в 1998-м. Сам Клинтон предупреждал, что если Соединенные Штаты не примут меры против Саддама, то мир «столкнется с еще более серьезной угрозой, исходящей от Ирака — государства-изгоя, обладающего оружием массового уничтожения и готового использовать его или передать террористам, торговцам наркотиками либо представителям организованной преступности, которые тайно разъезжают по всему миру».

Значительное снижение порога терпимости к внешним угрозам после 11 сентября 2001 года помогает понять, почему такие реалис-

ты, как Чейни, которые ранее считали, что Саддама можно легко сдерживать безопасными средствами, внезапно изменили мнение. Та же логика вынудила сенатора Хиллари Клинтон и многих других демократов и умеренных республиканцев в Конгрессе проголосовать за применение силы в октябре 2002-го. Затем это решение было со значительным перевесом поддержано в Сенате (77 голосов против 23). По той же причине открытое противодействие войне было тогда весьма редким явлением в Америке. Джо Клайн, публицист еженедельника *Time*, выразил общий настрой накануне военных действий в одном из интервью: «Рано или поздно этого парня надо отстранять от власти... Необходимо послать миру решительный сигнал; если не сделать это сейчас, у других таких саддамов и террористов в разных частях мира будут развязаны руки».

Однако основные логические обоснования вторжения в Ирак были сформулированы еще до войны против террора и до прихода Буша с его реализмом. Они согласовывались с более широким взглядом на интересы США, которые преобладали при Клинтоне и во времена холодной войны. В 1990-х годах Ирак рассматривался многими не как прямая угроза для Соединенных Штатов, а как проблема мирового порядка, за который США несут особую ответственность. Как доказывал в 1998-м тогдашний помощник президента по национальной безопасности Сэнди Бергер, «будущее Ирака во многом предопределяет то, как будут развиваться Ближний Восток и арабский мир в целом в ближайшие десять лет и в последующие годы». Вот почему такие люди, как Ричард Армитадж, Френсис Фукуяма и Роберт Зеллик, в 1998 году поставили свои подписи под письмом, призывавшим к насильственному свержению Саддама. Вот почему, как писал в то время обозреватель *The New York Times* Билл Келлер (сегодня исполнительный директор этого издания), либералы, считавшие, что никогда не примкнут к клубу «ястребов», поддержали эту войну. В частности, на такую позицию встали публицисты газет *The New York Times* и *The Washington Post*, редакторы журналов *The New Yorker*, *The New Republic* и *Slate*, а также обозреватели еженедельников *Time* и *Newsweek* и многие бывшие официальные лица из администрации Клинтона.

Либералы и прогрессисты одобрили войну с Ираком по тем же причинам, что и войну на Балканах, — в качестве необходимой меры, чтобы сохранить либеральный мировой порядок. Они бы предпочли получить санкцию на эту войну в ООН, но понимали, что в

случае с Косово это невозможно. Больше всего их беспокоило то, что, свергнув Саддама, администрация Буша будет затем проводить в Ираке узкореалистическую политику. Как выразился на сей счет сенатор Джо Байден, «некоторые из этих ребят не пожелают заниматься государственным строительством в Ираке». Рональд Асмус, ранее работавший в администрации Клинтона, вопрошал: «Затеваются ли все это ради демонстрации американской силы или ради демократии?» Он считал, что если все это делается ради демократии, то у Соединенных Штатов будет «более широкая поддержка дома и больше друзей за рубежом».

Однако этот широкий консенсус среди американских консерваторов, либералов, прогрессистов и неоконсерваторов не нашел поддержку у остального мира. С точки зрения европейцев, между Косово и Ираком была большая разница. И причиной тому являлось не отсутствие мандата ООН, а место развертывания операции. Европейцы были готовы начать войну без одобрения ООН в непосредственной близости от своих границ, когда речь шла об их собственной безопасности, истории и нравственности. Ирак же для них — это совершенно другой мир. Для таких американских либералов, как, к примеру, обозреватель *The New York Times* Томас Фридман, «цинизм Европы и ее неуверенность, которую она выдает за нравственное превосходство», были «просто невыносимы».

Ирак давно уже слыл яблоком раздора. В 1990-х годах произошел глубокий раскол между выступавшими за сдерживание Ирака путем санкций и военного давления Соединенным Королевством и Соединенными Штатами, с одной стороны, и выступавшими против такого сдерживания Китаем, Францией, Россией и большинством иных государств — с другой. В 2000-м администрация Клинтона опасалась, что политику сдерживания вряд ли удастся продолжать длительное время из-за провала попытки убедить другие страны в ее целесообразности. В 2003 году практически ничего не изменилось. Террористические акты 11 сентября 2001-го не сделали остальной мир менее терпимым к режиму Саддама Хусейна. Напротив, мир стал менее снисходительным по отношению к самим США и проводимой ими политике.

В 2003 году немногие государства были обеспокоены в связи с войной с терроризмом, гуманитарными проблемами в Ираке и не горели желанием стать свидетелями того, как Соединенные Штаты снова возглавят международный «крестовый поход» наподобие вой-

ны в Персидском заливе в 1991-м. Немногие могли поверить в то, что США, особенно в период президентства Джорджа Буша, ни с того ни с сего начали действовать во имя мирового порядка. Напротив, многие считали, что война ведется за нефть, что это — война в интересах Израиля и американского империализма, но только не в интересах безопасности Соединенных Штатов и лучшей части человечества, как считали многие американские сторонники этой войны, представлявшие весь политический спектр в США.

Кто знает, как развивались бы события дальше, если бы материалы для производства оружия массового уничтожения и соответствующие программы были бы все-таки обнаружены? Тем более что даже европейцам и критикам войны в самих Соединенных Штатах казалось, что Ирак действительно ими располагал.

А как бы отреагировал мир, если бы Соединенным Штатам удалось быстро навести относительный порядок в Ираке и добиться стабильного положения в этой стране? Тогдашний государственный секретарь Колин Пауэлл полагал, что, «коль скоро мы добились успеха и победили и люди понимают, что мы пришли, чтобы сделать жизнь иракского народа лучше», нам удастся «довольно быстро» развернуть мировое общественное мнение в нашу сторону.

Как раз этого то и не произошло. После успешного свержения Саддама США продемонстрировали свою некомпетентность в деле наведения порядка и стабилизации положения в постсаддамовском Ираке. Причин этой неудачи предостаточно, в том числе сочетание непродуманных решений и обыкновенного невезения, от чего не застрахована любая война.

Кроме того, причина кроется и в фрагментарности иракского общества. Отчасти проблемы объяснялись тем видением мира, которого многие первые лица в администрации Джорджа Буша придерживались с 1990-х годов и первых дней пребывания у власти. Руководители Пентагона все еще находились в плену концепции «стратегической паузы» и не желали полагаться на сухопутные войска. К тому же, как опасался Байден, у республиканских реалистов осталась аллергия на любые проекты, связанные с государственным строительством.

В результате войск, развернутых и в Афганистане, и в Ираке, было недостаточно для того, чтобы осуществлять эффективное командование и подавлять всплески насилия и неизбежную борьбу за власть между политическими группировками после падения дикта-

торских режимов. Гражданское же общество в этих странах было еще слишком слабым и хрупким, чтобы начать крупномасштабное социально-экономическое возрождение, столь необходимое для решения задачи послевоенного государственного переустройства. В Ираке эти ошибки стали очевидны спустя всего несколько месяцев после вторжения. Чтобы откорректировать свою стратегию, администрации Буша понадобилось долгих четыре года.

В конечном итоге необходимые коррективы были все же внесены; у Ирака сегодня значительно больше шансов на построение стабильного общества, чем два года назад. Но за свое промедление Соединенные Штаты заплатили непомерно высокую цену.

Какой бы урон репутации США ни нанес сам факт вторжения в Ирак, неизмеримо больше репутация пострадала вследствие четырех неудачных лет кряду, включая самые громкие скандалы вроде раскрывшихся злоупотреблений в тюрьме Абу-Грейб. В нашем разобщенном мире хуже гегемона, поглощенного собственными интересами, может быть лишь столь же эгоистичный, но к тому же еще и некомпетентный гегемон.

СИЛА И ИЛЛЮЗИЯ

Будущая администрация имеет все шансы научиться на ошибках нынешней и развить ее успех в деле их исправления. Положение Соединенных Штатов в современном мире совсем не так плохо, как принято утверждать. Прогнозы того, что другие державы объединятся и окажут противодействие несостоявшейся сверхдержаве, не сбылись. Усиление ряда государств не приводит к их объединению против США. Китай и Россию не устраивает масштаб мирового господства Америки, и они заинтересованы в том, чтобы самим оказывать больше влияния на ход мировых событий. При этом они опасаются друг друга не меньше, чем Вашингтона. Другие усиливающиеся державы, в частности Бразилия и Индия, не стремятся противодействовать влиянию Соединенных Штатов.

В действительности, несмотря на негативные результаты опросов общественного мнения, большинство мировых лидеров сближаются с Соединенными Штатами в геополитическом плане. Несколько лет тому назад Франция при Жаке Шираке и Германия при Герхарде Шрёдере заигрывали с Россией, пытаясь тем самым уравновесить влияние США в мире. Но теперь Франция, Германия и другие страны Европы склоняются к принятию иных решений. Не то чтобы они снова воспылали любовью к Соединенным Штатам. Просто более проамери-

канская позиция во внешней политике французского президента Николя Саркози и германского канцлера Ангелы Меркель отражает их мнение, что сближение с Соединенными Штатами, пусть и не во всех областях, только усилит мощь и влияние Европы. Тем временем страны Восточной Европы обеспокоены возрождением мощи России.

Государства Азии и Тихоокеанского бассейна пошли на сближение с Соединенными Штатами в основном из опасений в связи с растущей мощью Китая. В середине 1990-х годов союз США и Японии дал трещину, но начиная с 1997-го стратегические отношения укрепились. Некоторые государства Юго-Восточной Азии также начали страховать на случай возможной агрессии со стороны усиливающегося Китая. (Исключением из этой общей тенденции можно считать Австралию, поскольку ее новое правительство больше тяготеет к Китаю и гораздо меньше – к Соединенным Штатам и другим демократическим державам в этом регионе.)

Наиболее заметный сдвиг произошел в позиции Индии, бывшего союзника Москвы, которая ныне считает хорошие отношения с США чрезвычайно важными для достижения более широких стратегических и экономических целей.

Даже на Ближнем Востоке, где антиамериканские настроения сильнее, чем где-либо, а воспоминания об оккупации Ирака и ужасах тюрьмы Абу-Грейб продолжают воспалять народные массы, стратегический расклад сил скорее в пользу, чем против Соединенных Штатов. Египет, Иордания, Марокко и Саудовская Аравия продолжают тесно сотрудничать с Вашингтоном, равно как и страны Персидского залива, обеспокоенные риторикой и действиями Ирана. Багдад переключился с непримиримого антиамериканизма времен Саддама на зависимость от США, а стабильный Ирак в последующие годы решительно сдвинет стратегическое равновесие в направлении Америки, поскольку располагает огромными запасами нефти и может играть важную роль в регионе.

Эта ситуация выгодно отличается от времен холодной войны, когда на Ближнем Востоке Соединенные Штаты преследовали крупные стратегические неудачи. В 50-х и 60-х годах прошлого века националистическое движение в арабском мире захлестнуло весь регион и открыло двери для беспрецедентного влияния Советского Союза, включая квазиальянс между СССР и Египтом Гамалы Абдель Насера, а также между Советским Союзом и Сирией. В 1979-м с изгнанием проамерикански настроенного шаха в результате иранской револю-

ции под предводительством аятоллы Хомейни рухнул важный столп влияния США в регионе. Это привело к фундаментальному сдвигу в стратегическом равновесии, который до сих пор сказывается на Америке. Война в Ираке к подобным последствиям не привела.

Те, кто сегодня говорит о закате Соединенных Штатов, часто находятся в плену иллюзий, воображая, будто в прошлом весь мир танцевал под американскую дудку. Многие испытывают ностальгию по славной эпохе после окончания Второй мировой войны, когда США доминировали в мире. Они забывают, что, добившись тогда больших успехов в Европе и Японии, Соединенные Штаты потерпели катастрофические неудачи в других частях мира. В ту «славную» эпоху они «сдали» Китай коммунистам, допустили вторжение Северной Кореи в Южную Корею, позволили Советскому Союзу испытать водородную бомбу, допустили вспышки постколониального национализма в Индокитае и т. д.

Каждое из этих событий явилось стратегическим бедствием колоссального масштаба и именно так и воспринималось в то время. Это были катастрофы, которые по-своему повлияли на ход мировой истории во второй половине XX века, причем не в лучшую сторону, и в каждом из этих случаев США оказались не в силах взять их под контроль. Ни одно из событий последнего десятилетия не идет ни в какое сравнение с тогдашними геополитическими провалами, вызванными ослаблением американских позиций.

Китайские стратеги верят, что нынешний расклад сил в мире, скорее всего, сохранится в течение какого-то времени, и они, возможно, правы. До тех пор, пока Соединенные Штаты остаются у руля международной экономики, доминируют в военной сфере и являются главным апостолом самой популярной политической философии; до тех пор, пока американская общественность продолжает выступать за господствующее положение Америки, каковым оно неизменно оставалось в течение шести десятилетий; наконец, до тех пор, пока потенциальные соперники США внушают больше страха, нежели симпатии своим соседям, сложившаяся международная система устоит. В мире по-прежнему будет сохраняться одна сверхдержава при наличии нескольких великих держав.

Еще одна иллюзия состоит в том, что Америка сможет легко вернуть себе мировое лидерство и восстановить то сотрудничество с союзниками, которое было характерно для эпохи холодной войны. Западных союзников больше не объединяет такая угроза, каковой явля-

лось существование Советского Союза, заставлявшее Соединенные Штаты и другие государства сплачивать ряды. Сегодняшний мир больше напоминает XIX столетие, нежели конец XX века. Те, кто считает это хорошей новостью, должны вспомнить, что XIX столетие не окончилось так благополучно, как эпоха холодной войны.

Во избежание новых конфликтов США и другим демократическим странам придется занять более просвещенную и менее эгоистичную позицию в отношении своих национальных интересов, чем даже во времена холодной войны. Соединенные Штаты как самая сильная демократия должны приветствовать объединение суверенитетов и частичный отказ некоторых стран от своего суверенитета вместо того, чтобы противиться этому процессу. Им не следует опасаться укрепления международного права и норм, основанных на либеральных идеях и призванных их защищать, поскольку они от этого только выиграют. В то же время демократиям Азии и Европы нужно еще раз уяснить для себя, что движение к более совершенному либеральному порядку зависит не только от международного права и народной воли, но также и от поддержки могущественных государств.

В нашем эгоистичном мире не все страны могут позволить себе подобного рода информированное благоразумие. Но если какая-то надежда еще и осталась, то это — надежда на переосмысление отдельными государствами важности общих ценностей. США и другие демократические страны разделяют общее стремление к либеральному мировому порядку, построенному на демократических принципах и зиждущемуся на международном праве и договоренностях, какими бы несовершенными они ни были. Этот порядок оказывается под угрозой в связи с усилением влияния и мощи некоторых авторитарных государств, а также вследствие антидемократических выпадов со стороны радикального исламского терроризма против цивилизованного мира. Чем менее очевидна потребность демократий друг в друге, как это было прежде, тем более настойчиво выдвигается на передний план необходимость в том, чтобы эти страны, включая Соединенные Штаты, «были устремлены в будущее».

Азиатская головоломка

«Моя ему понравился, Чжоу!». Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай прощаются с президентом США Ричардом Никсоном. Карикатура из *Daily Mail*, 26 февраля 1972 г.

“ До европейской модели общежития Дальнему Востоку еще очень далеко. А превращение данного региона в центр мировой политики способно только обострить соперничество за лидерство и к тому же повлечет за собой вмешательство внешних сил, у которых будет масса возможностей играть на противоречиях ”

Восточный закат Вашингтона
Джеймс Лэйни, Джейсон Шеплен
122

Прошлое как оружие *Василий Головнин*
138

Южная Корея в поисках баланса
Александр Воронцов, Олег Ревенко
151

Растущий треугольник
Владимир Портяков, Сергей Уянаев
162

Восточный закат Вашингтона

Падение влияния США в Северо-Восточной Азии

Джеймс Лэйни, Джейсон Шеплен

Северо-Восточная Азия вступила в переходный период. После 60 лет доминирования Соединенных Штатов баланс сил в регионе меняется. США переживают относительный упадок, Китай находится на подъеме, а Япония и Южная Корея оказались на распутье. Для Вашингтона ставки очень высоки: в Северо-Восточной Азии находятся три из одиннадцати крупнейших экономик мира и три из четырех самых больших регулярных армий.

В последние полвека для защиты своих интересов в этой части мира Соединенные Штаты полагались почти исключительно на двусторонние союзы. Но они сейчас подвергаются испытанию на прочность и больше не смогут служить достаточно надежным фундаментом политики США. Движущие силы трансформации региона сложны и включают в себя экономическую, оборонную, демографическую и националистическую составляющие. Чтобы укрепить свое влияние, Вашингтон должен признать неизбежность переходного периода, выяснить лежащие в его основе тенденции и определиться с новыми инструментами и режимами, которые позволят Соединенным Штатам быть уверенными в сохранении своего влияния. Учитывая число одновременно задействованных факторов, это будет нелегко. Предстоящие 5–10 лет критически важны. Они определяют расстановку сил на следующие полвека или более.

Джеймс Лэйни – посол США в Южной Корее в 1993–1997 годах, почетный президент Университета Эмори. **Джейсон Шеплен** – политический советник Организации содействия развитию энергетики Корейского полуострова в 1995–1999 годах, директор НПО «Проект “Обновление”». Статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 6 (ноябрь/декабрь) за 2007 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

ТОРГОВЛЯ

Со времен Второй мировой войны США занимали господствующее положение в экономике Северо-Восточной Азии, обеспечивая поддержку своей политики посредством торговли и финансовой помощи. Сегодня, однако, Соединенные Штаты уже не так могущественны и делят пальму первенства с Китайской Народной Республикой.

В 2007 году впервые после Второй мировой объем торговли Китая с Японией, второй по величине экономикой в мире, превзошел объем торговли США с Японией. Точно так же в 2004-м КНР сменила Соединенные Штаты в качестве важнейшего торгового партнера Южной Кореи. В 1991-м, за год до нормализации отношений между Пекином и Сеулом, на Китай приходилось чуть более 1 % южнокорейского экспорта, а на США – 26 %. К 2006 году эти цифры составляли соответственно почти 22 % и чуть более 15 %. Даже если будет ратифицировано заключенное недавно соглашение о свободной торговле между Соединенными Штатами и Южной Кореей, оно не вернет Америке лидирующих позиций.

Снижение экономического влияния США не является следствием уменьшения объемов их торговли с партнерами в Северо-Восточной Азии; эти показатели значительно выросли в абсолютных цифрах. Скорее речь идет о падении оборотов относительно экономического возрождения Китая. С поправкой на паритет покупательной способности доля КНР в мировом ВВП выросла менее чем с 5 % в 1980-м приблизительно до 16 % теперь, и по этому показателю КНР уступает только Соединенным Штатам. Точно так же экспорт Китая взлетел с чуть более 150 млрд долларов в 1996 году почти до 1 трлн в 2006-м, или в 5,5 раза.

Справедливости ради о китайском экономическом росте нужно говорить с определенными оговорками. Пекину необходимо добиваться ежегодного экономического роста на 7 %, чтобы создавать рабочие места для людей, каждый год пополняющих рынок труда. Неспособность поддерживать эти темпы приведет к росту безработицы и, возможно, к внутренним беспорядкам. К усилению Китая в качестве торговой державы также следует относиться сдержанно. Как отмечается в докладе специальной комиссии об американо-китайских отношениях при Совете по международным отношениям, примерно 65 % китайского экспорта в США приходится на сырье, детали и товары, импортируемые КНР из других азиатских стран. Несмотря на эти факторы, экономический рост Китая изменил ба-

ланс сил в Северо-Восточной Азии, что имело как положительные, так и отрицательные последствия. Для Соединенных Штатов подъем Пекина — палка о двух концах. Положительная сторона заключается в том, что объемы американско-китайской торговли выросли с 64 млрд долларов в 1996 году до 343 млрд в 2006-м. В результате торговли с КНР и инвестиций в эту страну с 2001 года ВВП США сейчас на 0,6 % выше, чем был бы в случае их отсутствия. За прошлое десятилетие экспорт Соединенных Штатов в Китай вырос с 12 млрд долларов почти до 55 млрд, что превышает американский экспорт в Аргентину, Францию, Италию, Россию и Испанию, вместе взятые. Действительно, сейчас КНР для США — это четвертый по величине рынок сбыта, который в нынешнем году может обойти Японию и стать третьим. Наконец, Китай стал крупнейшим источником американского импорта. Хотя дефицит торгового баланса (в 2006-м он достиг 233 млрд долларов) серьезно беспокоит Вашингтон, дешевые китайские товары позволяют удерживать цены на уровне, приемлемом для американских потребителей.

К негативным последствиям относится то, что экономический рост Китая значительно ослабил важный рычаг давления США в Северо-Восточной Азии. Это тем более справедливо, если иметь в виду не менее значительный экономический рост Южной Кореи. Вашингтон уже не может полагаться только на игру экономическими мускулами, чтобы заставить Сеул следовать в фарватере своей политики. Помимо того что Южная Корея — одиннадцатая по величине экономика в мире и один из ведущих держателей американских долговых обязательств, сейчас эта страна торгует больше с Китаем, чем с Соединенными Штатами. В результате Южная Корея ныне зависит от Вашингтона меньше, чем когда бы то ни было со времени окончания корейской войны. Этому способствует рост ее оборонноспособности, напрямую связанной с экономическим положением и возможностью покупать вооружение. В свою очередь, это увеличило для Сеула число геополитических альтернатив. В последние годы южнокорейское правительство демонстрировало эту свежобретенную силу, настойчиво возражая против жесткого подхода к Северной Корее, за который выступала администрация Джорджа Буша.

Еще одним потенциальным минусом для США является то, что львиная доля возросших объемов внешних долговых обязательств Соединенных Штатов приходится на Китай, Японию и Южную Корею. На март 2007 года Япония и Китай (исключая Гонконг) зани-

мали соответственно первое и второе места среди крупнейших иностранных держателей американского долга: на них приходилось 47 % общей суммы в 2,2 трлн долларов. В последнее время КНР особенно преуспела в этом отношении, увеличив в течение финансового года, завершившегося 31 марта 2007-го, свою долю почти на 100 млрд долларов. Это чревато далеко идущими последствиями. Если Китай просто перестанет покупать гособлигации Министерства финансов США в тех количествах, как он это делает сегодня, может нанести ущерб американской экономике. Данный факт означает, что у Пекина есть рычаг давления на Соединенные Штаты, которым он может воспользоваться, вероятно, в том, что касается Тайваня.

Наконец, новые экономические тенденции в Северо-Восточной Азии оказали влияние на Токио. После окончания Второй мировой войны Япония, чтобы обеспечить собственную безопасность в отсутствие мощной армии, положила на экономическую мощь. Но подъем Китая в последние годы ослабил позиции Токио в экономике Северо-Восточной Азии по сравнению с 1970–1980 годами. Более того, с 1997-го по большей части из-за экономических проблем Токио снизил на 35 % объемы оказываемой им финансовой помощи, основная часть которой приходится на Азию. Будучи не в состоянии использовать экономические рычаги столь же эффективно, сколь и в прошлом, Япония обращается к новой форме национализма как способу обеспечения интересов безопасности. Последствия, к которым это может привести, непредсказуемы.

Надо отметить, что изменение экономического пейзажа в Северо-Восточной Азии имеет и очевидные положительные моменты. Наиболее важным является то, что растущая экономическая интеграция Китая, Японии и Южной Кореи снижает вероятность конфронтации между ними по одной простой причине: у всех сторон слишком много поставлено на кон в экономике, чтобы рисковать, подвергая сомнению статус-кво. Это справедливо и для отношений Соединенных Штатов с Северо-Восточной Азией: на регион сейчас приходится 25 % мировой торговли и 24 % торговли США, что является одним из основных факторов стабильности.

РЕВОЛЮЦИЯ В ВОЕННЫХ ВОПРОСАХ

Новая экономическая динамика в Северо-Восточной Азии лишь одно из обстоятельств, изменяющих баланс сил в регионе. Ключевой составляющей, которая определяет перегруппировку сил в Японии,

Южной Кореи и Китае, являются также быстрые перемены в военной сфере.

Американо-японские отношения по-прежнему остаются самым важным альянсом в Северо-Восточной Азии и должны по-прежнему лежать в основе присутствия Соединенных Штатов в этом регионе. Тем не менее Япония осуществляет фундаментальную переоценку своего видения проблем безопасности и занимает более агрессивную позицию перед лицом роста экономического и военного могущества Китая, а также возможного воссоединения Северной и Южной Кореи. Кроме того, она осознаёт, что, будучи второй экономикой в мире, должна более активно участвовать в обеспечении международной безопасности, особенно если хочет занять постоянное место в Совете Безопасности ООН.

Самым разрекламированным изменением, связанным с безопасностью Японии, стало сокращение численности войск США, размещенных в стране. Вашингтон и Токио согласились на то, чтобы 8 тыс. американских морских пехотинцев, находящихся на Окинаве, были перемещены на Гуам. Таким образом, в Японии осталось всего 40–42 тыс. американских солдат.

Эти перемены, хотя и важные для японцев в эмоциональном плане, вряд ли повлияют на боеспособность американских сил в Тихом океане. Развитие военных технологий позволяет Соединенным Штатам добиться большего силами меньшей численности, расположенными дальше от поля сражения. В 2008 году США впервые разместят в Японии атомный авианосец, тем самым по-новому обозначив там свое присутствие. Совместные американо-японские военные учения еще более усилили интеграцию и способность к взаимодействию обеих армий, то есть именно то, чего им явно недоставало в прошлом. Наконец, хотя Силы самообороны Японии относительно невелики и насчитывают 240 тыс. человек, ее военный бюджет – 44 млрд долларов – пятый в мире. Японские Силы самообороны хорошо оснащены: 1 000 танков, морской флот и авиация, на вооружение которой должны поступить самолеты-заправщики, что расширит область действия Токио далеко за пределы самообороны.

В вопросах безопасности Японии более глубокие изменения произошли в сфере политической и институциональной реформы. Связанная пацифистской Конституцией, написанной под диктовку Вашингтона, Япония была в период холодной войны сторонним

наблюдателем, передала вопросы своей безопасности в руки США и сконцентрировалась на собственном экономическом развитии.

Как отмечает историк Кеннет Пайл в своей книге «Восход Японии», в тот период Токио принял на себя восемь обязательств, связанных с безопасностью страны. Власти обязались не размещать японские войска в других государствах, не принимать участия в договорах о коллективной безопасности, не заниматься развитием ракетной техники, не создавать ядерное оружие, не экспортировать вооружение, не передавать третьим странам военные технологии, не тратить более 1 % ВВП на оборону и не использовать космос в военных целях.

В наше время, отмечает Пайл, Токио отходит или полностью отказывается от установленных для него ограничений. Япония поставляет топливо военным судам сил коалиции, действующей в Афганистане. А в мае 2007 года парламент принял законопроект, призывающий к проведению не ранее 2010-го общенационального референдума, на котором будет поставлен вопрос о поправках к статье 9 Конституции, отвергающей войну, запрещающей угрозу силой либо использование силы в урегулировании международных конфликтов и не позволяющей Токио формально иметь собственные вооруженные силы. Кроме того, правительство пытается так трактовать Конституцию, чтобы позволить Японии участвовать в договоре о коллективной безопасности с Соединенными Штатами, который теоретически мог бы обеспечить ей поддержку США в конфликте с Китаем по поводу Тайваня.

Япония работает над повышением своей обороноспособности: в 2007 году она уже обращалась к Соединенным Штатам с просьбой о покупке 50 истребителей-бомбардировщиков *F-22*, купила самолеты-дозаправщики и в августе 2007-го спустила на воду авианосец «Хьюга». Ее решение присоединиться к США в развитии системы противоракетной обороны в регионе входит в противоречие с предыдущими обязательствами, касающимися отказа от экспорта оружия и передачи военных технологий. А в 2006 году правящая Либерально-демократическая партия проголосовала за то, чтобы разрешить Японии использовать космос в военных целях. Наконец, в 2007-м Токио формально придал Управлению национальной обороны Японии статус министерства. Значение этого шага не осталось незамеченным обозревателями: в вопросах безопасности Токио выходит из скорлупы.

Даже два еще остающихся ограничения военной мощи Японии – не более 1 % ВВП на оборону и запрет на разработку ядерного оружия – могут быть ликвидированы в любой момент. Токио удается оставаться в пределах заявленных оборонных расходов только благодаря расширительной трактовке соответствующих статей бюджета. И хотя у Японии нет планов создания ядерного оружия, они вполне могут появиться. Ухудшение ситуации в Северной Корее даст Токио основание вступить в клуб ядерных держав, и этот шаг может быть направлен против Китая в не меньшей степени, чем против угроз с Корейского полуострова.

Как и Япония, Южная Корея переживает фундаментальное переосмысление отношений с Соединенными Штатами в области безопасности – и эта трансформация происходит на фоне нарастающей напряженности между обеими странами по северокорейскому вопросу. Так же, как в Японии, Вашингтон уменьшил свое военное присутствие в Южной Корее. По сегодняшним оценкам, численность американских войск здесь сократится с 39 тыс. человек в 1990-х годах до 25 тыс. военнослужащих к концу 2008-го. Процесс идет полным ходом, и большая часть воинского контингента уже выведена из демилитаризованной зоны.

Южная Корея и США пришли также к соглашению о том, чтобы штаб-квартира американских войск была переведена из Сеула на базы к югу от реки Хань, освободив бесценную недвижимость в центре столицы, стоимость которой в последние двадцать лет растет как на дрожжах. Когда передислокация завершится, все 59 американских военных объектов, занимающих площадь свыше 15 тыс. гектаров (2/3 земли, переданной американской армии согласно действующему договору), будут возвращены Южной Корее.

Еще более важно совместное решение о роспуске к апрелю 2012 года командования объединенных сил, результатом чего станет передача Сеулу оперативного контроля над южнокорейскими войсками в случае войны. Предполагается, что эти шаги помогут обуздать усиливающиеся антиамериканские настроения в Южной Корее, особенно ощутимые в последние годы.

Несмотря на эти значительные изменения, происходящие впервые после окончания корейской войны, возможность Вашингтона оказывать влияние на военный потенциал полуострова вряд ли уменьшится. Технологические прорывы и способность к взаимодействию позволят Соединенным Штатам и Южной Корее противоре-

ять атаке Северной Кореи силами численно меньшего американского воинского контингента, дислоцированного дальше от демилитаризованной зоны. Помимо этого Южная Корея имеет хорошо обученную, дисциплинированную и оснащенную по последнему слову техники армию, насчитывающую 700 тыс. человек. А южнокорейское Министерство национальной обороны попросило о среднем ежегодном росте расходов на оборону на 11 % до 2015-го и на 9 % в 2015–2020 годах.

Хотя в Японии и Южной Корее происходят важные изменения, основное воздействие на модернизацию структуры безопасности региона оказывает рост военной мощи Китая. Пекин коренным образом реформирует свои вооруженные силы, отказываясь от тактики массированных действий на изматывание противника в пользу более современных, пусть и численно меньших сил, адаптированных к более коротким войнам высокой интенсивности. С этой целью численность личного состава армии сокращена с 4,2 млн человек в 1987 году до 2,3 млн военнослужащих в наши дни, хотя и эта цифра более чем вдвое превосходит количество всех японских, южнокорейских и американских солдат в регионе.

Китайская армия тоже модернизирует оснащение, в основном подразумевая потенциальный конфликт с Тайванем, но, возможно, руководствуясь более далеко идущими планами. Хотя собственный океанский флот, по сути, еще не создан, Китай уже имеет в своем распоряжении 72 эсминца и сторожевых корабля, 50 среднетяжелых и тяжелых катеров-амфибий, 41 единицу судов береговой охраны, пять атомных подлодок и 53 дизельные субмарины, многие из которых считаются самыми бесшумными в мире. (В октябре 2006-го построенная в КНР дизельная подлодка засекла боевую группу ВМФ США в Тихом океане, оставаясь незамеченной, пока не всплыла на поверхность в радиусе обстрела американского авианосца «*Kitty Hawk*».)

В китайской авиации также продолжается модернизация. Воздушную флотилию пополнили истребители-бомбардировщики Су-30 (они закуплены в России и являются усовершенствованной версией Су-27, которые создаются в рамках договора с Москвой о совместном производстве), а также первый собственный истребитель – произведенный в Китае самолет *F-10* четвертого поколения. Китайские ВВС обладают также самолетами-дозаправщиками, способными расширить радиус действия авиации далеко за пределы региона.

Наиболее существенные изменения военного потенциала КНР связаны с ее ракетными войсками. На вооружении китайской армии состоят примерно 1 000 ракет средней и меньшей дальности и от 36 до 44 межконтинентальных баллистических ракет. Ракетный арсенал, расширяющийся ежегодно более чем на 100 единиц, в основном нацелен против Тайваня, но может быть применен и против Японии. Более того, использование Пекином в январе 2007-го противоспутниковой ракеты для уничтожения старого метеоспутника возвестило о вступлении Китая в эпоху «звездных войн» и о его потенциальных возможностях сбивать спутники, имеющие ключевое значение для военных операций Соединенных Штатов в Азии.

Военная модернизация обошлась Китаю недешево. Пекин сообщил, что в 2007 году на оборонные нужды было направлено 45 млрд долларов, что почти на 18 % больше, чем в предыдущем, и уже 19 раз подряд приводит к двузначной цифре процентного увеличения оборонного бюджета. По оценкам Разведывательного управления Министерства обороны США, реальные расходы Китая на военные нужды могут достигать почти 125 млрд долларов, что почти в три раза выше официальных данных.

Рост военной мощи Китая вкупе с происходящими в Японии и Южной Корее изменениями представляет собой серьезный вызов для Вашингтона. Хотя Соединенные Штаты сохраняют доминирующее положение в военной сфере в Северо-Восточной Азии (Китай пока далеко позади), они, очевидно, уже не единственный игрок на этом поле. Китай сейчас может повлиять на действия США в Тайваньском проливе, на что он не был способен еще в 1996-м. Тогда, несмотря на протесты Пекина, Соединенные Штаты отправили два авианосца к побережью Тайваня после того, как Китай провел серию ракетных испытаний в водах в радиусе 35 миль от двух основных тайваньских портов. Сегодня такого рода американская реакция будет более проблематичной и, скорее всего, вряд ли последует.

С другой стороны, нынешняя ситуация в сфере обороноспособности Северо-Восточной Азии открывает возможности для сотрудничества. Американо-японский союз более прочен, чем в предыдущие годы, отчасти потому, что Япония, столкнувшись с военной модернизацией Китая, в качестве контрмеры пытается укрепить военное взаимодействие с США. Военное сотрудничество Соединенных Штатов и Южной Кореи вышло на более высокий уровень, хотя и на других условиях. Сеул понимает необходимость американ-

ского военного присутствия в регионе — и не только на случай конфронтации с Северной Кореей, но и в качестве барьера на пути роста Китая. И формирующиеся сейчас новые предпосылки американо-японских и американо-южнокорейских отношений вряд ли изменятся в несколько ближайших десятилетий.

В любом случае Вашингтон должен обозначить свое намерение сохранить военное присутствие в регионе. Его сокращение может создать иллюзию, что США — раненый зверь, настолько повязанный другими своими международными обязательствами, что не может уделить должное внимание Тихоокеанскому региону. Американское военное руководство в регионе настойчиво заявляет об этом всем, кто готов к этому прислушаться.

РАСТУЩИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Экономические и оборонные проблемы — не единственные факторы, которые влияют на баланс сил в Северо-Восточной Азии. К ним относятся и демографические изменения, и растущий национализм.

Демографические изменения наиболее ярко выражены в Японии. Население этой страны достигло в прошлом году 128 миллионов. Как ожидается, в 2050-м численность мужского населения Японии сократится с нынешних 62 млн человек приблизительно до 47 миллионов. Причем к тому времени менее 10 млн японских мужчин будут в возрасте от 20 до 40 лет. Если Япония не начнет призыв на военную службу, ей будет сложно сохранить даже нынешнюю численность вооруженных сил, и так уже уступающую всем ведущим государствам Северо-Восточной Азии. И даже покупка дорогостоящей военной техники не остановит падение роли Токио в регионе. К тому же, поскольку японцы стареют (число жителей 65 лет и старше, как ожидается, с 21 % в наши дни вырастет до 36 % в 2050 году), стране придется тратить значительные средства на пенсионеров. Такого рода сосредоточение на внутренних проблемах может помешать реализации амбиций Японии во внешней политике, в том числе региональной.

В Южной Корее политический ландшафт меняется под воздействием молодого поколения. 83 % южнокорейцев родились после окончания корейской войны, и 50 % из них младше тридцати лет. И если старшее поколение помнит роль Соединенных Штатов в корейской войне, то тридцатилетние и младше — нет. Они рассматривают США не только как друга, но и как соперника, а в Северной Корее видят скорее родственника, чем врага.

В Китае происходят демографические изменения другого рода. Его население, уже достигшее сегодня 1,32 млрд человек, вряд ли резко вырастет до 2030-го, а это означает, что темпы роста китайской экономики должны соответствовать темпам роста населения. В отсутствие кризиса Пекин вряд ли будет действовать с позиции силы во внешней политике, пока не убедится в том, что внутри страны всё в порядке. Осознание этого в Китае может совпасть с теми демографическими тенденциями в Японии, которые заставляют страну акцентировать внимание на внутренних делах, и для Северо-Восточной Азии это обещает стать сложным периодом.

Демографические изменения, влияющие на основных игроков в регионе, сопровождаются ростом трех форм национализма. Первая форма, антиамериканизм, превалирует в Китае. Согласно опросу исследовательского центра *Pew*, данные которого были опубликованы в июне 2006 года, только 34 % опрошенных китайцев заявили о позитивном отношении к Соединенным Штатам. Количество японцев, положительно относящихся к США, выше, но оно снижается: 61 % по сравнению с 77 % в 2000-м. Число жителей Южной Кореи, положительно настроенных по отношению к Америке, составило, согласно опросу Би-би-си в январе 2007 года, 35 %. Хотя в июне, по данным центра *Pew*, оно достигало 58 %, что стало результатом успеха американо-южнокорейских торговых переговоров и сглаживания противоречий между обеими странами относительно Северной Кореи.

Второй и еще более беспокоящей формой национализма является взаимная неприязнь основных игроков региона. Согласно опросу центра *Pew* (2006), около 70 % японцев негативно относились к Китаю и считали его способным на агрессию, а 90 % опрошенных считали растущую военную мощь КНР отрицательным фактором. Со своей стороны около 70 % китайских респондентов относились к Японии негативно и считали ее националистически настроенной.

Впрочем, есть и хорошие новости. Только 33 % китайских и японских респондентов рассматривали свои страны в качестве противников, и обе группы относились к южным корейцам лучше, чем друг к другу: 64 % китайцев и 56 % японцев имели положительное впечатление о своем соседе.

Третья форма национализма имеет более традиционный характер. Китай, Япония и Южная Корея гордятся своей долгой историей. И по мере роста собственной мощи они требуют уважения, соответствующего их статусу.

В Южной Корее проявлением этой формы национализма стало решение заниматься северокорейским вопросом, не обращая внимания на противодействие США и Японии, — решение, частично продиктованное глубоким чувством национальной общности, объединяющей южных корейцев и их северных собратьев.

В Японии проявлениями национализма стали отказ бывшего премьер-министра Синдзо Абэ полностью признать участие японской армии в принуждении женщин к занятию проституцией во время Второй мировой войны и недавнее решение Токио переписать учебники истории, дабы затушевать роль Японии в войне. Премьер Абэ вряд ли будет настроен настолько откровенно националистически, но национализм останется важным фактором, определяющим внешнюю и внутреннюю политику Токио.

В Китае национализм в первую очередь проявляется в решимости не дать Тайваню обрести независимость и готовности к войне из-за этого вопроса. Китайский национализм ярко проявился в 2005-м, когда Пекин решительно воспротивился попыткам Токио получить постоянное членство в Совете Безопасности ООН, что лишило бы Китай с гордостью оберегаемого им статуса единственной азиатской страны в этом органе.

СИЛОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

После Второй мировой войны политика США в Северо-Восточной Азии основывалась в первую очередь на двусторонних союзах, особенно с Японией и Южной Кореей. Этот подход рассматривался как более интуитивный, чем рациональный до тех пор, пока в недалеком прошлом его не поддержал Китай. Он полагался на Вашингтон в том, чтобы сдерживать амбиции Японии, обеспечивая собственную безопасность и рассматривая США в качестве фактора сохранения стабильности на Корейском полуострове.

Но в наше время Китай уже не хочет, чтобы только Соединенные Штаты несли ответственность за региональную стабильность, и работает над противодействием американским союзам. Пекин перешел в наступление на дипломатическом фронте с целью создания в регионе системы собственных двусторонних связей. В последние два десятилетия он установил дипломатические отношения с такими давними американскими союзниками, как Сингапур и Южная Корея, восстановил отношения с Индонезией и укрепил их с Индией, Россией и Вьетнамом. Он начинает улучшать отношения так-

же и с Японией. Хотя между этими двумя странами сохраняются трения, государственные визиты на взаимной основе в 2006 году помогли их сгладить.

Китай активно действует также и в сфере многосторонних договоров. Поборов недоверие к международным организациям (возникшее частично из опасения оказаться там в меньшинстве), КНР участвует в них ныне активнее, чем Вашингтон. Китай является членом АСЕАН+1 (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии и Китай), АСЕАН+3 (АСЕАН и Китай, Япония, Южная Корея), Регионального форума АСЕАН, форума Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Шанхайской организации сотрудничества и Восточно-Азиатского саммита. Пекин работает и над заключением договоров о свободной торговле в Азии, которые призваны дополнить его двусторонние и многосторонние отношения. Наряду с договором о свободной торговле с АСЕАН Китай имеет такое же соглашение с Таиландом и ведет переговоры или разрабатывает экономическое обоснование торговых договоров с Австралией и Индией, а также предложил создать зону свободной торговли АСЕАН+3.

В ответ на изменение равновесия сил в Северо-Восточной Азии США нужна внятная, четкая и последовательная политика по отношению к экономической, оборонной, демографической и националистической составляющим, лежащим в основе этого процесса. Вашингтону одновременно необходимо принять во внимание дипломатические инициативы КНР. В распоряжении Соединенных Штатов имеется целый ряд инструментов, позволяющих добиться данной цели, включая двусторонние союзы, многосторонние организации и договоры о свободной торговле. Но они не используются в той степени, в какой следовало бы. Этому набору инструментов недостает ключевых элементов, в первую очередь касающихся вопросов безопасности и инициатив, связанных с «мягкой силой». Вашингтон должен немедленно заполнить пробелы и использовать все имеющиеся в его распоряжении инструменты в различных сочетаниях, не отдавая предпочтения ни двусторонним отношениям в ущерб многосторонним, как это было в прошлом, ни многосторонним отношениям в ущерб двусторонним.

Например, США стоит активнее использовать региональные форумы АСЕАН и АТЭС и заключать больше двусторонних и многосторонних соглашений о свободе торговли, особенно с Индией и

АСЕАН. Америка тоже должна стать участником Восточно-Азиатского саммита, хотя сфера ответственности этой группы частично пересекается со сферой ответственности более широкой и в то же время более громоздкой организации АТЭС, а также добиваться статуса наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества.

Более того, Соединенным Штатам следует чаще использовать вооруженные силы для решения гуманитарных задач, как это было в 2005-м. Тогда в опустошенную цунами Индонезию была направлена гуманитарная миссия на атомоходе ВМФ США «*Mercy*». Команда «*Mercy*», который имеет 12 операционных и 1 000 койко-мест, оказала медицинскую помощь почти 10 тыс. пациентов и выполнила около 20 тыс. медицинских процедур. Миссия доброй воли получила широкий резонанс, который можно оценить количественно: по данным исследовательского центра *Pew*, в 2003 году только 15 % опрошенных индонезийцев положительно высказывались о Соединенных Штатах, но в 2005-м, после визита атомохода «*Mercy*», цифра подскочила до 38 %.

Вашингтон мудро взял на вооружение этот подход в 2006 году, направив тот же атомоход в Южную и Юго-Восточную Азию. В течение пяти месяцев его команда оказала помощь почти 200 тыс. пациентов, провела свыше 1 000 операций и обучила более 6 тыс. местных врачей. Группа американских судостроителей осуществила ремонт медицинских центров, школ и других объектов на побережье. Такого рода инициативы могут помочь побороть антиамериканские настроения, особенно после того, как война в Ираке оставила во многих странах впечатление, что США неадекватно используют военную мощь.

Наряду с более полным использованием тех средств, которые уже имеются в их арсенале, Соединенные Штаты должны как можно быстрее обрести недостающие, особенно в области безопасности. К примеру, срочно требуется создание режима безопасности для Северо-Восточной Азии. Недавнее шестистороннее соглашение о ядерном оружии, подписанное и Северной Кореей, могло бы стать катализатором создания давно назревшего совещания по безопасности в Северо-Восточной Азии, в котором первоначально были бы представлены страны-участницы соглашения: Китай, Япония, Северная Корея, Россия, Южная Корея и США. Чтобы Пхеньян не мог использовать свое участие в этом совещании в целях шантажа и в то же время чтобы обеспечить его присутствие, форум следует

организовать в формате 5+1, при котором КНДР будет официальным наблюдателем. Этот статус позволит Северной Корее принимать участие в заседаниях, если у нее будет такое желание, и не мешать группе собираться в случае его отсутствия.

Помимо шестисторонних переговоров по более узким темам вроде ядерной программы Северной Кореи, форум должен рассматривать и такие вопросы, как контроль за наращиванием вооружений, урегулирование кризисов, предотвращение и разрешение конфликтов. Впоследствии группа могла бы стать действенным механизмом устранения противоречий между Китаем, Японией и Южной Кореей. Для Вашингтона такой форум позволил бы также утвердить лидерство США способом, который невозможен в организациях с более широким представительством, таких, к примеру, как региональный форум АСЕАН.

Еще одним важным инструментом, которым Соединенные Штаты должны пополнить свой арсенал, являются отношения в сфере безопасности с Китаем. Двустороннее соглашение потребовало бы установления четкого равновесия сил. С одной стороны, нельзя позволить Китаю до такой степени ознакомиться с американской военной мощью, чтобы он мог сравнивать ее с собственной. С другой — важно выстроить прочные отношения военных обеих стран, особенно на уровне офицеров среднего звена. До 2006-го США и КНР ни разу не проводили совместных военных учений, хотя Китай участвовал в маневрах по крайней мере с десятью другими государствами, включая Индию. (В мае 2007 года Пекин дал Дели согласие на периодическое проведение совместных учений — частично из-за обеспокоенности тем, что Соединенные Штаты попытаются сдержать Китай, укрепив свои позиции в Индии.) Следуя этим курсом, Вашингтон должен внимательно наблюдать за крепнущими военными контактами Китая с другими государствами и принимать активные меры по упрочению собственных связей такого рода с Пекином.

УСКОРИТЬ ТЕМПЫ

Сегодня в Северо-Восточной Азии намечается опасная тенденция. Три сильных националистически настроенных государства, имеющие давнюю историю вражды друг с другом, одновременно выходят из спячки и не стесняются в средствах, ведя борьбу за свои интересы. В последние полвека Соединенные Штаты предполагали,

что их двусторонние связи с Японией и Южной Кореей были определяющими отношениями, на которых следовало построить всю конструкцию их политики в Северо-Восточной Азии. Отчасти поэтому Америка исходила из того, что эти связи будут определять и повестку дня отношений с Китаем.

Оба предположения уже устарели, хотя США продолжают оказывать огромное влияние на регион. Связи с Японией и Южной Кореей необходимо сохранять и где возможно усиливать, но сами по себе они уже не будут служить достаточно прочным фундаментом мощи Соединенных Штатов в Северо-Восточной Азии. Китай уже добился того, что способен беспрепятственно выбирать собственный курс.

Сохранение стабильности в регионе имеет ключевое значение. Если происходящие сейчас изменения выйдут из-под контроля, это создаст угрозу стратегическим интересам США. По мере разработки новой стратегии для Северо-Восточной Азии Соединенным Штатам придется искать общие интересы с ключевыми игроками региона. Чтобы усилить свое влияние, американцы должны воплотить в жизнь множество инициатив, включая двусторонние союзы, многосторонние форумы, соглашения о свободной торговле и проекты с использованием «мягкой силы», подчеркивающие добрую волю инициатора. Все эти инструменты следует использовать в различных комбинациях, в зависимости от цены вопроса и с учетом заинтересованных сторон.

В этом отношении Вашингтон стоит на распутье и отстает от Китая. Если США не примут срочных мер, их влияние в Северо-Восточной Азии резко ослабнет, и произойдет это именно в тот момент, когда регион выходит на авансцену мировой политики.

Прошлое как оружие

Клубок претензий на Дальнем Востоке

Василий Головнин

Восток Азии неуклонно наращивает свой вес в мире, хотя его политический голос явно не соответствует колоссальной экономической мощи. Общим местом стали рассуждения о том, что именно в этот регион во многом будет смещаться баланс мирового влияния в XXI веке. Однако помимо обширных возможностей для роста и развития там присутствует и другой богатейший потенциал — межгосударственные конфликты, самые древние из которых уходят корнями еще в период до начала новой эры.

ТОВАРООБОРОТ РАСТЕТ, ПРЕТЕНЗИИ ОСТАЮТСЯ
Описание взаимоотношений в Азии стоит начать с напоминания о том, что Китай — единственный из немногих подлинно самобытных очагов мировой цивилизации, который сумел не только выжить в политическом отношении, но и вновь, спустя тысячелетия, завоевал положение одного из лидеров планеты.

Без сомнения, окружающие его «коренные» страны региона имеют свою ярко выраженную и уже достаточно оригинальную культуру, которая зиждется, однако, на китайских образцах. К России, конечно, это не относится: она до сих пор в чем-то остается чужаком, пришельцем на Дальнем Востоке и отнюдь не всегда вписывается в региональные конструкции. Зато ее не миновали общие беды этой части света: за свое относительно недолгое присутствие к востоку от Байкала Россия создала себе немало проблем с соседями, хотя острота их, понятное дело, далеко не одинакова.

Запутанные хронические конфликты издавна существуют и в зонах соприкосновения других наиболее развитых государств. Однако в

В.И. Головнин — руководитель бюро ИТАР — ТАСС в Токио.

Европейском союзе они почти погашены и потеряли остроту — за малыми и явно исчезающими исключениями. (Правда, «заискрило» на стыке евро-атлантической и евро-азиатской сфер — в основном вследствие возвращения на геополитическую арену России.) На севере Америки исторические обиды тоже присутствуют, но ситуация там не идет ни в какое сравнение с обстановкой на Дальнем Востоке, где взаимные претензии имеют болезненный характер, зачастую активно поддерживаются властями и постоянно становятся фактором острой дипломатической борьбы.

Дело, конечно, не в чрезмерной эмоциональности обитателей Дальнего Востока. Просто ситуация там не устоялась, а баланс сил еще способен коренным образом измениться, что дает надежду на тактические либо стратегические приобретения. Исторические обиды в этих условиях — надежное средство сплотить население вокруг курса властей, поставить соседа на место или даже кое-что у него отнять.

Очевидно, что никакой «войны всех против всех» в регионе нет: лидеры Китая, Южной Кореи и Японии более-менее регулярно проводят трехсторонние встречи, растут тенденции к экономической интеграции (пока без участия России), которую подхлестывают огромные объемы торговых и инвестиционных связей. Совокупный объем торговли в треугольнике Китай — Южная Корея — Япония достиг в 2007 году 478 млрд долларов. Товарооборот России с этими странами тоже стремительно возрастает (на десятки процентов каждые двенадцать месяцев), однако в минувшем году он составил лишь 84,5 млрд долларов.

Пекин, Сеул и Токио уже начали проводить пока еще вялые консультации о создании в перспективе зоны свободной торговли. Однако разговор идет ни шатко ни валко: и дело тут не только в крайней сложности задачи, но и в постоянно вспыхивающих эмоциональных конфликтах, большинство которых, опять же, уходит корнями в историю.

КТО БОЛЬШЕ ОТРУБИЛ ГОЛОВ?

Главный и самый шумный из таких конфликтов связан с японскими колониальными и военными захватами на азиатском континенте в XIX—XX веках. Токио начал их в 1894—1895 годах, разгромив императорский Китай: тогда армия микадо, кстати впервые, взяла штурмом Порт-Артур, устроив резню его защитников. После поражения слабеющий пекинский владыка уплатил контрибуцию, отказался от прав сюзерена в Корее и отдал победителю остров Тайвань. Попутно японцы прибрали еще несколько прилегавших к нему островков,

включая группу Сенкаку (по-китайски — Дяоюйдао). Все это положило начало длинному списку унижений и страданий, которые Китай испытывал полвека по милости своего островного соседа.

Все последующие годы Япония настойчиво продвигалась в Китай, который, казалось, разваливался на бесхозные куски. После победы в Русско-японской войне 1904–1905 годов под контроль Токио перешла часть Маньчжурии, по окончании Первой мировой войны японцы получили германские владения в Циньдао. В 1931-м Япония завершила оккупацию всей Маньчжурии и создала там под своим контролем «Великую Маньчжурскую империю» — Маньчжоу-го. В 1937 году началось полномасштабное японское вторжение в Китай с целью создания «большого Маньчжоу-го» — гигантского протектората, который полностью бы подчинялся Токио.

Во время вторжения и в ходе Второй мировой войны Япония, в отличие от союзной ей гитлеровской Германии, не ставила себе целью осуществление программы геноцида, но жестокости совершались чудовищные. Известен, например, случай, когда в 1937-м японские офицеры заключили пари, кто быстрее самурайским мечом отрубит головы 100 пленным китайцам. Символом зверств стала резня в Нанкине в декабре 1937 — январе 1938 года: китайцы уверяют, что там было убито 300–400 тыс. человек, в основном холодным оружием. Также имеются сведения о 20 тыс. изнасилованных женщинах. По свидетельству Пекина, всего до 1945-го в результате японской агрессии в Китае погибло 35 млн человек.

Завоевание Кореи долго вынашивалось Японией. Еще в XVI столетии самурайская армия почти выполнила эту задачу, однако была вытеснена в результате вмешательства китайских войск. Творцы японской модернизации по западному образцу во второй половине XIX века открыто рассуждали о необходимости покорить расположенный поблизости полуостров. Аргументов приводилось много, в том числе и опасность иностранного, в первую очередь российского, вторжения через Корею. Действительно, оттуда даже столетие назад можно было относительно легко перебросить войска в Японию через неширокий Цусимский пролив. Одна из причин Русско-японской войны (1904–1905) заключалась именно в том, что Токио видел в проникновении России на Корейский полуостров попытку создания плацдарма для нападения на Японию.

После поражения Санкт-Петербурга Токио тут же установил протекторат над Кореей, а в 1910 году подписал с марионеточным прави-

тельством договор об аннексии, по которому корейский император уступил Японии все свои права. Корея стала генерал-губернаторством, где началась активная политика японизации: поощрялось преподавание на японском языке, практиковался отказ от корейских имен в пользу японских, искоренялась национальная культура. Об этом периоде корейцы вспоминают с содроганием и ненавистью, а активных пособников колонизаторов преследуют до сих пор.

О ШИБКА ИЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

Жители Корейского полуострова превратились в подданных островной империи: их призывали в армию, принудительно вывозили в Японию и на принадлежавшую ей южную часть острова Сахалин, где корейцы выполняли тяжелые, полурабские работы — прежде всего на шахтах. При этом японцы никогда не считали корейцев «своими». Неоднократно вспыхивавшие восстания и партизанские выступления в Корее жестоко подавлялись. В 1923-м, когда Токио был практически уничтожен мощным землетрясением, всеобщее смятение и паника дали неожиданный результат: начались массовые погромы «грязных корейцев», которых обвиняли в мародерстве, в отравлении колодезцев и вообще в том, что они «слишком радовались» японским бедам. Возбужденные толпы японцев забили сотни, а то и тысячи новых подданных империи.

Словом, первый, самый заметный круг претензий китайцев и корейцев ясен: островитяне, воспользовавшись в совсем недавней истории временным ослаблением соседей, захватывали их территории, убивали людей и т. п. Китайцы и корейцы солидарны в том, что Токио не раскаялся в полной мере, до сих пор пытается приуменьшить свою ответственность и оправдать случившееся.

После Второй мировой войны Япония выплатила Южной Корее крупную компенсацию в виде льготной помощи, которая во многом заложила основу южнокорейского экономического чуда. Массированные японские кредиты на крайне выгодных условиях инициировали фантастический подъем деловой активности и в китайской экономике: Токио рассчитывал таким образом привязать к себе континентального соседа и сделать его зависимым от своих технологий и капиталов. После нормализации отношений с Китайской Народной Республикой во второй половине 1970-х годов и заключения с ней Договора о дружбе и сотрудничестве в начале 1980-х в Японии начался подлинный «китайский бум»: к вольерам с подаренными пандами выстраивались длинные очереди, в материалах прессы преобладал тон умиле-

ния. Токио считал Москву главной угрозой для своей безопасности, а Пекин, находившийся в конфронтации с «советскими ревизионистами», стал почти что другом и союзником. Но все изменилось с распадом СССР: выяснилось, что старые модели не работают, поскольку не учитывают как глубинных конфликтов, так и новых реалий.

После крушения Советского Союза КНР достаточно быстро дала понять, что не намерена закрывать глаза на настойчивые попытки влиятельных сил в Токио излечить страну от комплекса вины за минувшую войну, тем более что в Японии, в отличие от Германии, не было проведено тотальной кампании расставания с прошлым. Минувшая война считается в Токио «ошибкой», но вовсе не преступлением. Постоянно проводится мысль о том, что это был просто нерациональный выбор — ввязаться в схватку, которую невозможно выиграть. В то же время принято указывать на массу объективных причин, будто бы вынудивших страну начать боевые действия (например, американское нефтяное эмбарго). Японские фильмы о минувшей войне наполнены ностальгией и восхищением героями, погибшими в неравной схватке с врагом, который победил лишь вследствие обладания более совершенной боевой техникой.

Токио не соглашается и с утверждениями о массовых зверствах в Китае. Например, в японских школьных учебниках лишь скромно указывается, что после штурма Нанкина в 1937 году было «убито много людей». Более того, многие японские историки утверждают, что все сообщения о резне в этом городе были сфабрикованы. Япония не согласна и с заявлениями КНР об общем числе погибших с 1937 по 1945-й. Ссылки делаются на отсутствие документов и четкой статистики, которую, мол, мало кто скрупулезно вел в годы войны и оккупации. Токио отрицает также утверждения о том, что командование японской императорской армии насильственно набирало в солдатские бордели китайцев, корейцев и других жительниц оккупированных территорий, хотя существует масса свидетельств такой принудительной проституции.

Сообщения о разрешении издать в Японии новые учебники с неприемлемой для Пекина и Сеула трактовкой истории немедленно вызывают очередные вспышки напряженности в отношениях, заявления по линии МИДов, демонстрации у посольств. Китай при этом постоянно ставит Японии в пример Германию, которая тотально покаялась за прошлое и даже не помышляет о том, чтобы отрицать существование лагерей смерти или, скажем, спорить с Польшей о количестве погибших поляков.

ФАКТОР «ЯСУКУНИ»

Все дело в том, что в Японии и власти, и общественность категорически не согласны сравнивать действия их страны с преступлениями Третьего рейха. Решения Международного военного трибунала для Дальнего Востока токийская печать упрямо называет расправой победителей над побежденными. В 2007 году премьер-министр Синдзо Абэ демонстративно встретился с родственниками индийца Радхибинода Пала, который был единственным судьей трибунала, выступившим против казни главных японских военных преступников.

Эта тема — отдельный мощный фактор раздражения в отношениях Токио с Китаем и обоими корейскими государствами. Повешенные в 1948-м главные японские военные преступники были внесены в списки героев, погибших за императора, которые хранятся в токийском храме Ясукуни, считающемся в Пекине и Сеуле духовным центром японского милитаризма. Территория святилища заполнена военными памятниками, включает в себя богатое хранилище старой боевой техники и в целом очень напоминает музей боевой славы императорских вооруженных сил.

Храм не имеет официального статуса, но туда регулярно совершают паломничество ведущие деятели правительства Японии. Премьер-министр Дзюньитиро Коидзуми (находился на посту с 2001 по 2006 год) посещал Ясукуни ежегодно, считая такие походы частью своих предвыборных обязательств. Местной публике это нравилось («Наконец-то мы перестали унижаться и решились открыто поклониться памяти своих погибших», — сказал мне в связи с этим один достаточно влиятельный токийский журналист). Зато Пекин и Сеул протестовали жестко: их контакты с Коидзуми на высшем уровне были прекращены, прервался диалог по многим направлениям. Аргумент звучал один: поклонение душам казненных военных преступников призвано оправдать агрессию и колониальные захваты.

Преемники Коидзуми на посту премьера на время прекратили походы в храм Ясукуни. Но они продолжают блокировать в целом разумную идею создания гражданского и нейтрального в политическом отношении мемориала всем погибшим в годы Второй мировой войны, включая жертвы Хиросимы, Нагасаки и американских ковровых бомбардировок других городов. Судя по всему, тень Ясукуни будет еще долго витать над отношениями Токио с соседями. Существенная часть японской общественности считает этот храм символом своего тихого, но упрямого несогласия с иностранной оценкой

участия Японии во Второй мировой войне. Впрочем, на официальном уровне Токио ведет себя достаточно смирно.

Каждый год 15 августа в столичном Зале боевых искусств собираются император и императрица, высшие государственные чины и представители Японской ассоциации родственников погибших на войне. По случаю очередной годовщины объявления о капитуляции премьер-министр произносит традиционную формулу: мы навечно отказываемся от войны, привержены миру и выражаем раскаяние за те страдания, которые причинили другим народам, особенно народам Азии. Раскаяние не относится к России, поскольку в Токио считают, что СССР сам совершил агрессию против Японии.

КТО НАЙДЕТ ОСТРОВА НА КАРТЕ?

Советский Союз, как заявляют наши островные соседи по Дальнему Востоку, в нарушение международного права расторг Пакт о нейтралитете с Японией и нанес ей 9 августа 1945 года коварный удар: советские войска начали военные действия против Японии (теперь в этот день местные националисты ежегодно проводят акции протеста против «русского предательства»).

15 августа после вступления СССР в войну и американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки Токио объявил о своем поражении: 2 сентября на борту американского линкора «Миссури» был подписан акт о безоговорочной капитуляции. США, как в Японии особо подчеркивается, немедленно прекратили военные действия, тогда как Советский Союз продолжал наступление в Маньчжурии. А Южные Курилы занял уже после подписания акта о капитуляции. Действия Советского Союза называют в Токио нарушением договоренностей, грубым захватом чужих земель. Указывается также на то, что они противоречат провозглашенному союзниками по антигитлеровской коалиции принципу нерасширения территории по итогам войны.

После объявления о капитуляции японские войска прекратили боевые действия, начали сдаваться. В Токио заявляют, что советские войска захватили 600 тыс. японцев, которые были отправлены в разбросанные по всему СССР лагеря (в основном в его восточной части), где принуждались к тяжелому труду вопреки международным конвенциям. Умерло, по японским данным, до 100 тыс. заключенных, которых Токио военнопленными не считает, поскольку они сложили оружие не в результате боевых действий, а по приказу своего командования после объявления о капитуляции. Надо признать, что

СССР, в отличие от американцев и других союзников, очень долго скрывал подлинное число захваченных японских солдат, всеми силами удерживал их на работах в лагерях — массовая репатриация произошла только в 1950-х. Мучения этих людей — крайне эмоциональная тема, один из важных факторов антироссийских настроений.

Впрочем, на межгосударственном уровне тема пленных закрыта: в 1956 году в процессе нормализации двусторонних отношений был снят вопрос о каких-либо претензиях и компенсациях, а впоследствии Михаил Горбачёв (1991) и Борис Ельцин (1993) фактически принесли извинения за случившееся. Зато с Южными Курилами, как известно, дело зашло в тупик.

Как продемонстрировал проведенный в нынешнем году опрос, точно показать эти острова на карте могут менее 70 % японцев. Однако для всех жителей страны Южные Курилы — символ советской агрессии и оккупации, жестокой насильственной депортации мирных жителей.

Вопрос поставлен прямо: Токио желает вернуть острова назад, ссылаясь на то, что они никогда легально не принадлежали России или СССР. Япония считает также, что Южные Курилы не входят в те «Курильские острова», от которых она отказалась по Сан-Францисскому мирному договору (1951) с Соединенными Штатами и рядом других стран антигитлеровской коалиции.

Тема островов присутствует как постоянный фон, как мощный негативный психологический раздражитель. Однако данный спор в последние годы заметно потерял эмоциональность и, в сущности, утратил полемический запал — я не припомню уже, когда дипломаты обеих стран реально дискутировали по этому поводу. В японской печати обсуждение темы Южных Курил практически сошло на нет: какие-либо столкновения мнений по данному вопросу отсутствуют, публичные дискуссии не проводятся. Вопрос давно перестал быть и фактором внутривнутриполитической жизни — о нем даже не вспоминают в ходе избирательных кампаний. Но это свидетельствует скорее о единстве всех слоев японской публики в подходе к территориальной проблеме. В то же время каких-либо намеков на сближение позиций с Россией не наблюдается, компромисс пока невозможен, и конфликт в целом перешел в «спящую» фазу.

«ЯПОНСКОЕ» ИЛИ «ВОСТОЧНОЕ» МОРЕ?

Однако о «спячке» говорить не приходится, когда речь заходит о территориальных проблемах с Китаем и Южной Кореей. Вокруг утра-

ченной Пекином в 1885 году группы островов Сенкаку (Дяюйдао) происходят постоянные вспышки напряженности.

В 1980-х лидер КНР Дэн Сяопин призвал оставить проблему «на суд грядущих поколений»: тогда Китаю были позарез нужны японские инвестиции. Ситуация изменилась в 1990-х годах: на Сенкаку один за другим хлынули десанты китайских патриотов, которые на рыбацких шаландах как бы по собственной инициативе выходили из Гонконга или портов прибрежной провинции Фуцзянь. Происходили стычки с японскими пограничниками, погиб человек, пытавшийся вплавь добраться до вожделенных островов. В 2004-м семеро китайцев неожиданно высадились на Сенкаку и подняли там флаг КНР. Десантников без боя отловила японская полиция и во избежание дальнейших осложнений без суда депортировала их на родину. Несмотря на это, разразился крупный скандал: посыпались дипломатические протесты, зазвучали резкие заявления с обеих сторон...

Сейчас, кстати, Пекин надавил на активистов кампании за возвращение Сенкаку — сообщалось даже о том, что полиция задержала нескольких смельчаков, собиравшихся вновь поплыть к этим островам на рыбацкой шхуне. При всем при том похоже, что сделано это было ради максимального умиротворения соседа накануне Олимпиады в Пекине и на фоне волнений в Тибете. Есть основания полагать, что проблема группы островов Сенкаку (Дяюйдао) вполне может вновь обостриться в ближайшее время.

Поводом для острого кризиса стали в нынешнем году и находящиеся под контролем Сеула необитаемые крохотные островки Токто площадью около 23 га, которые японцы именуют Такэсима. В 1905 году под шумок войны с Россией Токио включил их в состав своей территории. Однако в 1950-х южнокорейский диктатор Ли Сын Ман провел на карте новую морскую границу, присоединив «архипелаг» к своей стране. По сей день ссылки делаются на то, что они с незапамятных времен входили в состав корейского государства. Япония с этим соглашаться не собирается: в этом году, например, утверждено пособие для учителей средних школ, которым дано указание разъяснять ученикам, что не только Южные Курилы, но и Такэсима — исконные японские территории. Ответ Южной Кореи был сокрушительным: она отозвала своего посла из Японии, заявила протест в самой резкой форме, а у островов были проведены демонстративные военно-морские маневры. Потом, правда, посла вернули к месту прежней работы,

однако холод, которым повеяло во взаимоотношениях обеих стран, сохраняется.

Еще один скандал между Сеулом и Токио вызвала пекинская Олимпиада: на церемонии ее закрытия транслировалась гигантская карта мира, на которой, я уверен, российские зрители не разглядели скромную надпись «Японское море». Зато на нее с негодованием обратили внимание в Южной Корее и немедленно направили официальный протест КНР. По мнению Сеула, термин «Японское море» Токио навязал миру на волне своих колониальных захватов в Восточной Азии. Южная Корея требует использовать название «Восточное море», хотя по отношению к Японии оно скорее Западное. Или же Юго-Восточное, если смотреть со стороны России. По этому поводу Сеул уже долгие годы ведет с Токио ожесточенную схватку в Международной гидрографической организации, а Пхеньян, кстати, идет еще дальше: без излишних экивоков он требует называть Японское море Корейским.

Сеульская печать, кстати, считает, что организаторы Олимпиады в Пекине вовсе не случайно приняли сторону Токио в картографическом споре: в Южной Корее находят в этом еще одно из проявлений недружественной политики Китая. А корни ее, как там полагают, во многом уходят в острые дискуссии по поводу трактовки событий прошлого — на сей раз совсем уже седой древности.

КАК СОХРАНИТЬ 700 ЛЕТ РОДНОЙ ИСТОРИИ?

В КНР с 1993 года действует проект изучения истории северо-восточных провинций страны, участники которого склонны рассматривать северное корейское царство Когурё (I век до н. э. — VII век н. э.) как часть Китая того времени. Для справки: Когурё занимало значительную территорию Маньчжурии и всю северную половину Корейского полуострова, включая нынешний Пхеньян и даже Сеул. Историки КНР уверяют, что население государства было «некорейским», а соответствовало этническому составу северо-востока Китая. Корейцы же, как утверждается, жили значительно дальше — только на крайней, южной, части полуострова. В 2004-м МИД КНР без объяснений убрал упоминание о Когурё с той части своего официального сайта, где рассказывается о корейской истории. Это вызвало взрыв негодования в Сеуле, который заявил Китаю официальный протест.

В обоих корейских государствах Когурё считают основой своей национальной идентификации, исходным очагом национальной культуры. Само западное слово «Корея», кстати, происходит от на-

звания «Когурё». В то же время в Пекине снисходительно намекают на то, что это царство было одним из китайских государств, откуда корейцы просто переняли большую часть своей культуры. Включение Когурё в историю Китая отнимает у Кореи 700 лет ее собственной истории, а исконную коренную территорию сводит к незначительному участку на юге полуострова.

Ряд экспертов в Сеуле уверяют, что в случае краха нынешнего режима в Пхеньяне (слухи об этом активизировались из-за болезни северокорейского лидера Ким Чен Ира) Пекин может пойти на вмешательство в КНДР как «одну из исконных китайских территорий». С другой стороны, объявление о претензиях на древнее царство может быть превентивным шагом и против потенциальных посползновений соседей — специалисты не исключают, что при объединении корейских Севера и Юга новое единое государство заявит о своих претензиях на некоторые земли КНР.

Помимо древнего Когурё есть, кстати, и территориальные проблемы поновее. В 1909 году, например, хозяйничавшие в Корее японцы самовольно передали Китаю часть берега реки Туманная (Тумыньцзян, корейское название — Туманган) в обмен на право построить железную дорогу в Маньчжурии. В 2004-м 53 депутата Национальной ассамблеи Южной Кореи подписали петицию с требованием вернуть стране эти ее исконные земли.

Не следует считать, что территориально-исторические битвы Сеул ведет только с КНР. В южнокорейской печати раздаются призывы забрать у России остров Ноктундо у северного берега той же реки Туманная, поскольку Китай якобы незаконно отдал его России в 1860 году по условиям Пекинского трактата, определившего границу между двумя империями. Как утверждает сеульская газета «Тона ильбо», остров Ноктундо (сейчас он уже превратился в полуостров и прирос к российскому берегу) на самом деле входил в состав ослабевшего корейского государства, неспособного тогда отстаивать свои интересы. Эксперты не исключают, что вопрос о новой демаркации границы может встать в случае ликвидации КНДР и создания объединенной Кореи.

Претензии друг к другу имеют и два корейских государства: помимо весьма свежих воспоминаний о жестокой братоубийственной войне в середине прошлого века (1950—1953) в Пхеньяне вообще любят поговорить о предательской сущности южан, которые, мол, издавна наводили врагов на родную землю. В 669 году, напоминают на Севере, они вместе с китайцами напали на все то же царство

Когурё и поделили его территорию. От событий многовековой давности мостик тут же перекидывается к нынешнему союзу Сеула и Вашингтона, направленному против КНДР. Пхеньян к тому же не признаёт правомочность морской границы с Югом в зоне Желтого моря, где в последние годы не раз происходили стычки между боевыми кораблями двух корейских государств.

На сегодняшний день претензии, связанные с историей, вслух не высказывают друг к другу только Россия и Китай: границу обе страны недавно окончательно закрепили договором, а последние спорные острова поделили пополам. Однако в Интернете можно найти и напоминания о былых претензиях КНР на Приморье с Владивостоком, и статьи отечественных авторов, призывающих аннулировать договоренности о передаче Пекину части территорий в зоне Амура, Уссури и Аргуни.

ДО ИНТЕГРАЦИИ ДАЛЕКО

Давние споры и обиды часто играют в регионе вполне прикладную роль. Достаточно было Токио в 2005-м активизировать попытки получить место постоянного члена Совета Безопасности ООН, как Китай отреагировал на это беспрецедентными демонстрациями. Около 20 тыс. человек забросали камнями и мусором посольство Японии в Пекине, толпы людей громили японские рестораны и представительства в других городах страны. Лозунги не изменились: «Помните о Нанкине!», «Долой японский милитаризм!», «Не дадим Японии перечеркнуть уроки истории!».

Результат был достигнут: Япония выставилась перед всем миром как бывший кровавый агрессор, не раскаявшийся в совершенных им преступлениях. Это явилось, конечно, не единственной, но важной причиной провала попыток Токио резко повысить свой статус и вес в Организации Объединенных Наций.

Стратегическая цель КНР в данном случае очевидна: она не хочет допустить, чтобы Япония вновь стала державой с мощным дипломатическим и военным влиянием, способной претендовать на доминирование в Восточной Азии. Пекин постоянно заставляет соседа через силу каяться за прегрешения прошлого или же вступать в заранее проигрышные словесные перепалки. Китай при этом отлично понимает, что любые попытки японцев отрицать свою ответственность за войну вызывают раздражение в США (только в прошлом году американский Конгресс официально потребовал от То-

кио принести извинения за обращение женщин на оккупированных территориях в сексуальное рабство).

Схожие цели и у Южной Кореи: она последовательно стремится ограничить роль Японии в регионе и в мире, особенно военную. Характерно, что японских военных наблюдателей демонстративно не приглашают на совместные учения, которые проводят вооруженные силы Республики Корея и Соединенных Штатов. Близкая ситуация и в отношениях Токио с Пекином: оборонные контакты обеих стран заметно отстают от уровня, достигнутого, например, в отношениях Токио с Москвой.

На Дальнем Востоке только Россия не имеет претензий к своим соседям — удержать бы то, что есть. Москва лишь пытается уйти от наскоков, в первую очередь от спора о Южных Курилах, отравляющего ее отношения с Токио. Кстати, он ничего не дает и самой Японии. Отказаться от требования «вернуть северные территории» она не может, однако это не позволяет стране успешно разыграть «российскую карту» в регионе, хотя, кроме Южных Курил, между Токио и Москвой больше нет никаких проблем, а многое объективно подталкивает их друг к другу.

Впрочем, и оппоненты Японии не пытаются договориться между собой: не наблюдается, в частности, ни малейших попыток Москвы и Сеула совместно выступить против притязаний соседа на их территории, полученные по итогам Второй мировой войны. На Дальнем Востоке каждый предпочитает пока вести собственную игру, не желая обременять себя лишними обязательствами на фоне в целом нестабильной ситуации в регионе. Кто знает, к примеру, что будет на Дальнем Востоке после ухода нынешнего лидера КНДР Ким Чен Ира? Слияние с Югом при сохранении американского влияния? Долговременный хаос? Стабилизация под китайским протекторатом? Останутся ли после этого военные базы США в регионе? Что будет с российским Дальним Востоком, теряющим население?

Уже приведенные в действие и пока еще замороженные исторические споры и претензии в регионе в этих условиях еще могут громко «бабахнуть». И уж в любом случае они будут серьезно препятствовать в обозримом будущем началу конструктивного разговора о реальной интеграции — до европейской модели общежития Дальнему Востоку еще очень далеко. Соперничество за лидерство в регионе будет обостряться, а у внешних сил появится масса заманчивых возможностей поиграть на противоречиях.

Южная Корея в поисках баланса

Сеул между различными центрами влияния

Александр Воронцов, Олег Ревенко

Подавляющее большинство экспертов сходятся во мнении, что приход к власти в Республике Корея в феврале 2008 года Ли Мён Бака означал трансформацию политического режима в стране из либерально-демократического в правоконсервативный.

Ли Мён Бак стал первым в истории Южной Кореи представителем делового мира на посту главы государства: большая часть его карьеры связана с работой в крупнейшей корпорации *Hyundai*. В предвыборной кампании Ли Мён Бак активно использовал свой имидж удачливого бизнесмена, которому доподлинно известно, как добиться подъема экономики, повышения уровня жизни, укрепления позиций Сеула в глобальной конкуренции.

Экономическая программа президента представлена формулой «747», что подразумевает достижение ежегодных темпов экономического роста не менее 7 % (в 2007-м – 4 %), увеличение ВВП в расчете на душу населения в ближайшие 10 лет до 40 тыс. долларов в год (в 2007-м – 30 тыс.) и превращение Южной Кореи в седьмую экономику мира.

В сфере внешней политики Ли Мён Бак позиционировал себя как «прагматичный консерватор», склонный действовать в отношениях с ближайшими партнерами расчетливо, без идеологических предубеждений и с максимальной эффективностью для страны.

«ПОТЕРЯННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ» И СМЕНА ОРИЕНТИРОВ

Проблема поиска собственного уникального места в международной системе координат остро встала перед Сеулом вскоре после оконча-

А.В. Воронцов – заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН. **О.П. Ревенко** – политолог.

ния холодной войны. В период пребывания у власти президентов левого толка Ким Дэ Чжун и Но Му Хёна задача обретения новой международной самоидентификации превратилась в политическое кредо. Ставилась цель создать имидж страны как сильного и самостоятельного игрока на международной арене, не замыкающего своих интересов лишь на союзнических связях с Вашингтоном. На практике этот курс выразился в определенном дистанцировании от США и подчеркивании равноправия с ними в военно-политической области. Южная Корея заметно сместилась в сторону КНР, произошло «размораживание» отношений с Пхеньяном и примирение с северо-корейскими руководителями, несмотря на идеологические разногласия.

Нынешние власти Республики Корея публично называют этот период «потерянным десятилетием». Новая правящая элита опирается на поддержку крупного бизнеса и консервативных кругов, ориентирующихся на Соединенные Штаты. Сеул теперь исходит из убеждения, что его прошлые претензии на роль самостоятельного игрока в мировой политике, равно как и попытки проведения соответствующего внешнеполитического курса, оказались неудачными и обернулись лишь бесполезной растратой ресурсов.

Не отказываясь в принципе от цели повышения статуса страны на международной арене, Ли Мён Бак и его сторонники склонны следовать примеру Японии. По их логике, наиболее рациональными способами возвышения Южной Кореи являются опора на США и южнокорейско-американский союз. Сохраняя и укрепляя эту опору, следует постепенно вести дело к усилению значимости страны в таком альянсе, как это делает Токио.

В докладе президенту об основных направлениях работы на предстоящий период, представленном в середине марта МИДом Республики Корея, ставится задача вывести ее на уровень «развитого государства мирового масштаба», что предполагает укрепление безопасности, наращивание экономического потенциала, вклад в обеспечение мира и повышение доверия к стране.

Ли Мён Бак исходит из того, что ориентация на Вашингтон жизненно необходима для обеспечения национальной безопасности южнокорейского государства, поддержания баланса сил в Северо-Восточной Азии и выработки твердой линии в отношении Северной Кореи. Заветная цель, ради достижения которой новый президент уже в апреле 2008-го осуществил визит в Соединенные Штаты, — добиться вывода Южной Кореи на уровень стратегического союза с

Америкой, столь же значимого, сколь и союзы США с Японией и Австралией. В том же ключе будут строиться и отношения с Токио, вторым по приоритетности партнером Сеула.

Нынешнее руководство Китая воспринимает Южную Корею и как близкого соседа, с которым следует поддерживать добрые отношения, и как быстро растущего экономического гиганта, в орбиту притяжения которого неизбежно попадает и Корейский полуостров. Вместе с тем в налаживании политического партнерства с Пекином администрация Ли Мён Бака старается действовать более осторожно, оглядываясь на Вашингтон и соизмеряя свои шаги с текущим состоянием американо-китайских отношений.

Наибольшие изменения претерпела политика Сеула в отношении межкорейского диалога: отныне ее предполагается строить на более жесткой основе. Сотрудничество с КНР предполагается развивать в соответствии с принципом экономической целесообразности и в зависимости от выполнения Пхеньяном обязательства отказаться от своей ядерной программы. Президент Республики Корея уже пообещал критически переосмыслить договоренности, достигнутые в ходе второго межкорейского саммита (октябрь 2007 г.).

В контексте провозглашенных внешнеполитических приоритетов вовсе не случайно, что первые зарубежные визиты Ли Мён Бак нанес в Вашингтон и Токио (апрель 2008 г.). Главным результатом первого из них стал провозглашенный двумя президентами курс на формирование «стратегического союза XXI века» между Сеулом и Вашингтоном. Диалог продолжился в ходе ответного визита Джорджа Буша в Южную Корею в июле сего года. Хотя в обеих столицах пока воздерживаются от подробных комментариев на официальном уровне, речь, судя по всему, пойдет о расширении сферы практического взаимодействия в военно-политической области наряду с задачами поддержания безопасности на Корейском полуострове. Приоритетами станут и совместное реагирование на глобальные и региональные вызовы, включая нераспространение оружия массового уничтожения, международный терроризм, неустойчивость мировой экономики, изменение климата, координация политики в отношении КНР, система ПРО в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Если предварительные проработки будут со временем воплощены в конкретные политические начинания, неизбежна коренная перестройка основ американо-южнокорейского союза. До недавнего времени США воспринимались в Республике Корея преимущественно

как гарант против вероятного нападения со стороны КНДР, что давало Сеулу возможность сосредоточиться на домашних делах; теперь же характер отношений может измениться. С учетом возросшего потенциала союзника и его готовности к проведению более активной внешней политики в тандеме с Вашингтоном американская сторона предпочитает, чтобы Южная Корея не замыкалась лишь на задачах сдерживания Северной Кореи. Сеулу предстоит внести более ощутимый вклад в реализацию глобальной политики Белого дома, начиная с Ирака и Афганистана и заканчивая поддержкой Соединенных Штатов в «распространении демократии» и борьбе за права человека.

Строительство подобного альянса пока остается задачей на перспективу, и на данном этапе союзники решают непосредственные вопросы двусторонних отношений. Это окончательная реконфигурация американского военного присутствия в Республике Корея, включая перебазирование воинского контингента к новым местам дислокации, а также окончательная передача оперативного командования над южнокорейскими вооруженными силами в руки Сеула к 2012 году. В соответствии с действующим порядком Южная Корея сохраняет такой контроль лишь в мирное время, но в случае начала боевых действий на Корейском полуострове он полностью переходит в руки американского командующего. Важное для Сеула обязательство, которое США взяли на себя в ходе президентского визита, — это не сокращать впредь уровень американского военного присутствия на юге Корейского полуострова, которое сейчас обеспечивают 28,5 тыс. военнослужащих.

Второе по важности направление внешнеполитической деятельности Республики Корея — восстановление дружественных отношений с Японией. Во имя этой цели южнокорейский президент, нанесший визит в Токио, и японский премьер Ясуо Фукуда по обоюдному согласию обошли молчанием спорные вопросы между обеими странами и заявили о стремлении открыть «новую эру» в двусторонних отношениях и развивать ориентированное на будущее «зрелое партнерство».

Обозначившееся движение Сеула навстречу Вашингтону и Токио, которому новый южнокорейский президент намерен придать устойчивый и необратимый характер, ставит вопрос о перспективах трехстороннего формата сотрудничества. При этом в политологических кругах начинают поговаривать о том, что такая интеграция могла бы стать подходящей платформой для создания в Восточной Азии новой мощной блоковой структуры, объединяющей наиболее последователь-

ных союзников Соединенных Штатов, включая Австралию и ряд других стран, то есть своего рода аналога НАТО для данного региона.

Эти рассуждения подкрепляются тезисом о том, что складывающийся альянс с участием Вашингтона, Токио и Сеула и механизм «сиднейской тройки» в составе США, Японии и Австралии вполне совместимы, поскольку стратегические цели и внешнеполитические ориентиры всех потенциальных участников в основном совпадают или, по крайней мере, перекликаются. Консолидация союзников Соединенных Штатов не только в Европе, но и на восточном фланге обеспечит такой международный баланс, при котором американские интересы в мире будут устойчиво преобладать над остальными, а возможность появления и укрепления противовесов в лице Китая, России либо других сил фактически сведется к нулю.

ПОТЕНЦИАЛ ПРОТИВОРЕЧИЙ

При кажущейся логичности такого рода теоретических построений большинство политиков и исследователей полагают, что создание подобной структуры сегодня нереально. И дело даже не в том, что это вызвало бы серьезное противодействие Пекина, который сейчас готов мириться с существованием разрозненных союзнических группировок.

Наряду с реальными и крепнущими тенденциями к интеграции между союзниками США в Азии имеются серьезные расхождения по ряду непростых вопросов, а их задачи в области внешней политики далеко не во всем совпадают. Политические элиты государств региона полагают, что интересам обеспечения национальной безопасности вполне отвечают действующие двусторонние договоренности с Соединенными Штатами, в силу чего они не видят ни необходимости, ни реальной возможности для создания новой региональной конфигурации под эгидой Вашингтона.

Безусловно, страны восточноазиатской «тройки» заинтересованы в налаживании более тесной координации по военно-политическим вопросам, прежде всего для обмена информацией и выработки общей стратегии по отношению к Северной Корее. Одним из направлений работы союзников должна стать и выработка совместного плана действий на случай кризиса — дестабилизации обстановки на Севере, выхода ситуации из-под контроля или же полного политического и экономического коллапса КНДР.

Однако за рамками собственно проблематики Корейского полуострова, а говоря точнее, разработки пакета мер по сдерживанию «аван-

тьюристического» поведения Северной Кореи другой, более обстоятельной повестки дня для трехстороннего формата нет и не предвидится. Так, несмотря на сдвиг к более проамериканской позиции, Республика Корея занимает сдержанную позицию относительно своего возможного подключения к планам создания системы ПРО для Азиатско-Тихоокеанского региона либо же к проекту Инициативы по безопасности в области распространения (ИБОР) ОМУ. Сеул опасается, что это не только помешает целям создания новой модели отношений на Корейском полуострове взамен соглашения о перемирии, но и приведет к осложнениям в отношениях с таким могущественным соседом, как Пекин. Китай остается ведущим торговым партнером Южной Кореи в регионе с объемом взаимных связей более 145 млрд долларов в год.

Вполне очевидно, что целью состоявшегося в конце мая 2008 года визита Ли Мён Бака в Пекин было убедить китайское руководство в том, что провозглашенный в Кэмп-Дэвиде «стратегический союз XXI века» с Соединенными Штатами не причинит вреда южнокорейско-китайским связям. Достигнутая в ходе этого саммита договоренность о повышении статуса двусторонних отношений до уровня «стратегического партнерства» явно была направлена на то, чтобы выправить крен Сеула в сторону Вашингтона. Но определенная озабоченность Пекина сменой приоритетов Республики Корея в пользу США и Японии, видимо, снята не была.

Вместе с тем южнокорейская администрация пытается показать, что намерена выстраивать в Северо-Восточной Азии более сложную политическую конфигурацию с участием своей страны, нежели многосторонний альянс, объединяющий азиатских «друзей» Соединенных Штатов. Возможно, именно поэтому Ли Мён Бак, как и его предшественники, прохладно реагировал на попытки Вашингтона привлечь Сеул к инициативам, вызывающим болезненную реакцию в КНР.

Например, со стороны США неоднократно звучали настойчивые призывы изучить возможность участия в создании коллективного противоракетного щита в АТР под предлогом противодействия возможным авантюрам КНДР (а на самом деле в целях сдерживания Китая). Южнокорейцы реагировали уклончиво, давая понять, что усматривают основную угрозу не в баллистических ракетах, имеющих у Северной Кореи, а в наличии у Пхеньяна мощных артиллерийских систем и ракет ближнего радиуса действия, способных в считанные минуты превратить Южную Корею в «море огня».

Другим фактором, затрудняющим интеграцию союзников США

в более широкую коалиционную структуру, остается специфика отношений между Сеулом и Токио. За внешним фасадом корректности, свойственной азиатскому стилю, и обменом дипломатическими любезностями в ходе апрельского саммита скрываются глубинные проблемы и барьеры, серьезно тормозящие развитие сотрудничества. Попытки задрапировать все эти раздражители благими намерениями и дружелюбной риторикой предпринимались и предшественниками Ли Мён Бака, однако каждый раз под влиянием текущей конъюнктуры они так или иначе выходили наружу.

В условиях «наэлектризованности» иногда достаточно небольшой искры, чтобы сорвать даже самые неподдельные усилия лидеров по улучшению атмосферы. Вечная головная боль для Токио и Сеула — спор о принадлежности островов (а точнее, группы скал) Токто (Такэсима) в Японском море, на которые претендуют обе страны. Скажем, «медовый месяц», начавшийся после визита Ли Мён Бака в Токио, быстро закончился, когда в конце мая стало известно о решении японского Министерства образования обозначить в учебных пособиях спорные острова как принадлежащие Японии. Иными словами, долгая история движения японо-южнокорейских отношений по замкнутому кругу независимо от того, кто стоял у руля власти в этих странах, пока не дает оснований рассчитывать на скорое преодоление отчужденности и полагать, что обе страны могут быть легко интегрированы в ту или иную военно-политическую структуру под американским патронатом.

Диалог с США также будет выстраиваться не без сложностей. Корейские политологи, например, опасаются, что Пентагон попытается использовать свой воинский контингент в Южной Корее в качестве мобильных частей и подразделений для участия в военных операциях по всему миру, что может привести к прямой либо косвенной вовлеченности Сеула в международные конфликты против собственной воли. Не говоря уже об увеличении доли расходов на содержание расквартированных американских войск. В ходе переговоров по данному вопросу приоритетное внимание уделялось глобальной повестке дня как профилирующему сюжету. Вопрос же о поддержании мира на Корейском полуострове, наиболее важный для Республики Корея, оказался отодвинут на задний план.

Межкорейские отношения переживают фазу охлаждения. Одна из причин этого кроется в противоречивости концептуальных заготовок президентской команды. Наряду с декларированными внешне привлекательными, но практически трудно реализуемыми зада-

чами, а именно способствовать подъему жизненного уровня северян до 3 тыс. долларов дохода на душу населения, сделать межкорейские саммиты регулярными и т. д., выдвигаются требования, автоматически блокирующие возможность выполнения вышеназванных намерений. К примеру, прогресс в межкорейских отношениях увязан со свертыванием ядерной программы КНДР, хотя, по мнению экспертов, эта проблема относится к сфере не межкорейских, а американо-северокорейских отношений. Экономическая помощь ставится в зависимость, в частности, от того, насколько она будет способствовать внутренним изменениям в Северной Корее.

В результате Пхеньян, который поначалу молчаливо изучал первые шаги новой администрации в Сеуле и больше месяца воздерживался от комментариев, стал выступать со все более критическими оценками. В настоящее время северокорейская риторика стала гораздо жестче, вплоть до того, что некоторые СМИ назвали Ли Мён Бака «национальным предателем».

Неоднозначные результаты первых шагов новой сеульской администрации не замедлили отразиться и на рейтинге нынешнего президента Республики Корея.

Переменчивую атмосферу в южнокорейском социуме как нельзя лучше характеризует реакция на договоренность, достигнутую в рамках двустороннего Вашингтонского саммита, о возобновлении импорта американской говядины, приостановленного в 2003 году ввиду опасности распространения коровьего бешенства. Это решение было истолковано общественностью как непростительное угодничество перед Америкой. Непрекращавшиеся протесты противников ввоза мяса из Соединенных Штатов переросли в конце мая в массовые антиправительственные выступления, в ходе которых звучали и требования немедленной отставки Ли Мён Бака.

На рубеже июля рейтинг популярности южнокорейского президента упал до самой низкой отметки — порядка 20 %, а критика его деятельности затрагивала уже весьма широкий спектр вопросов. В итоге менее чем через 100 дней после своей инаугурации Ли Мён Бак был вынужден отправить в отставку все правительство и многих сотрудников президентской администрации, публично извиниться перед нацией — случай в истории современной Кореи беспрецедентный, поскольку глава государства только что принял бразды правления.

Многие аналитики усматривают причины неудач в порочной попытке механически перенести отмеченный авторитарным стилем

опыт топ-менеджера частной корпорации в сферу государственной деятельности. Такие методы управления не срабатывают в современной южнокорейской политике, где требуется умение убеждать, идти на компромиссы, учитывать различные мнения. Серьезным вызовом для руководства стал мировой финансовый кризис, который сильно ударил по Южной Корее.

РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Ситуация, складывающаяся в отношениях между Россией и Южной Кореей, неоднозначна.

Еще в конце 1980-х Ли Мён Бак выступил одним из первопроходцев осуществления торгово-экономического сотрудничества между двумя государствами. Затем, будучи мэром Сеула, он посещал Москву и активно работал для развития двусторонних связей. В Сеуле сегодня отдают себе отчет в том, что Россия быстро восстанавливает свое экономическое и политическое присутствие в АТР и становится страной, способной все активнее влиять на обстановку на Корейском полуострове и вокруг него.

Администрация Ли Мёна Бака исходит из того, что деятельное участие Москвы в шестисторонних переговорах по северокорейской ядерной проблеме и устойчивый характер развития ее отношений с Пхеньяном в перспективе повысят значимость России и для Южной Кореи, и в деле построения в будущем системы мира и безопасности в Северо-Восточной Азии.

Благоприятствующим моментом является отсутствие сколько-нибудь заметных политических проблем, способных тормозить развитие отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея. Весь спектр южнокорейской политической элиты – от крайне правого до левого фланга – исходит из убеждения, что Россия всегда будет оставаться важным соседом и партнером Южной Кореи, с которым желательно поддерживать дружественные связи, выстраивать двусторонние отношения в расчете на долгосрочную перспективу.

Вместе с тем специфика менталитета сеульской администрации, позиционирующей себя в качестве «прагматической», отразилась и на выборе приоритетов. Укрепление связей с Россией рассматривается в первую очередь с точки зрения создания условий для стабильного обеспечения Южной Кореи энергоресурсами и минеральным сырьем. Учитывается и важность расширения экспорта в нашу страну промышленной и потребительской продукции южнокорейского производства.

Ставка делается на инициативы межгосударственного уровня, касающиеся участия национальных компаний в освоении газовых, нефтяных, угольных месторождений Сибири и Дальнего Востока. Речь идет о совместной разработке, аренде или приобретении в собственность наиболее лакомых с позиций южнокорейского бизнеса участков. В Республике Корея подключены к этой деятельности не только экономические ведомства, но и МИД, президентская администрация, которые навязчиво ставят перед российской стороной вопросы участия южнокорейского бизнеса в реализации наиболее перспективных, по их мнению, энергетических и сырьевых проектов.

В некоторых аналитических документах Сеула красной нитью проходит мысль о том, что одной из главных целей контактов с Москвой должно стать получение Южной Кореей возможности занять место ключевого партнера России в Северо-Восточной Азии применительно к энергетической сфере — по аналогии с позицией, которую в европейской политике России занимает Германия.

Таким образом, наша страна все-таки воспринимается прагматичным Ли Мён Баком в первую очередь как «сверхдержава природных ресурсов», или — попросту — «энергетическая кормушка». При всем понимании важности энергетического сотрудничества курс на энергодипломатию может быть расценен не иначе как объективное снижение уровня двусторонних отношений. Достаточно вспомнить, что в 2004 году на саммите в Москве президенты Владимир Путин и Но Му Хён объявили об установлении многостороннего доверительного партнерства между обеими странами. В соответствии с таким комплексным подходом в предшествующие годы во всех межправительственных документах упор делался на кооперацию в широком спектре отраслей, в первую очередь в области высоких технологий, космоса, инфраструктурных проектов и т. д.

Так что и на российском направлении в первые месяцы деятельности новой администрации Южной Кореи вопросов, по-видимому, накопилось больше, чем ответов. В процессе подготовки первого саммита новых руководителей Российской Федерации и Республики Корея, который состоялся в конце сентября 2008 года в Москве, официальные представители обеих стран пытались максимально наполнить его программу серьезным и многогранным содержанием.

На первый взгляд визит был успешным: принят крупный политический документ — совместное заявление, где стороны договорились поднять взаимоотношения до уровня стратегического партнерства, а также наладить стратегический диалог по вопросам внешней полити-

ки и безопасности. Южная Корея гарантированно остается одним из ведущих экономических партнеров России в АТР, объем торговли уже в ближайшие два-три года может вырасти до 30–40 млрд долларов.

Однако свыше 90 % российского экспорта в Южную Корею приходится на энергоносители, сырье и металлы, в то время как та поставляет в Россию готовую промышленную продукцию. Вопрос об изменении столь неблагоприятного соотношения в экономической операции обсуждался на переговорах в Москве, но реально изменить его в ближайшее время вряд ли удастся хотя бы потому, что южнокорейская сторона заинтересована именно в таком «разделении труда».

Иными словами, под «стратегическим партнерством» администрация Ли Мён Бака понимает прежде всего политическое сопровождение усилий бизнеса для облегчения доступа к российским природным ресурсам и обеспечение более выгодных конкурентных условий по сравнению с такими странами, как Китай и Япония. Планы Сеула под маркой «стратегического партнерства» предусматривают создание в отношениях с Россией такой договорно-правовой базы, которая давала бы южнокорейским компаниям уникальные возможности и преимущества над другими странами в деле освоения природных богатств, и в первую очередь углеводородного сырья Сибири и Дальнего Востока.

Что же касается более высоких сфер партнерства, в частности координации по актуальным международным вопросам, то эту задачу в Южной Корее относят на второй план и не считают на данном этапе актуальной.

Последние контакты показали, что Сеул остается для Москвы привлекательным, но непростым партнером. Будучи объективно заинтересованы в развитии отношений с Россией по широкому спектру вопросов и не испытывая идеологически мотивированной предвзятости к Российской Федерации, власти да и бизнес Республики Корея все же вынуждены выстраивать свои подходы с постоянной оглядкой на Вашингтон.

Весьма неопределенной, хотя и по другим причинам, остается судьба многосторонних экономических проектов на Корейском полуострове, таких, к примеру, как соединение транскорейской железной дороги с Транссибом, строительство газопровода через территорию Северной Кореи на юг полуострова, сотрудничество в области доставки электроэнергии за счет ее переброски из энергоизбыточных регионов России. Неурегулированность ядерной проблемы, а также напряженность в межкорейских отношениях, возникающая отчасти по причине непродуманных действий Сеула, откладывают реализацию многих из важных начинаний, представляющих несомненный интерес для России.

Растущий треугольник

Россия, Индия, Китай:
перспективы сотрудничества

Владимир Портяков, Сергей Уянаев

Взаимодействие трех крупнейших государств Евразии — России, Индии и Китая — стало одним из новых явлений международной жизни в XXI столетии. Оно строится на ряде исторических предпосылок и отражает сходство современных внутренних и внешних приоритетов этих стран. Сегодня сближение находится на переходной стадии — от выявления наиболее перспективных областей взаимодействия к становлению его организационных форм и механизмов. Конечной целью являются трехсторонние проекты, в том числе в экономической сфере.

Насколько велик потенциал и каково будущее трехсторонней кооперации в условиях глобализирующейся экономики?

«ТРОЙКА»: РАСТУЩИЕ ЭКОНОМИКИ

В последние годы Россия, Китай и Индия входят в число наиболее динамично развивающихся стран мира. По оценке *Economist Intelligence Unit*, аналитической службы британского журнала *The Economist*, в период с 2002 по 2006 год реальные среднегодовые темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) в Китае составили 10 %, в Индии — 7,8 %, в России — 6,4 %.

Во всех трех странах общий рост экономики сопровождался адекватным (в случае России даже опережающим) ростом внутреннего спроса, среднегодовые темпы которого за тот же период составили 9,2 % в Китае, 7,5 % в Индии и 8,2 % в России. Как следствие, эти три страны вышли на новые уровни годовых объемов производства ВВП с соответствующим укреплением позиций в мировой экономике.

В.Я. Портяков — д. э. н., заместитель директора Института Дальнего Востока РАН. **С.В. Уянаев** — к. и. н., ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

По оценке МВФ, номинальный ВВП КНР, пересчитанный в доллары США по текущему валютному курсу, был равен в 2006-м 2,63 трлн дол., России – 979 млрд дол., Индии – около 887 млрд долларов. При этом доля Китая в мировом ВВП выросла с 3,9 % в 2003 году до 5,46 %, России – с 1,19 % до 2 %, Индии – с 1,6 % до 1,84 % (мировой ВВП в текущих ценах в 2006 г. составил 48,144 трлн дол. – см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Валовый внутренний продукт Китая, Индии и России
(в текущих ценах, млрд дол.)

	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Мир	41 432	44 688	48 144
Китай	1 931	2 243	2 630
Доля в мировом ВВП, %	4,66	5,02	5,46
Индия	667	781	887
Доля в мировом ВВП, %	1,61	1,75	1,84
Россия	592	764	979
Доля в мировом ВВП, %	1,43	1,71	2,03

Источник: Данные МВФ и расчет по ним (*World Economic Outlook Database. April 2007 Edition*)

За последние годы вырос и среднедушевой ВВП, рассчитанный по официальному курсу: в Китае с 1 486 дол. (2004 г.) до 2 001 дол. (2006 г.), в России с 4 104 до 6 856 дол., в Индии с 618 до 797 долларов.

В 2007 году ВВП Китая увеличился на 11,4 % (его номинальный объем по рыночному курсу составил 3,43 трлн дол.), России – на 7,2 % (1,27 трлн дол.), Индии – на 7,9 %.

Показатели ВВП, рассчитанные по паритету покупательной способности (ППС) национальных валют, показывают существенное улучшение позиций России, Китая и Индии в мировой таблице о рангах.

По данным МВФ, в 2006-м ВВП по ППС составил в России 1 727 млрд дол. в абсолютном и 12 000 дол. в подушевом выражении, в Китае – соответственно 9 984 млрд дол. (2-е место в мире после Соединенных Штатов) и 7 597 дол., в Индии – 4 158 млрд дол. и 3 737 долларов. При этом доля Китая в мировом ВВП достигла 15,07 %, России – 2,61 %, Индии – 6,28 %.

Суммарная доля «тройки» в мировой экономике при расчете ВВП по официальному курсу национальных валют к доллару составляет 9,3 % (против 6,7% в 2003-м). Но при расчетах по паритетах покупательной способности она много выше – 23,96 %. Для сравнения: доля США в мировом ВВП, рассчитанном по официальному курсу национальных валют к доллару, составила 27,5 %, а в ВВП по ППС – 19,66 %.

В декабре 2007 года Всемирный банк обнародовал новые оценки экономических параметров 146 стран и территорий мира. Согласно этим расчетам, ВВП Китая в 2005-м составил по ППС не 8,8 трлн дол., как считалось ранее, а примерно на 40 % меньше – 5,33 триллиона. Соответственно долю Китая в мировом ВВП снизили с прежних 14 % до примерно 10 %, а Индии – с 6 % до 4 % (5 место в мире). Доля России в мировом ВВП была оценена в 3,1 % мирового ВВП (8-е место). Суммарная доля трех стран составила в данном случае около 17 % мирового ВВП по сравнению с 23 % у США.

Вне зависимости от применяемой системы подсчета динамичное укрепление позиций каждой из стран в мировом валовом продукте очевидно.

РЫНОК КАПИТАЛОВ И ТОРГОВЛЯ

Еще один важный качественный сдвиг в структуре мирового хозяйства в последние годы связан с укреплением позиций Китая, России и Индии практически во всех сегментах мирового рынка капиталов.

Заметно увеличились объемы привлекаемых этими странами **прямых иностранных инвестиций**. По данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), их поступление в КНР выросло с 60 млрд дол. (2004 г.) до более 70 млрд дол. (2006 г.), в Индию – соответственно с 5,5 до 9,5 млрд, в Россию – с 15,4 до 28,4 млрд долларов.

Эти страны все активнее выступают не только как получатели, но и как экспортеры капиталов. Так, прямые зарубежные инвестиции Китая превысили в 2006 году 16 млрд долларов. Нетто-экспортером капитала в 2006-м стала Индия, которая за год удвоила его вывоз. Быстро растут и зарубежные инвестиции ведущих российских компаний. Следует отметить, что данные национальных статистик заметно отличаются от сведений ЮНКТАД. Например, по подсчетам Росстата, в 2006 году Россия привлекла 13,7 млрд дол. прямых иностранных инвестиций.

Возросшая экономическая доходность и соответственно привлекательность корпоративного сектора трех стран привели к существенному росту капитализации их фондовых рынков, что влечет за собой

увеличение доли развивающихся рынков в общих показателях деятельности мирового фондового рынка.

Беспрецедентный рост **золотовалютных резервов** Китая (1 066 млрд дол. на конец 2006-го и 1,53 трлн дол. на конец 2007 года) и России (свыше 500 млрд дол. по сравнению со 120 млрд дол. на начало 2004-го), значительная часть которых помещена в казначейские обязательства США, сделал эти государства важным компонентом поддержания пошатнувшейся (вслед за ослаблением доллара) стабильности мировой валютно-финансовой системы.

Относительные позиции Китая, России и Индии укрепляются и в **мировой торговле**. По данным Всемирной торговой организации (ВТО), в 2006 году экспорт китайских товаров составил 969 млрд дол. (3-е место в мире), а доля в мировом экспорте товаров выросла до 8 % по сравнению с 5,9 % в 2003-м. Импорт товаров КНР достиг 792 млрд дол. (3-е место в мире), или 6,4 % мирового импорта по сравнению с 5,3 % в 2003 году. В 2007-м экспорт КНР вырос до 1 218 млрд дол., а импорт — до 955,8 млрд долларов.

Доля России (305 млрд дол. в 2006 году) в мировом экспорте достигла 2,5 % по сравнению с 1,8 %, а в мировом импорте товаров (164 млрд дол.) — 1,3 % против 0,8 % в 2003-м. В прошлом году экспорт России, по данным Центробанка РФ, составил 355,18 млрд дол., а импорт — 223,06 млрд долларов.

Доля Индии (120 млрд дол. в 2006 году) в мировом экспорте выросла до 1 % по сравнению с 0,85 % в 2003-м, а в мировом импорте (174 млрд дол.) — до 1,4 % против 1 % в 2003 году.

В **мировой торговле услугами** также усиливаются позиции Китая (в 2006-м — 3,2 % мирового экспорта и 3,8 % мирового импорта по сравнению соответственно с 2,5 и 3,1 % в 2003 году) и Индии (в 2006-м — 2,7 % мирового экспорта и импорта). Доля России в мировой торговле услугами (1,1 % экспорта и 1,7 % импорта) осталась на уровне 2003 года.

По данным индийской статистики, экспорт Индией программных продуктов и услуг в области информационных технологий и телекоммуникаций вырос с 9,8 млрд дол. (2003–2004 гг.) до 17,1 млрд дол. (2005–2006 гг.). На этот же путь стремится стать Китай, объявивший программу создания в 2006–2010 годах примерно тысячи предприятий, обладающих международной аккредитацией для ведения операций аутсорсинга. Активизирует свою деятельность на этом рынке и Россия.

В целом усиление позиций трех стран в мировой торговле дает им дополнительные возможности более активно и успешно отстаивать свои интересы в многосторонних торговых переговорах, в том числе Китаю и Индии – в рамках Всемирной торговой организации, а России – в переговорах по ее присоединению к ВТО на недискриминационных условиях.

ДВУХСТОРОННИЕ СВЯЗИ:

ИМПУЛЬСЫ, КРИТЕРИИ, ОГРАНИЧИТЕЛИ

Шансы на синхронизацию действий России, Китая и Индии в процессах мирохозяйственного развития повышаются с ростом их **взаимной двухсторонней торговли**. Объем российско-китайской торговли в 2007 году достиг 48,17 млрд дол., увеличившись более чем на 60 % с 2005-го. При этом впервые экспорт Китая в Россию существенно превысил его импорт из России – соответственно 28,49 и 19,68 млрд долларов.

Столь же высокими темпами развивается в последние два-три года российско-индийская торговля. Товарооборот вырос с 3,1 млрд дол. в 2005 году до 5,32 млрд дол. в 2007-м (4,01 млрд – российский экспорт, 1,31 млрд – импорт).

Объем торговли между Китаем и Индией составил в 2007 году 38,65 млрд дол. (24,02 млрд – экспорт КНР и 14,63 млрд – импорт), что более чем вдвое превышает показатель 2005-го.

Российские и китайские эксперты разработали специальную Программу развития торгово-экономического сотрудничества между двумя странами на 2006–2010 годы, которая ориентирована на достижение в 2010-м минимального объема двухсторонней торговли в 67,7 млрд долларов.

Завершается подготовка аналогичной программы развития российско-индийской торговли, в соответствии с которой к 2010 году намечается выход на новый уровень товарооборота (порядка 10 млрд дол.) с возможным удвоением еще через пять лет.

Вместе с тем двухсторонняя торговля между КНР, Россией и Индией даже больше, чем в наращивании объемов, нуждается в **совершенствовании и модернизации товарной структуры**. Только в этом случае удастся создать объективную материальную основу для трехсторонней кооперации. Простым, но убедительным критерием готовности торговых партнеров к широкой кооперации (для начала в двухстороннем, а затем и в трехстороннем формате) является **высокая доля машин и оборудования в структуре взаимного экспорта и импорта** (судя по мировой

практике, не ниже 30 %). Именно в этом направлении следовало бы продвигать эволюцию структуры двухсторонней торговли в треугольнике Россия – Китай – Индия, которая пока определяется главным образом естественно-природными и/или исторически сложившимися сравнительными преимуществами на рынках друг друга.

Одно из немногих исключений здесь – это уже достаточно высокая и динамично растущая доля машин и оборудования в экспорте Китая в Россию – 30,6 % в 2007-м (см. табл. 2). В то же время доля машин и оборудования в российском экспорте, превышавшая 30 % в начале 1990-х годов, снизилась ныне до всего 1 %, а доминирующие позиции заняли нефть и нефтепродукты – около 54 % (2006 г.).

Т а б л и ц а 2
Товарная структура торговли КНР с Россией (2006 и 2007 гг.)

	Экспорт				Импорт			
	млн дол.		%		млн дол.		%	
	2006 г.	2007 г.	2006 г.	2007 г.	2006 г.	2007 г.	2006 г.	2007 г.
Всего	15 832,4	28 488,5	100	100	17 554,1	19 676,9	100	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	836,8	1 165,6	5,3	4,1	1 283,9	1 433,7	7,3	7,3
Минеральная продукция	177,6	244,0	1,1	0,85	9 869,0	10 259,4	56,2	52,1
В том числе топливно-энергетические товары	142,4	193,5	0,9	0,7	9 464,2	9 341,4	53,9	47,5
Продукция химической промышленности, каучук	1 051,4	1 681,0	6,7	5,9	2 188,8	2 552,2	12,5	13,0
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	1 082,1	807,1	6,8	2,8	12,6	14,4	0,1	0,07
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	154,0	271,0	1,0	0,95	2 800,0	3 759,5	16,0	19,1
Текстиль, текстильные изделия и обувь	5 650,1	11 516,2	35,7	40,4	7,7	9,8	0,05	0,05
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	11,2	23,6	0,1	0,1	31,7	44,5	0,2	0,2
Металлы и изделия из них	1 108,3	2352,7	7,0	8,3	1 133,4	1 332,2	6,4	6,8
Машины, оборудование и транспортные средства	4 582,28	724,2	28,9	30,6	217,2	256,0	1,2	1,3
Другие товары	1 168,8	1 703,1	7,4	6,0	9,9	15,1	0,05	0,08

Источник: Данные таможенной статистики КНР (*Haiguan Tongji, Beijing*) и расчет по ним.

Технологический разрыв наглядно представлен в структуре китайско-индийской торговли, где высокой доле машин и оборудования в китайском экспорте (50,4 % в 2007-м) противостоит намного более скромный встречный поток (соответствующая доля – всего 4 %). А доминирует в экспорте Индии в Китай минеральная продукция, прежде всего железная руда (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Товарная структура торговли Китая с Индией (2007 г.)

	Экспорт		Импорт	
	млн дол.	%	млн дол.	%
Всего	24 015,8	100	14 631,0	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	121,1	0,5	404,9	2,8
Минеральная продукция	379,5	1,6	9 103,7	62,2
Продукция химической промышленности, каучук	4 720,6	19,6	1 558,0	10,6
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	68,5	0,3	200,8	1,4
Древесина и целлюлозно- бумажные изделия	331,2	1,4	13,1	0,1
Текстиль, текстильные изделия и обувь	1 989,6	8,3	1 215,0	8,3
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	147,2	0,6	384,7	2,6
Металлы и изделия из них	3 370,4	14,0	1 081,1	7,4
Машины, оборудование и транспортные средства	12 105,4	50,4	585,1	4,0
Другие товары	782,3	3,3	84,6	0,6

Источник: Данные таможенной статистики КНР (*Haiguan Tongji, Beijing*) и расчет по ним

Аналогичным образом высокая доля машин и оборудования в российском экспорте в Индию за счет поставок вооружения и оборудования для АЭС (38,2 % общего вывоза в 2006-м – см. табл. 4) пока остается без соответствующей поддержки со стороны индийского экспорта в Россию.

На примере российско-индийской торговли зададимся вопросом: имеются ли резервы оптимизации товарной структуры двухсторонней торговли внутри «тройки»?

Т а б л и ц а 4

Товарная структура торговли России с Индией (2006 г.)

	Экспорт		Импорт	
	млн дол.	%	млн дол.	%
Всего	2 924,5	100	967,5	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	263,8	9,0	246,2	25,4
Минеральная продукция	402,5	13,8	1,7	0,2
Продукция химической промышленности, каучук	262,3	8,9	424,4	43,9
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	1,6	0,05	5,9	0,6
Древесина и целлюлозно- бумажные изделия	145,5	5,0	9,3	0,9
Текстиль, текстильные изделия и обувь	3,5	0,1	63,8	6,6
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	нет данных		нет данных	
Металлы и изделия из них	459,0	15,7	46,6	4,8
Машины, оборудование и транспортные средства	1 118,1	38,2	149,9	15,5
Другие товары	7,9	0,3	10,3	1,1

Источник: Данные российской таможенной статистики и расчет по ним. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. 2006 год. Москва. Федеральная таможенная служба 2007. Том II. С. 734–735

Примечание. Сумма долей отдельных статей экспорта и импорта может отличаться от 100 %.

Значительная часть индийского экспорта машин и оборудования (свыше 41 %) реализуется прежде всего на весьма развитых и требовательных внешних рынках в Западной Европе, Соединенных Штатах и Юго-Восточной Азии. Это говорит о достаточно высокой конкурентоспособности индийских изделий, которые, по крайней мере гипотетически, могли бы иметь перспективы и в России. Пока же доля РФ на экспортном рынке индийского машиностроения составляет лишь 0,7 %, отставая от доли США в 25 раз, а Германии и Великобритании – в 7,5 раза.

Подсчеты показывают, что, если хотя бы по двум позициям (электротехника/электроника и автостроение) объем индийских поставок в РФ был бы приближен к среднему уровню, имеющемуся у Индии с вышеперечисленными странами, общая доля продукции машиностроения в индийском экспорте в Россию составила бы не менее 35 %.

При этом стоит заметить, что доминирование в индийском экспорте в РФ продукции химической промышленности (около 44 % в 2006 году) уже сейчас создает потенциальную возможность развития кооперации в высокотехнологичных областях, например в фармакологии.

ПРОГНОЗЫ, ОЦЕНКИ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Несомненные экономические успехи России, Китая и Индии последних лет нередко служат основанием для оптимистичных прогнозов их дальнейшего развития. Предрекается, в частности, что КНР обойдет Соединенные Штаты и станет крупнейшей экономической мира в диапазоне от 2027 до 2035 года.

Однако, на наш взгляд, **такие прогнозы несколько односторонни**. По сути, игнорируются основы нынешнего ускорения экономического роста и укрепления позиций России, Китая и Индии, в большой степени определяемых процессами глобализации и экспоненциального роста экономического взаимодействия данных стран с развитыми государствами. Кроме того, последние надолго останутся доминирующими поставщиками новых научно-технических идей и технологий.

Поэтому сегодня Москве, Пекину и Дели настоятельно требуется не увлеченное любованием радужными прогнозами, а трезвая оценка серьезных недостатков сложившихся моделей развития и поиск путей их совершенствования. Откровенный обмен мнениями по этой проблематике мог бы стать одной из ведущих сфер взаимодействия ученых и политиков трех государств.

Общие интересы в деле защиты и укрепления позиций в мире требуют перехода к выстраиванию систематического диверсифицированного взаимодействия. На встрече министров иностранных дел России, Китая и Индии в Харбине (октябрь 2007 г.) было принято решение о создании трехсторонних консультационных механизмов на уровне руководителей отделов/департаментов внешнеполитических ведомств. Аналогичные структуры будут выстроены по линиям министерств и ведомств, действующих в сферах сельского хозяйства, медицины и здравоохранения, борьбы с чрезвычайными ситуациями.

Межмидовский механизм играет координирующую роль, при этом предприняты шаги по распределению «кураторских» функций: за организацию диалога в сельскохозяйственной сфере ответственна китайская сторона, в медицинской — индийская. В области чрезвычайных ситуаций созданием переговорной площадки и последующими мероприятиями займутся российские представители.

В конце марта 2008 года появился новый формат, который можно назвать «Трек 2 плюс 1»: в Дели прошел первый геостратегический семинар «Россия – Индия – Китай», в котором наряду с политологами и профильными экспертами участвовали главы департаментов и официальные представители МИДов этих трех стран. Углубленно рассмотрены вероятные направления внешнеполитического взаимодействия, подходы к развитию сотрудничества в вопросах изменения климата и охраны окружающей среды, в сфере экономики и торговли в условиях глобализации. Внимание делегатов, в частности, привлекла инициатива, связанная с возросшими золотовалютными резервами «тройки». Они могут быть использованы не только при продвижении крупных инфраструктурных проектов, но и при отстаивании общих интересов в мировой экономике и на международных валютно-финансовых рынках. В данном контексте актуальным было признано налаживание сотрудничества в банковской сфере.

Особенно перспективна кооперация в развитии региональной транспортной инфраструктуры. Речь идет о совместных усилиях (технических, финансовых и других) по развитию таких проектов, как транспортный коридор «Север – Юг», возрождение маршрутов древнего Великого шелкового пути (в том числе южного, с выходом к Индийскому океану), модернизация Транссибирской магистрали, сооружение трубопроводной системы Иран – Пакистан – Индия, сдерживаемое пока политическими причинами. К этому можно добавить автомобильную магистраль из Индии в страны Юго-Восточной Азии и ряд проектов, суть которых заключается не только в создании надежного и универсального транспортного моста, но и в возможности придания мощного импульса всей региональной экономической интеграции.

В области энергетики имеет место очевидная взаимодополняемость энергетических комплексов трех стран. В рамках политики диверсификации Россия разрабатывает восточные маршруты своего газового и нефтяного экспорта, а Китай и Индия, испытывающие возрастающий дефицит собственного углеводородного сырья, заинтересованы в оптимизации источников импорта, причем в серьезной степени за счет российских месторождений. Широкое поле для двухстороннего и трехстороннего взаимодействия имеется в вопросах переброски электроэнергии, развития атомной энергетики, совместной разведки и разработки новых месторождений углеводородных ресурсов, в том числе в третьих странах.

Россия, Китай и Индия располагают значительным потенциалом наращивания объемов и диверсификации номенклатуры взаимных поставок сельскохозяйственной продукции и продовольствия. На обозримую перспективу именно взаимная торговля останется основной формой сотрудничества в аграрной сфере между данными странами. В связи с этим целесообразно провести специальный анализ факторов, сдерживающих торговлю сельхозпродуктами, и дать рекомендации по их смягчению либо нейтрализации. Среди наиболее очевидных проблем можно выделить следующие.

Первое. Конкуренция со стороны производителей однотипной продукции из третьих стран. Классический пример – поставки в Россию чая (черного, зеленого и прочих разновидностей). Здесь лидирующие позиции занимают не Индия и Китай, как можно было бы ожидать, а Шри-Ланка, Великобритания и Германия.

Второе. Ограничения и запреты на импорт той или иной продукции по причине ее несоответствия фитосанитарным требованиям и/или стандартам качества, по сути являющиеся формой защиты внутреннего производителя. Пример – действия КНР по сдерживанию поставок российской молочной продукции.

Третье. Все большее значение будет приобретать различие в подходах трех стран к пониманию и обеспечению собственной продовольственной безопасности. Так, ряд российских специалистов рассматривают широкое распространение в Китае генетически модифицированных культур как принципиальное препятствие на пути увеличения импорта продукции растениеводства из КНР.

Заметное развитие в последние годы получило использование китайских трудовых услуг для производства сельхозпродукции на арендованных землях в ряде регионов РФ. Этот опыт нуждается в осмыслении и обобщении, поскольку его оценка в российском обществе неоднозначна.

Российско-индийское сотрудничество в сфере сельского хозяйства осуществляется на базе межправительственного соглашения между Москвой и Дели от 3 октября 2000 года. Существенный интерес для обеих сторон представляет взаимодействие в сельскохозяйственной науке, в частности обмен опытом по применению микробиологических технологий для производства биологических удобрений. Видимо, пришло время провести инвентаризацию сотрудничества двух стран в агросфере, с тем чтобы придать ему новый импульс и сконцентрировать усилия на наиболее перспективных направлениях.

В тщательной проработке нуждается и вопрос о возможном сотрудничестве России, Китая и Индии по аграрной проблематике в

ВТО (после окончательного вступления России в эту организацию) и на рынках третьих стран.

На наш взгляд, обозначившаяся в 2007–2008 годах тенденция роста мировых цен на зерно, молочные и мясные продукты усиливает объективную потребность налаживания сотрудничества трех стран в агросфере.

Что касается дальнейшего развития совместной работы в области высоких технологий, то, возможно, решающее значение приобретает фактор наличия у трех стран продуктов национальной интеллектуальной собственности, адекватной оплаты права пользования ими и защиты прав интеллектуальной собственности в целом.

Эффективность трехстороннего сотрудничества существенно возрастет, если страны не будут бояться затрагивать сложные, чувствительные сферы взаимодействия. На сегодня к ним относятся в первую очередь сотрудничество в военно-технической области, барьеры на пути взаимной торговли, фитосанитарные и экологические требования, проблемы выработки приемлемой формулы цены на углеводороды и электроэнергию.

Трехстороннее взаимодействие России, Китая и Индии опирается на серьезные заделы и предпосылки. Но его эффективное продвижение не придет автоматически, само собой. Над ним надо последовательно и целенаправленно работать политикам, бизнесменам, экспертному сообществу этих трех стран.

МИРОВОЙ КРИЗИС И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Глобальный финансовый кризис и порожденная им перспектива резкого снижения темпов роста мировой экономики весьма болезненно отразились на народнохозяйственных комплексах Китая, Индии и России. Общим для трех стран моментом стало значительное снижение в 2008 году рыночной стоимости ценных бумаг. По состоянию на 29 октября 2008-го в КНР сводный индекс курса акций на Шанхайской бирже снизился на 67,3 % в местной валюте и на 65,1 % в долларовом исчислении по сравнению с показателем на 31 декабря 2007 года. Российский индекс РТС упал за этот же период соответственно на 69,1 % и 71,9 %, в Индии падение составило 55,4 % в местной валюте и 64,6 % в долларовом исчислении. Во всех трех случаях глубина падения курсовой стоимости ценных бумаг превысила средний мировой показатель, составивший 43,9 %.

Последствия ухудшения конъюнктуры в западных странах стали пока еще не столь болезненными, но уже вполне ощутимыми для материального производства и сферы услуг России, Индии, Китая.

С середины 2008-го повсеместно снижаются объемы производства в черной металлургии и пошиве одежды. В Индии, судя по всему, серьезные потери несет аутсорсинг деловых услуг — отрасль, развивавшаяся успешнее многих, но и больше других зависимая от западных заказов.

Для России наиболее чувствительно двукратное снижение мировых цен на нефть во второй половине 2008 года.

В КНР первыми пострадали развитые приморские провинции Гуандун, Цзянсу, Чжэцзян, которые поставляли на западный, прежде всего американский, рынок широкий ассортимент текстильных изделий, обуви, игрушек, бытовой электроники и электротехники.

В то же время огромный внутренний рынок сбыта, диверсифицированная товарная и географическая структуры внешней торговли, крупные инвестиционные заделы предшествующего динамичного периода позволяют с осторожным оптимизмом смотреть на перспективы прохождения Китаем, Индией и отчасти Россией кризисной фазы развития мировой экономики. Она, похоже, продлится полтора-два года — с середины 2008-го по начало или середину 2010 года. Именно на подобный вариант развития событий ориентируется, например, Международный валютный фонд в прогнозе от 6 ноября 2008-го. Ожидается, что темпы роста Китая, Индии и России снизятся (в 2009 году они могут составить соответственно 8,5 %, 6,3 %, 3,5 %). Но эти страны наряду с Бразилией сохранят роль локомотива глобального роста, что позволит предохранить мировую экономику в целом от сползания в рецессию. Прирост мирового валового продукта в 2009-м прогнозируется на уровне 2,2 % по сравнению с 3,7 % в 2008 году.

Кризисные явления способны стать стимулом к большей координации трех стран и Бразилии (формат БРИК) в валютно-финансовой сфере. По крайней мере, об этом шла речь на встрече министров финансов и руководителей центробанков этих государств 7 ноября 2008-го (г. Сан-Пауло). На ней, по оценке аналитиков, «выработана совместная позиция» в преддверии последующих встреч в рамках *G20* как на министерском, так и на высшем государственном уровне.

В борьбе с наступившими «экономическими заморозками» такой резерв, как развитие и углубление трехстороннего сотрудничества России, Индии и Китая, может сыграть весомую позитивную роль. Взаимодействие в трехстороннем формате опирается на серьезные заделы и предпосылки. Но успех не придет автоматически, над ним надо последовательно и целенаправленно работать политикам, бизнесменам, экспертному сообществу этих трех стран.

Строительство наций

Международная идиллия в Советской Грузии. «Смехач», 1924 г.

“*Национализм по-прежнему воплощает проявление категоризации себя и «другого». Но из этого не следует, что различия предопределяют непримиримый антагонизм. Интерес к совместимости национализма с либеральными ценностями, которая еще недавно казалась идеологическим нонсенсом, растет на глазах*”

Возможен ли конструктивный национализм?

Леокадия Дробижева

176

Полигон модернизации и «витрина успеха»

Михаил Деягин

190

Возможен ли конструктивный национализм?

Негативный потенциал
и созидательное строительство

Леокадия Дробижева

В 2008 году ситуации вокруг Косово, Абхазии и Южной Осетии вновь продемонстрировали явную коллизию между принципами права наций на самоопределение и территориальной целостности государств, а также то, как сложно найти ответ на вызовы сепаратизма. В мире снова повысился интерес к феномену национализма. Эксперты и политики пытаются определить различные типы национализма, понять, чем отличается этнический национализм от национализма гражданского и в чем состоит потенциал последнего. Стало очевидно, что этнический национализм жив. Но если его проявления неизбежны, можно ли перевести его в либеральные, ненасильственные формы?

КЛЮЧИ К ПОНИМАНИЮ НАЦИОНАЛИЗМА

Споры о силе, влиянии и практических последствиях национализма не утихают десятилетиями. «Нет в мире силы мощнее», — писал Майкл Линд в 1990-х. «Национализм далек от смерти», — утверждает десятилетием позже американский политический социолог Майкл Манн. Американский историк Джерри Мюллер рассуждает об устойчивости этнического национализма («Россия в глобальной политике», № 3, 2008 г.). О расхождениях между тем, что националисты декларируют и что они делают на практике, писал еще в 1970-х годах Эли Кедури. В последующие десятилетия данная проблема обсуждалась Эрнестом Геллнером и Эриком Хобсбаумом. Речь, конечно, прежде всего идет об этническом национализме.

Л.М. Дробижева — д. и. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, руководитель Центра исследований межнациональных отношений ИС РАН.

В литературе и политической практике принято различать **гражданский**, или, как его именовал известный историк Ганс Кон, западный, национализм по модели Франции и Великобритании. Его также называют рациональным, основанным на преданности государству, свободном самоопределении личности. Именно в этой плоскости лежит американское понимание нации.

Вторым вариантом является этнокультурный, или **этнический**, национализм. Его считают иррациональным — ведь он апеллирует к «голосу крови», «совместной истории» и основан на преданности народу, который имеет определенную культурную базу. Такую модель принято называть «немецкой», именно к ней ближе всего срез российских представлений о нации и национализме.

Национализм определяют как идеологию, согласно которой интересы и ценности нации как группы обладают приоритетом перед другими интересами и ценностями. Нация должна быть как можно более независимой, она стремится иметь, как писал об этом Геллнер, «политическую крышу». В сложных, «многонациональных», государствах это может означать стремление к достижению автономии или даже сецессии. Таким образом, национализм — это всегда политическое движение, нацеленное на завоевание либо удержание политической власти, всегда вызов для центра.

Два обстоятельства побуждают вновь обратиться к теме этнонационализма.

Первое связано с растущим разрывом между популистскими, идеологизированными политическими взглядами и научными разработками проблем национализма.

Второе — стремление еще раз обратить внимание на вариативность национализма, определяющую отношение к нему со стороны общества.

Феномен национализма подобен айсбергу: лишь верхушка находится на поверхности, бóльшая же часть скрыта от непосредственного наблюдения. В зависимости от социально-политического контекста подводная часть всплывает, обнажая свои округлые или острые края. Задача общества — выработать такое отношение к нему, которое не позволит айсбергу потопить неустойчивый корабль полиэтнической социальной системы в период перехода к демократии, не позволит нарушить хрупкий баланс в мировом сообществе.

Отношение к национализму менялось циклически. Образование новых государств на обломках великих многонациональных импе-

рий конца XIX века проходило после Первой мировой войны под знаком национального самоопределения. Но эта позитивная валентность национализма быстро исчерпала себя в течение первого же послевоенного десятилетия, еще до прихода фашизма с его экспансионистскими установками и всего, что из него следовало, — шовинизма, расизма, антисемитизма.

Новая эйфория самоопределения возникла после Второй мировой войны в связи с освобождением народов Европы от нацистской оккупации и последовавшим затем распадом заморских колониальных империй. Но и на этом этапе либеральная традиция поддержки самоопределения наций была скорректирована проявлениями расизма и воинствующей этничности. Недоверие развитых демократий к националистическим убеждениям укрепил союз национализма с левым антиколониализмом.

В 1990-х западный мир не без опасений отнесся к образованию государств на месте распавшегося Советского Союза, хотя в ряде случаев им оказывалась безоговорочная поддержка. Но именно этнические конфликты на постсоветском пространстве и на территории бывшей Югославии подтвердили амбивалентный и небезопасный характер национализма.

Коль скоро и теперь, в конце XX — начале XXI столетия, национализм «третьей волны» в своих агрессивных проявлениях представляется очевидной угрозой, важно проанализировать именно те его виды и формы, которые могут быть совместимы с переходом к демократическому обществу.

Проблема совместимости демократического транзита с национализмом не нова, но от этого не становится менее сложной. Признанные специалисты в области демократического транзита считали внутригосударственное единство, устойчивую общую идентичность граждан важнейшими условиями успешности процесса демократизации. Этнонациональные разногласия, ведущие к различным формам национализма и подъему национальных движений, наоборот, расцениваются как препятствие для достижения демократизации общества.

В развитых демократических государствах также сохраняются этнонациональные проблемы и националистические устремления (например, Баскония в Испании, Корсика во Франции, Квебек в Канаде, Северная Ирландия и Шотландия в Великобритании, фламандцы и валлоны в Бельгии). Однако специалисты обращают вни-

мание на готовность большинства жителей этих стран справляться с возникающими трудностями ненасильственным путем через демократические институты. Но и в таких обстоятельствах острые формы этнонационализма, порождаемого нерешенностью проблем национального и территориального единства и идентичности, трудносовместимы с демократией.

Данный вывод логичен с точки зрения демократизации. Но он остается дискуссионным с позиций национализма. Ведь именно с демократизацией обычно связывают возможность свободного волеизъявления, чем не всегда в благих целях пользуются этнические лидеры. Не случайно те, кто стоял во главе национальных движений на территории Советского Союза (например, лидеры Народного фронта Эстонии и «Саюдиса» в Литве), требовали прежде всего развития процесса демократизации.

Ученые, осуществившие кросснациональные исследования под руководством американского ученого Тедда Гурра, делали вывод о том, что этнические группы в демократизирующихся обществах получают значительные возможности для политической мобилизации. Проблема состоит в том, что в условиях утверждающихся демократий нет еще стабилизирующего ресурса — традиции диалога, длительных переговоров, необходимого уровня толерантности, эффективных институциональных механизмов для достижения межгруппового согласия, которые могут использовать государства, имеющие более длительный опыт демократического развития.

В этих условиях определяющее значение имеют по крайней мере три теоретико-методологических принципа, доказавшие свою эффективность.

Во-первых, национализм следует рассматривать в исторической перспективе, понимая отличия его типов, относящихся, например, к XVIII веку, от современных и осознавая тот факт, что каждый конкретный национализм способен трансформироваться. Ганс Кон успешно продемонстрировал такой подход, исследуя Европу. Ему принадлежит вывод о том, что история национализма — это постоянное вырождение рационального начала в некое безумие, наиболее ярко проявившееся в национал-социализме с его войнами, насилием, мессианским авторитаризмом.

Во-вторых, тот же Кон на европейском материале показал, насколько важен для анализа национализма сравнительный, кросскультурный принцип. Сопоставлять имеет смысл сложившиеся

в последние два столетия представления о нации: «французское», исходящее из идеи свободного сообщества граждан государства, основанного на политическом выборе, и «немецкое», базирующееся на культуре и общем происхождении.

Но и эти давно сложившиеся формы не являются застывшими. Энтони Смит, глядя на явление национализма более глобально, чем европоцентричный Кон, отказывался резко противопоставлять «западный» (гражданский) национализм «восточному» (этнокультурному). В конечном счете обе модели имеют как культурную, так и территориальную основу. О том, что этническая и гражданская модели национализма не только накладываются друг на друга, но и со временем могут даже менять свое значение на противоположное, писал в 1990-х годах Роджерс Брубейкер.

В-третьих, даже те исследователи, которые открыто стоят на конструктивистских позициях (если они не предвзятые специалисты), признают, как, например, Рон Суни, важность контекста (конструктивисты и, в частности, инструменталисты понимают этничность как ментальный конструкт, создаваемый самим индивидом. — Ред.). Национализм добивался большего успеха там, где этому предшествовало наличие некой территориальной, языковой либо культурной общности, общей исторической памяти, которая используется как исходный материал для интеллектуального националистического проекта. Опыт шотландского, баскского, эстонского, литовского национализмов подтверждает этот вывод.

Именно социальный и экономический контекст определяет процесс развития националистического дискурса, националистической политики и практики. Известно, какое решающее значение исследователи и политики, стоящие на конструктивистских и инструменталистских позициях, придают деятельности элит в трактовке понятия нации и формировании идентичности. Но насколько велик ресурс интеллектуальной мощи элиты, выражающей и формирующей идеи национализма, и вместе с тем насколько готовы те или иные социальные группы и вся масса населения поддержать ее идеи? Это зависит от состояния общества. Следует учитывать уровень экономического развития, политическую структуру государства, социально-культурные факторы, в том числе нормы и ценности, доминирующие в обществе, степень доверия политическим институтам, чувство гражданства и взаимопонимания граждан, степень осознания единства государства и проч.

ТИПЫ НАЦИОНАЛИЗМА

Изучая межнациональные отношения на советском и постсоветском пространстве, мы выделили шесть типов национализма.

Классическим национализмом следует считать тот, при котором все культурные обоснования (необходимость государственного языка, сохранение своей нормативной, художественной культуры), исторические, геополитические, экономические аргументы подчиняются цели расширения государственной самостоятельности, а затем и независимости (сецессия). Наибольшее распространение такой национализм получил в прибалтийских республиках, где националисты использовали весь «букет» аргументов: критику пакта Риббентропа — Молотова, требование контроля за использованием природных ресурсов, концепт самохозяйствования.

Другой была идеология и политика элит в республиках Российской Федерации. Ни в Татарстане, ни в Башкирии, ни в Якутии, ни в Туве, ни в других республиках (за исключением Чечни) доминирующие элиты не ставили вопроса о полной независимости от России. Речь шла лишь о «разделенном суверенитете», когда часть прав передается в федеральный центр. В одних случаях делалась заявка на большие права в финансовой, экономической, культурной и политической сферах, в других — в основном на право распоряжаться природными ресурсами и право управления культурой. В наиболее выраженной форме претензии на расширение прав имели место в Татарстане в 1990—1993 годах. Такой национализм можно назвать **паритетным**.

В центре идеологии и политической практики фигурировало именно разделение прав на основе свободной передачи их части федеральному центру. Как следствие, предполагалось осуществление политики, при которой контактирующие этнические группы (в Татарстане, к примеру, татары и русские) пользовались равными правами, что выражалось в законодательном признании двух государственных языков, в совпадающем дискурсе политического руководства республик и в доминирующей социальной практике.

В таких республиках, как Башкирия и Якутия, фокус идеологических и политических устремлений концентрировался на хозяйственной и культурной сферах, но приоритет отдавался идеям, которые соответствовали **экономическому** национализму.

В Карелии и Коми, где титульные национальности были в демографическом меньшинстве, речь шла главным образом о под-

держке культурной самобытности, языка, что соответствует идеям **культурного** национализма.

В других республиках, в частности в Северной Осетии и Ингушетии, доминировали идеи защиты: защиты территории, влияния на пространстве, возвращения потерянных земель. Немцы Поволжья, к примеру, пытались восстановить свою автономию, а ингуши — добиться переноса административной границы Ингушетии и Северной Осетии и передачи Пригородного района в состав своей республики.

Идеи **защитного** национализма присутствовали и среди идеологов русского национализма (защита экологии Байкала, защита русской деревни писателями-деревенщиками, защита крестьянства, потерявшего свою наиболее активную часть в лице раскулаченных и сосланных работников).

На постсоветском пространстве предпринимались попытки осуществления идей **модернизационного** национализма. В конце 1980-х — начале 1990-х, когда от Таллина до Вильнюса выстраивалась «Балтийская цепь», молдаване вспомнили о своем родстве с румынами, Армения стала воевать за Нагорный Карабах, а молодые реформаторы в центре России с горечью заговорили о том, сколько средств уходило из российских регионов на периферию. Строились предположения о том, что если проект демократизации и модернизации России окажется успешным, то разбегающиеся республики сами захотят вступить в Российскую Федерацию.

Модернизацию как аргумент в пользу самостоятельности выдвигали и региональные лидеры — например, в том же Татарстане из-за опасений возвращения коммунистов к власти в Москве в 1993 году. Идеи частной собственности на землю, открытых инвестиций нельзя осуществить путем реставрации прежнего режима. Модернизационный национализм обычно появляется на наиболее развитых территориях в полиэтнических государствах (Россия конца 1980-х — начала 1990-х по сравнению с большей частью союзных республик бывшего СССР, Татарстан по сравнению с менее развитыми регионами России, Каталония по сравнению с другими областями Испании).

НАЦИОНАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВО

Национализм нельзя понять вне связи с государством. Национализм — это всегда попытка идеологически легитимировать захват контроля над государством. Вместе с тем это и реакция на чрез-

мерное вмешательство государства, ощущаемое меньшинствами в его составе.

Вполне естественно, когда федеральный центр в многонациональном государстве предпринимает усилия по гомогенизации населения в надежде избежать развития национализмов в сепаратистские движения. Но, несмотря на все благие намерения, формирование чувства общности слишком часто превращается в лучшем случае в функцию бюрократической машины, насаждающей унификацию и ассимиляцию. И только по этой причине подобные попытки могут отвергаться или, по меньшей мере, критически восприниматься гражданами.

Причем сопротивляются не обязательно меньшинства. Тенденция унификации не может нравиться и гражданам, населяющим территории, где проживает этническое большинство. Неоднократно в разных регионах Северо-Запада, на Урале, в Южном федеральном округе приходилось слышать: «Центр нас не чувствует», «Центр не считается с нашими интересами, и это мешает утверждению гражданской нации, единства в стране». В регионах, населенных другими этническими группами, такие настроения приобретают этническую окраску.

Так происходит и в других странах, в том числе имеющих давние и прочные демократические традиции. Бельгия, Канада, Швейцария не избежали тенденций этнического национализма. Как показал в своих работах Джон Брейли, национализм может быть продуктом и следствием именно государственного нациестроительства. Проваливающиеся попытки подобных экспериментов вызывают обратный результат — еще более ярко выраженные всплески этнического национализма.

Даниел Конверси уточняет: «Избыток чересчур усердствующего централизма часто вызывал гомеостатическую реакцию, которая в свою очередь породила мощное движение национализма на периферии». О националистическом подъеме, сопровождающем усилия государства по этнической гомогенизации общества, пишет и Тэдд Гурр. Именно ответная этническая мобилизация способствовала в Испании подъему баскского и каталонского национализмов, придавших культурным маркерам этнической группы политическую окраску.

Так же болезненно воспринималась в начале 1990-х годов русским и украинским меньшинствами дискриминационная политика молдавского государства в отношении использования там соответ-

ствующих языков. Примерно та же ситуация сложилась в Южной Осетии и в Абхазии в связи с политикой Грузии в поздние 1980-е и в начале 1990-х. Протест среди части татарской интеллигенции вызвало решение Государственной думы Российской Федерации о запрете перехода татарской письменности с кириллицы на латиницу.

В большинстве национальных движений на постсоветском пространстве политические трения вокруг статуса языков, несомненно, сыграли мобилизующую роль. Язык, его статус становится в современном обществе социальным ресурсом, поэтому идеологи этнонационализма придают ему не менее важное значение, чем борьбе за другие ресурсы – природные либо политические. Вообще, на конфликте вокруг тех или иных ресурсов идеологами выстраиваются этнические границы, маркеры которых чаще всего культурные.

Поводом для подобного рода демаркации могут служить и другие интересы. Например, для русских, проживающих в республиках РФ, разделителем стал доступ к участию в региональной власти. Именно он превратился в механизм социальной категоризации и сопоставления, а в каких-то случаях и противопоставления этнических групп.

Психологи считают, что чем меньше различий между контактирующими этническими группами, тем с большей силой проявляются претензии на основании все же имеющихся различий. Возможно, поэтому индустриализация, урбанизация и глобализация, стирая этнические границы, не привели к их исчезновению, которое прогнозировалось как во времена Макса Вебера и Карла Маркса, так и современными теоретиками глобализации. На оригинальном материале новых «силиконовых долин» это убедительно показывает Томас Фридман в книге «Плоский мир».

ВОЗМОЖНОСТЬ ЛИБЕРАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Национализм по-прежнему воплощает проявление категоризации себя и «другого». Но из этого не следует, что различия предопределяют непримиримый антагонизм. На вопрос, могут ли под крышей одного государства мирно ужиться сразу несколько национализмов, может быть дан положительный ответ. Само признание того факта, что национализм бывает разным, предполагает, что какие-то его виды, типы, формы могут при определенных условиях в большей или меньшей степени сочетаться с либерализмом и демократией.

Важнейшие из этих условий лежат в сфере политической этики. Одного желания этнических лидеров недостаточно, чтобы манипулировать массами. Стоит ли затрагивать те или иные струны в сердцах и умах людей? Говорят, что жизненный опыт мало чему учит человека, но опыт многих людей научить может. И тогда сами профессионалы, идеологи национализма начинают искать пути, как избежать насилия и антагонизма.

Проблема совместимости национализма с либеральными ценностями приобрела наибольшую известность благодаря статье Майкла Линда «В защиту либерального национализма» (*M. Lind. In Defence of Liberal Nationalism // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73. № 3. May–June. P. 87*). Линд утверждает, что недоверие к национализму даже в его либеральной, демократической и конституционной форме — грубое заблуждение. Такое недоверие предполагает слепую поддержку любых, в том числе деспотичных, многонациональных государств. Представление о национализме как устаревшем явлении из архаического прошлого — это предубеждение, которое не соответствует политической практике. Не все случаи сепаратизма плохи, а политика поддержки целостности многонациональных государств любой ценой не всегда хороша.

Справедливо и то, что отделение одной нации (порой и нескольких) не означает, что каждое многонациональное государство готово рассыпаться, как картонный домик. А многонациональность государства отнюдь не является непреодолимым барьером для его демократизации. Важно лишь разработать механизм разделения власти между этническими группами. Как удачные Линд приводит примеры Бельгии, Канады, Швейцарии. Не стоит, с его точки зрения, бояться и сверхмощных многонациональных государств типа Советского Союза или современной России, если, конечно, они создаются на добровольных началах. Оказывается, национализм вполне совместим с либеральными ценностями при соблюдении двух важнейших условий — возможности свободного выбора человеком своей национальности и мирного обеспечения прав культурных меньшинств.

Интерес к совместимости национализма с либеральными ценностями, которая еще сравнительно недавно казалась идеологическим нонсенсом, растет на глазах. И это не случайно. Этнические чистки, агрессивный сепаратизм, декларирование самоопределения — все эти проблемы Западу приходится теперь решать не за морями, а в своих либо соседних государствах. Россия также вынуждена

искать ответы на внешние и внутренние вызовы национализма, которые на глазах становятся всё мощнее и многообразнее. Дело тут не только в позиции руководства страны по вопросу о статусе Косово или Абхазии, но и в ситуации, которая сложилась в собственно российских регионах, а также в том, насколько способны представители разных этнических групп осознать свою общность и готовность к ненасильственной реализации собственных интересов.

Журнал *Nation and Nationalism* провел целую дискуссию в связи с выходом книги Дэвида Миллера «О нации» (*On nationality*). Миллер оспаривает положение, что национализм — идеология правых сил, поддерживающих авторитарные режимы, враждебные либерализму и демократии, и утверждает, что либеральный национализм предполагает комбинацию социальной демократии внутри страны с «исключительно либеральной доктриной формального равенства на международной арене». При этом идея социальной справедливости, по Миллеру, живет только внутри сообщества, «имеющего представление об общей судьбе».

Брендан О'Лири, принимавший участие в дискуссии, обратил внимание на соблюдение либеральных требований в отношении меньшинств. Действительно, добившиеся суверенитета народы в новых государствах нередко сами не соблюдают прав меньшинств — такие примеры есть и в странах постсоветского пространства. О'Лири считает, что либеральное общественное мнение должно добиваться введения процедур и мер предосторожности, гарантирующих коллективные права меньшинств и индивидуальные права человека. Правда, все это больше напоминает советы просвещенному общественному мнению в ситуации прискорбного отсутствия в новых государствах соответствующих традиций, институтов и согласованных политических процедур реализации предлагаемых мер.

ДОСТИЖИМОСТЬ ИДЕАЛА

Анализируя накопленные теоретические разработки, можно, по-видимому, говорить о либеральном национализме при соблюдении следующих условий:

- государственность декларируется от имени всех граждан, проживающих на данной территории, или народа в понимании сообщества людей, проживающего на данной территории;
- устройство государства относится к либерально-демократическому типу, обеспечивающему верховенство законов, всеобщее из-

бирательное право, представительный характер власти, выборность власти как формы реализации принципа представительства, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную;

- обеспечивается политическое и правовое равенство граждан, в том числе право быть избранным на государственную должность;

- допускаются плюрализм и свобода политической деятельности, свобода слова, право формулировать и отстаивать политические альтернативы; возможность внутренних разногласий при обсуждении ценностей, идеалов, в том числе национальных, этнокультурных, лингвистических, сути самой общности и ее границ в приемлемых для дискутирующих сторон формах, избегающих экстремизма и насилия;

- наличествуют политические институты, обеспечивающие разнообразие культур, права меньшинств;

- гарантируется свободное право личности на выбор национальности.

Большинство перечисленных принципов характерны для развитых, или, как говорят, консолидированных, демократий. Это практически идеал. Безусловно, пытаться сформулировать такой идеал на все времена и для всех народов означало бы впасть в опасную иллюзию. Демократия – это процесс развития, расширения и обновления идей и принципов, институтов и процедур. Либеральный национализм тоже способен обновляться в своих принципах, институтах, процедурах, оставаясь целью, к которой национально ориентированные общественные силы, лидеры, властные структуры проявляют готовность стремиться, хотя не всегда и не во всем ее достигают.

Сама демократия не гарантирует достижения многих целей: всеобщего благоденствия, мира, в том числе решения этнонациональных проблем. Но имеет смысл сосредоточиться на обсуждении условий, при которых народы предпочитают самоопределение не в форме отделения, а в виде различных типов автономий, и национализм (а в российском случае – чаще этнонациональный сепаратизм) удается перевести в либеральное русло.

Такие условия, естественно, бывают объективными и субъективными. К **объективным** условиям, повышающим готовность к либеральным формам национализма, можно отнести следующие аспекты.

Первое. Этнический состав территории. Чем меньше доля титульной национальности, тем больше она должна считаться с волей

другой части населения, думать об обеспечении поддержки с ее стороны, либерализовать этническую политику, выдвигать цели и задачи, достижение которых будет гарантировать единство всего полиэтнического сообщества.

Второе. Территориальное положение. Если республика либо самоопределяющаяся этническая общность не имеет внешних границ, ей трудно ставить себе целью сецессию, радикальный сепаратизм. Все ставшие самостоятельными бывшие союзные республики СССР, так же как и Абхазия, Южная Осетия, Чечня, имели внешние границы. Отсутствие таких границ накладывает ограничения на сепаратизм и стимулирует поиск мирных решений. Это не значит, что либеральный национализм, к примеру, в Чечне обречен, — это лишь значит, что в Татарстане у него больше шансов, а Татарстан со временем может стать образцом для воспроизводства.

Третье. Ресурсы группы, заявляющей о своих притязаниях, уровень ее модернизации. Речь идет не только о материальных ресурсах, обеспечивающих самодостаточность жизнедеятельности, но и об интеллектуальных. Чем более представлен слой интеллектуалов, чем больше среди них компетентных людей, знакомых с мировым опытом и международными подходами к решению этнонациональных проблем, тем больше шансов на ведение переговоров на уровне учета интересов сторон. Представляются особенно важными состав политической элиты и уровень ее профессиональной подготовки. Эстонцам было заметно легче достигать более или менее либеральных путей решения национальных проблем, чем, например, молдаванам. У татар в этом отношении больше возможностей, чем, скажем, у чеченцев либо тувинцев.

Возможность либерального национализма также зависит от внутренних и внешних **субъективных** факторов.

Во-первых, чем выше легитимность и устойчивость центральной власти, ее сплоченность и организованность, тем меньше шансов у регионалов играть на противоречиях, доводить дело до ультимативных форм взаимодействия, и в то же время им легче договариваться о разделении полномочий и предметов ведения.

Во-вторых, велико значение государства, развития в нем демократических структур, обеспечивающих участие во власти представителей народов, их голос в средствах массовой информации, наличие в государственной структуре устойчивых механизмов регулирования конфликтных ситуаций.

В-третьих, нельзя ожидать либерализации этнонационализма, ослабления сепаратизма, если в государстве происходит эскалация национализма шовинистического толка, если в распределении общегосударственных ресурсов присутствует волюнтаристский момент, наличествуют клиентарные отношения.

В-четвертых, всегда приходится иметь в виду, что перепроизводство образованных людей создает препятствие для продвижения, карьеры и стимулирует недовольных делать ставку на культурные притязания. Национализм становится той потенциальной отдушиной, в которую выплескиваются фрустрации и интеллектуальная не востребованность, превращается в бунт «маргиналов». Поэтому стабилизировать эскалацию этнонационализма удастся именно тем руководителям республик в составе Российской Федерации, которые стараются включить в правительственные структуры или использовать какими-то иными путями потенциальных идеологов национализма, не замеченных в экстремизме. Татарстан и Якутия — это достаточно успешные примеры такого способа «тушения» этнического экстремизма.

В-пятых, все более значимым становится внешнее влияние. Надежда на поддержку либо, наоборот, осуждение мировым общественным мнением, несомненно, корректирует поведение лидеров как на сепаратистских или потенциально сепаратистских территориях, так и в центре. Более четкое определение на уровне мирового сообщества позиций по таким вопросам, как возможные формы самоопределения, отношение к хельсинкским принципам, к экстремизму, терроризму, приобщение политиков, общественных лидеров, ученых к решению этнических проблем, к обеспечению мирного сосуществования людей разной этнической принадлежности, — это более надежный способ, чем демонстрация силы при урегулировании конфликтов.

Естественно, перечисленные условия, которые обеспечивают возможность появления либеральных форм национализма, присутствуют далеко не всегда. И даже их наличие не гарантирует достижения желаемых целей. Тем не менее именно они создают и расширяют возможности либерального национализма и недопущения насилия.

Полигон модернизации и «витрина успеха»

Что делать России с Абхазией и Южной Осетией

Михаил Делягин

Вынужденная обстоятельствами поддержка Абхазии и Южной Осетии может стать катализатором российской модернизации. Эти территории весьма различны и требуют разного подхода.

Стихийное развитие превратит Абхазию в курортно-военный придаток России, что недопустимо, поскольку чревато осложнением отношений и утратой имеющихся возможностей. Россия должна выстроить в Абхазии недостающие элементы своей экономики — не столько курортные, сколько технологические и финансовые. Создание вынесенных вовне (и потому защищенных от наших клептократии и монополий) инструментов модернизации станет ее репетицией в самой России.

Постановка задачи присоединения Абхазии к России сейчас непозволительна из-за ошибок прошлого, включая российское вмешательство в ход президентских выборов, сплотившее абхазскую элиту вокруг идеи независимости от России.

Южная Осетия как субъект экономики не существует в силу незначительных масштабов, что стало результатом состояния экономики и крайне низкого качества управления. России следует навести в финансах республики элементарный порядок, подготовив тем самым воссоединение осетинского народа в рамках Российской Федерации.

АБХАЗИЯ СЕГОДНЯ: КУСТАРНЫЙ СЕРВИС

Современное состояние экономики Абхазии можно охарактеризовать как кустарный сервис. Из-за войны и блокады население республики сократилось с 525 тыс. человек в 1989 году до более 215 тыс. жителей ныне. 44 % — абхазы, по 21 % — армяне и грузины

М.Г. Делягин — д. э. н., директор Института проблем глобализации.

(включая менгрелов и сванов), 11 % – русские, 1 % – греки. Более четверти населения получает пенсии и пособия.

Абхазия – зона особых интересов России и Турции (где проживает полумиллионная абхазская диаспора). Торговля обеспечивает 60 % ВВП, а сотни тысяч российских туристов «принесли» в 2007-м треть налогов и 40 % экспортной выручки.

Электроэнергия поступает с Ингурской ГЭС (работает на 70 % мощности): половину получает Грузия, половину – Абхазия, которая потребляет приблизительно 30 %, а около 20 % экспортирует в Краснодарский край. Сотрудничество обусловлено технологическими обстоятельствами: плотина ГЭС находится в Грузии, а подземная электростанция и четыре перепадные ГЭС – в Абхазии. Сухумская ГЭС разрушена, а сократившиеся потребности отменяют необходимость ее восстановления. До войны работала 21 малая ГЭС, но лишь две можно вернуть в эксплуатацию.

Государство не считает нужным привлекать иностранный капитал в энергетику, но износ основных фондов требует крупных инвестиций, вопрос об источнике которых остается открытым. В 2008 году тарифы на электроэнергию были резко повышены.

Состояние автодорог оставляет желать лучшего. Основной транспорт – изношенные автомобили и автобусы, на замену которых денег нет. Имеется два удобных аэропорта с восстановленными взлетно-посадочными полосами и три морских порта, пригодные для эксплуатации.

Железная дорога однопутная, она используется для перевозок туристов до Сухуми и для экспорта угля. Подвижной состав изношен и требует списания либо капремонта. Вокзалы заброшены и разрушаются, хотя билетные кассы подключены к российской системе «Экспресс-3». Последний внутриабхазский пассажирский поезд отменен в 2008-м.

Сотовый оператор «А-Мобайл» (совместное предприятие правительства и абхазских инвесторов) в конце 2006 года разрушил монополию «АкваФона», аффилированного с «МегаФоном».

До войны в сельском хозяйстве преобладали посадки эфиромасличных культур, табака и овощей. Впоследствии вывоз и переработка прекратились, сельское хозяйство превратилось в инструмент выживания, и почти вся обрабатываемая земля была занята под кукурузу с небольшими вкраплениями табака (для нужд самой Абхазии). Резко уменьшилось поголовье крупного рогатого скота, коз и овец.

Сначала из-за угонов и истребления, а затем в результате сокращения кормовой базы.

Выращивание овощей и citrusовых для России и курортников набирает обороты, но остается кустарным. До недавнего времени Абхазия обеспечивала себя мясными и молочными продуктами лишь на 40 %. Значительна доля импорта даже овощей, фруктов и растительных масел. Машинно-тракторный парк резко сократился, более 90 % его превысило все сроки амортизации.

До последних лет, когда в Абхазию стали поступать инвестиции из России, не работало ни одно предприятие мясомолочной и консервной промышленности; эфиромасличная промышленность не проявляет признаков жизни и сейчас. Из 183 промышленных предприятий функционирует около 60, производство упало в десятки раз.

Правда, в 2007-м начался рост производства стройматериалов (в преддверии зимней Олимпиады в Сочи), а туризм стимулирует сельское хозяйство и виноделие.

Экономика Абхазии высокоубыточна: в I квартале 2008 года общая прибыль (59 млн руб.) составила лишь 53,4 % от убытков (110,4 млн руб.), которые за год выросли на 36,2 %. Бюджет в 2007-м, как и в предыдущем, бездефицитен: дефицит просто нечем покрывать. Доходы — 1,43 млрд руб. — превысили план на 15,1 %, причем 434 млн руб. — «вливания извне» (вероятно, помощь России). Расходы составили 1,42 млрд руб., главная их статья (после армии и милиции — 484 млн руб.) — образование (174,8 млн руб.). В бюджете-2008 доходы выросли до 1,6 млрд руб., расходы — до 1,59 млрд руб. (почти половина из них — 733,6 млн — идет на зарплату), что с учетом инфляции и роста экономики означает снижение доли бюджета в ВВП.

Банковская система — это 14 небольших банков, которые с 2004 года открывают корсчета в России. В I квартале 2008-го она стала прибыльной, что отражает ее вывод «из тени».

Экспорт и импорт относятся как 3 к 7 (дефицит покрывается за счет денег туристов). Две трети внешней торговли приходятся на Россию. Сырье и необработанная сельхозпродукция дают более 90 % товарного экспорта, в том числе citrusовые — 35 %, уголь (80–100 тыс. тонн в год), фрукты (прежде всего хурма), фундук, чай и овощи — 20 %, круглый лес — также 20 %. Под последним понимается экспорт ценных пород древесины в Турцию в результате хищнической вырубке реликтовых горных буково-дубово-каштановых лесов.

До 15 % экспортных доходов поступает от предоставления Турции в аренду морского шельфа для рыбного промысла. Со слов местного населения, турки основательно очистили от рыбы прибрежные мелководья.

Промышленный экспорт — до 10 % экспорта — обеспечивают компания «Вина и воды Абхазии» (до эмбарго поставляла в Россию до 1,5 млн бутылок вина в год) и Бзыбский деревообрабатывающий комбинат (продает пиломатериалы, паркет и другие изделия из ценной древесины в Европу). Правительство Абхазии предлагает инвесторам широкую гамму инвестпроектов, заметная часть которых будет «разобрана» после признания независимости.

НАПРАВЛЕНИЯ СТИХИЙНОГО РАЗВИТИЯ

Признание Абхазии способствовало оживлению производства. Ориентированное ранее на обслуживание туристов, а в последний год — на подготовку к Белой олимпиаде в Сочи, оно получит выход на российский рынок. В первую очередь это касается вин и цитрусовых, хотя не стоит недооценивать жесткость внутрироссийских барьеров (например, при доступе на рынок Москвы).

В течение 3–5 лет восстановится традиционная специализация сельского хозяйства: возделывание эфиромасличных культур и табака вытеснит кукурузу.

Возможна добыча нефти на шельфе российскими компаниями (оценка ее запасов, которую в 1998 году Грузия представила компаниям США, составляет 200 млн тонн), что повысит доходы бюджета. Однако без применения экологических технологий ущерб, наносимый природе, не только подорвет главный — рекреационный — ресурс Абхазии, но и надолго омрачит двусторонние отношения.

В Абхазии разворачивается «малая приватизация» — продажа объектов торговли, общепита и «незавершенного строительства» (руин). На очереди приватизация крупных объектов с привлечением иностранного капитала (при этом будет делаться все для поддержания баланса между российскими и остальными, прежде всего турецкими, инвестициями).

Магистральным направлением станет «модернизация в обмен на собственность»: российские инвесторы рассчитывают получать в собственность модернизируемые ими объекты. Расхождение интересов (власти станут стремиться к максимальному контролю) будет порождать коммерческие конфликты, решаемые в частном порядке.

Вероятно использование стандартных схем развития: приватизация обеспечит государство средствами для участия в модернизации транспортной и энергетической инфраструктуры (так, износ линий электропередач уже обесценивает все выгоды от энергоизбыточности республики). Это в свою очередь будет способствовать росту туризма, «вытягивающего» сельское хозяйство и сферу услуг. Сначала в туристической инфраструктуре, а затем и в части крупных объектов начнет реализовываться схема строительство – эксплуатация – передача в пользование.

Российские экономисты указывают, что абхазское побережье может стать «золотым берегом Черного моря и золотым дном российского туризма», так как Абхазия – это «второй Сочи», только расположенный гораздо более удачно. Если в Сочи туристический рынок был построен искусственно, то в Абхазии – в Гаграх, Пицунде, Сухуми – он сложился исторически много лет назад.

Для возрождения туризма (во времена СССР Абхазия принимала около 1 млн организованных туристов в год и примерно столько же неорганизованных) нужна прозрачность структуры и истории собственности объектов недвижимости, чтобы снять опасения их «трофейного» происхождения.

В последние годы земля в Абхазии (точнее, право долгосрочной аренды) активно скупалась российскими инвесторами, которые не афишируют эти приобретения, рассматривая их как задел на отдаленное будущее. На осознание инвесторами факта привлекательности Абхазии уйдет около двух лет (этот срок может быть сокращен властями) и еще два-три года – на строительство новых и реконструкцию старых гостиничных объектов.

Важной особенностью республиканской ситуации являются поистине религиозное отношение абхазов к своей природе и их приверженность идее независимости, в том числе и от России. Обещания абхазских чиновников преследовать радушно приглашаемых ими инвесторов за «рвачество» отнюдь не случайны: это проявления не столько плохого воспитания, сколько патриотизма, который неизменно присутствует как постоянный фактор абхазского инвестиционного климата.

Патриотизм порой трудно выделить на фоне худших черт знакомого всем по Сочинскому региону «курортного менталитета» – стремления к иждивенчеству, мироощущения «все чужаки мне должны», лени и агрессивной зависти к добившимся даже малого успеха.

По данным Торгово-промышленной палаты Абхазии, когда российская группа «Конти» приобрела за 60 млн руб. «остатки стен» гостиницы «Абхазия» в Сухуми, отдельные политики «использовали эту сделку как повод для демагогии». Олег Дерипаска предполагал приобрести дачу Сталина за 10 млн долларов, но политики и пресса подняли шум вокруг этой сделки, инвестор от нее отказался, а дача продолжает разрушаться дальше. Нередкие случаи неадекватного завышения цен и чиновного вымогательства отпугивают даже российских инвесторов. Сервис же в Абхазии производит впечатление не из лучших даже в сравнении с городом Сочи и его окрестностями.

АБХАЗИЯ КАК ПОЛИГОН МОДЕРНИЗАЦИИ

Основная часть экономического потенциала Абхазии может быть раскрыта только за счет капиталов России и доступа на ее рынки, что делает политику Москвы ключевым фактором развития республики.

Важнейшая задача – повышение в Абхазии качества управления, в том числе государственного. Сегодня оно сочетает в себе усердие с отсутствием простейших навыков. Достаточно указать на то, что не существует данных по расчету показателя инфляции, из-за чего республиканские власти судят о своей экономике на основе абсолютных стоимостных показателей.

Передача тривиальных знаний и умений от российских управленцев и экспертов, ранее заблокированная фактом непризнания Сухуми, ускорит развитие республики и позволит России сформировать из людей, «обкатанных» в Абхазии, когорту специалистов для своей модернизации. Их уникальность будет заключаться в опыте созидательной практики (а не воровства) и в «привычке побеждать» (а не в пораженчестве современной российской бюрократии).

Требуются стандартные механизмы «продвижения образа страны», в частности популяризация нетронутой и самоотверженно охраняемой природы с подчеркиванием того, что непризнание Абхазии грозит разрушением экосистемы. Запад не готов помогать людям, но часто поддерживает их «за компанию» с какими-нибудь симпатичными кустарниками. Один фильм канала *National Geographic* о природных достоинствах Абхазии сделает для нее больше, чем самый крупный инвестор.

Необходимо развивать системы коммуникаций до уровня, позволяющего встраиваться в глобальную финансовую инфрас-

структуру, а также интернет-образование и врачебные консультации по Интернету.

Россия нуждается в собственной офшорной зоне. Это инструмент не только уклонения от налогов, но и глобального маневрирования капиталами, объективно необходимый крупному бизнесу, в том числе и российскому. Сейчас он использует соответствующие центры развитых стран, что усугубляет зависимость от последних. Помимо того что офшоры официально приоткрывают данные, существуют неофициальные каналы, по которым власти западных государств следят за движением капиталов в контролируемых ими офшорных зонах, что позволяет влиять и на их владельцев.

Выход российского бизнеса на глобальную арену влечет за собой объективную необходимость создания офшорных зон, контролируемых Россией. Наряду с привлечением иностранных капиталов они станут инструментами глобального и независимого маневрирования капиталов российских. Но размещение офшоров в основной части России опасно: они станут механизмом уклонения от налогов, как в 1990-х годах. Поэтому офшоры должны находиться на особых, «внешних» территориях.

Наряду с Калининградской областью такой зоной может стать Абхазия, точнее (из-за ее непризнанности большинством стран мира), какой-нибудь приграничный населенный пункт в России, который станет формальным регистрационным центром. Абхазия получит доходы в виде зарплаты номинальных директоров и деловой активности, Россия – инструмент глобального маневрирования бизнеса, не находящийся под внешним контролем.

Очевидно, что России нужен близкий и массовый курорт. Для закрепления Абхазии в этой роли нельзя допускать разрушения ее природы. Тогда по части дешевого морского отдыха и инвестиций в недвижимость Абхазия может уже в ближайшие два года стать для россиян аналогом Черногории. Пора избавиться от госплановской мании возводить в курортных местах цементно-бетонные конструкции, строить нефтеперерабатывающие, цементные заводы и пр. Поскольку бедность абхазов не позволяет им выбирать между инвесторами, контроль над экологичностью производств ложится на Россию.

Российскому туризму, главному фактору развития Абхазии, необходима инфраструктура. В рамках советского ВПК была разработана масса эффективных «закрывающих» технологий, названных специалистами российского Минэкономразвития «технологиями-

убийцами» (так как их распространение делает непригодными старые технологии). Малые гидроэлектростанции, позволяющие обеспечивать клиентов энергией от установки, способной использовать любой ручей, производство сверхдешевых бензина и цемента, модульных конструкций и многое другое резко повысят эффективность Абхазии.

В России эти технологии блокируются как международными, так и собственными монополиями, которые эксплуатируют старые технологии, а также косностью бюрократии. В Сухуми такой бюрократии и монополий нет, но зато есть нужда в развитии «любой ценой». Поэтому Абхазия могла бы стать площадкой массового применения подобных технологий, тем более что в СССР она в свое время уже являлась «технопарком» в части исследований, проводившихся в дельфинарии, обезьяньем питомнике и на военных объектах.

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ СЕГОДНЯ: КАТАСТРОФА

Республика Южная Осетия занимает 3,9 тыс. кв. км (лишь втрое превышая по площади Москву) в центральной части южных склонов Большого Кавказа. По оценкам, в ней проживало до нападения Грузии до 80 тыс. человек, в том числе в единственном городе – Цхинвали около 40 тыс. (из них около 24 тыс. стали беженцами). Агрессия Грузии привела к уничтожению основной части остатков производственных мощностей, повреждено большое количество зданий.

Прожиточный минимум в IV квартале-2007 (3 062 руб. в месяц) лишь на 23,5 % ниже, чем в России, при намного более низких доходах населения, что является сертификатом бедности.

До августовской войны промышленность Южной Осетии насчитывала 22 небольших предприятия – по сути, цеха с объемом производства (без НДС) в 61,6 млн рублей (2006). Причем производство сокращалось. О качестве госуправления свидетельствует то, что на момент агрессии данные по 2007 году еще отсутствовали.

Из имеющихся предприятий 10 подведомственны Министерству экономики и внешнеэкономических связей (то есть принадлежат и управляются им). В 2007-м работало семь из них, причем даже без учета инфляции производство сократилось на 11,6 % (на 3,3 млн руб.). Основная часть мощностей простаивает, а функционирующие изношены так, что требуют постоянного «латания на ходу». Большинство предприятий, даже успешных, испытывают нехватку рабочей силы, отягощены долгами и страдают от дефицита оборотных средств.

В текущем году убираемая площадь посевов пшеницы выросла более чем в 10 раз – со 130 до 1,5 тыс. га, ожидался урожай свыше 2,5 тыс. тонн (более 16,7 центнера с гектара). Такой 11,5-кратный рост был вызван намерением приобрести к 18-летию независимости (20 сентября с. г.) мельничное оборудование, что могло бы придать смысл выращиванию пшеницы. Полученная мука отправлялась бы на Юго-Осетинское госпредприятие хлебобулочных изделий (последние полтора десятилетия оно ввозило более дорогую муку, убивая свое производство); ее себестоимость, по обещаниям, снизилась бы вдвое – с 15–16 до 8 руб. за кг. В нынешнем же году Минсельхоз Южной Осетии торжественно ввез в страну два трактора ДТ-75 с оборудованием; до конца года предполагалось закупить «еще несколько единиц сельхозтехники».

ЦЕЛЬ – САМООБЕСПЕЧЕНИЕ

Цель России – вывод к 2011 году экономики Южной Осетии на средний уровень субъектов Южного федерального округа (который состоит, не считая Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, из депрессивных территорий), в том числе по уровню жизни.

На восстановление первых 750 обследованных объектов будет выделено 16 млрд руб. в рамках плана по восстановлению (на 2009–2011 годы), и еще 9,5 млрд руб. потребуются на первоочередные меры. Всего на восстановление Южной Осетии будет направлено 25,5 млрд рублей (в 2009-м намечено выделить 10 млрд руб.), и вероятно, эта сумма вырастет. Так, министр транспорта РФ Игорь Левитин с ходу запросил 40 млрд руб. на реконструкцию дорог Северной и Южной Осетии (на 2008–2015 годы).

Часть денег пойдет через бюджет Северной Осетии. Это означает включение Южной Осетии в бюджетную систему России и позволяет предположить, что республика после ее вывода на уровень Южного федерального округа будет объединена с Северной Осетией.

Масштабы экспорта юго-осетинской продукции в Россию останутся незначительными вследствие ограниченности транспортных и производственных возможностей. Развитие туризма будет сдерживаться из-за слабой инфраструктуры и плохого (в первую очередь по психологическим причинам) сервиса.

Помимо восстановления жилья, транспортной и энергетической инфраструктуры, для благополучия Южной Осетии достаточно:

- создания военной базы для защиты от новых попыток агрессии (после восстановления грузинской армии) с максимальным привлечением местного населения к ее строительству и обслуживанию, а также к службе по контракту;

- максимальной ориентации всех работ на местные, а не завозимые из России ресурсы;

- подготовки местных кадров.

Местной спецификой является отсутствие финансового контроля.

Если Абхазия стала государством, то Южная Осетия возникла как сообщество людей, защитивших себя от истребления. Государственность не сложилась во многом из-за малонаселенности и незначительности ресурсов.

Масштабы хозяйственной деятельности мизерны: на одном из крупнейших в промышленности заводе «Эмальпровод» занято 130 человек, а директору одного из более или менее успешных предприятий — лесокомбината — наиболее реальным источником средств видится реализация на металлолом 50 тонн оборудования. Вырученные за него 175 тыс. руб. (из которых еще надо вычесть стоимость транспортировки), по мнению директора, «могут дать реальный толчок к развитию производства».

В 1990-х и до 2004 года Южная Осетия получала ключевую часть доходов от контрабанды из Грузии в Россию. Предпринятая в конце прошлого десятилетия попытка командующего Пограничными войсками Федеральной пограничной службы РФ остановить контрабанду привела к его отставке.

Михаил Саакашвили, стремясь подавить «сепаратизм», пресек масштабную контрабанду, и, хотя частная торговля с Грузией сохранилась, Южная Осетия, по сути, перешла на иждивение России несмотря на отрицание этого факта. Эксперты неоднократно обвиняли российских военных и власти Южной Осетии в том, что они для присвоения средств серьезно завышали число людей, получающих выплаты от Москвы.

В 2008-м Комитет госконтроля и экономической безопасности Южной Осетии по поручению главы республики Эдуарда Кокойты провел проверки, в результате которых выявились колоссальные хищения электроэнергии и газа (в основном, правда, в частных организациях). Главной причиной низкой собираемости платы за электроэнергию и газ называли отсутствие в селах счетчиков, наличие необрубленных деревьев, которые становятся причиной обрыва на

линии, а также изношенность газопровода. В ряде случаев электрики подстрекали жителей портить счетчики, обещая им за взятку возможность временно не платить за электроэнергию.

Признание независимости Южной Осетии создает предпосылки для осуществления финансового контроля, в том числе за российскими деньгами. Развитие республики должно послужить примером того, как установить жесткий финансовый контроль в наименее пригодных для этого условиях, а также показать, что существуют финансисты, способные сделать это.

Для успеха Южной Осетии достаточно перечисленных выше мер при условии введения финансового контроля, без которого невозможна никакая осмысленная политика. Поэтому требуется внешнее финансовое управление Южной Осетией. При его эффективности она сможет выйти даже на самофинансирование (отсутствие прямых бюджетных трансфертов при реализации на ее территории федеральных программ — военных, инфраструктурных, туристических и кадровых).

Цель проекта «Южная Осетия» — нормализация жизни в республике с целью воссоединения осетинского народа в рамках Российской Федерации. В силу полной зависимости от России Южная Осетия — это наиболее показательный пример, по которому другие народы Грузии будут судить о способности или неспособности России осуществлять развитие. Превращение Южной Осетии в «витрину процветания» ослабит грузинский режим. Сохранение же республики как «витрины убожества», уступающей по уровню жизни и развития даже бедным районам Грузии, докажет несостоятельность Москвы.

Отклики и рецензии

“ В течение полувека кубинские власти лишили народ элементарных прав человека под предлогом защиты национального суверенитета от посягательств империалистов. Главный лозунг был «Социализм или смерть». Наш девиз, кубинских правозащитников — «Свобода и жизнь!» ”

«Не те перемены, которые требует народ»

Освальдо Пайя Сардиньяс

202

Реальный инструмент мира *Бахтияр Тузмухамедов*

205

Тяжело в учении — легко на рынке вооружений

Михаил Дмитриев

208

Мировая политика: в зеркале соперничества или сотрудничества?

Сергей Ознобищев

210

«Не те перемены, которые требует народ»

Освальдо Пайя Сардиньяс

В журнале «Россия в глобальной политике» (№ 4, 2008 г.) опубликована статья кубинского экономиста Элиаса Амора Браво, посвященная перспективам перемен на Кубе. Автор живет в эмиграции, поэтому хотелось бы дополнить его размышления заметками очевидца.

Два с небольшим года назад, в один из воскресных дней мы вместе с женой и тремя нашими детьми возвращались с церковной службы. Еще издали увидели рядом с домом огромную толпу. Люди были чрезвычайно возбуждены, создавалось впечатление, что они чем-то торгуют, словно на базаре, но не могут договориться друг с другом.

Но это был не базар. Когда мы подошли к дому, то увидели, что толпа ждет нас. Кто-то начал фотографировать, кто-то стал тыкать в нас пальцем, крича: «Пайя — гуса-

но» («червяк», так называют на острове противников режима Кастро. — **Ред.**) и «Пайя — агент ЦРУ». Кругом стояли полицейские машины, люди в униформе были и в толпе. Напротив дома, в котором я прожил 56 лет, были установлены огромные щиты, на которых в карикатурном виде изображался президент Буш и люди, извивающиеся, как червяки. Когда мы приблизились, организаторы собрания стали скандировать через мегафоны: «Родина или смерть» и «Кубинские диссиденты — предатели».

Подобное действо на Кубе называется «актом народного несогласия». Они организуются властями, стремящимися продемонстрировать, что против их политических противников выступает не правительство, а «сам народ», соседи «гусанос» по кварталу. Подобных «спонтанных

Освальдо Пайя Сардиньяс — лидер оппозиционного Христианского движения за освобождение и один из самых известных на Кубе диссидентов. За свою деятельность по защите прав человека получил от Европарламента премию им. Андрея Сахарова и другие престижные международные награды.

актов народного гнева» нам довелось увидеть великое множество, но я рассказываю об этом, потому что он произошел 29 июля 2006 года. Через два дня было объявлено, что Фидель Кастро тяжело болен и передает свои полномочия брату Раулю.

Что изменилось для кубинцев за эти два года?

В последние месяцы на Кубе произошли некоторые позитивные преобразования. Отменены наиболее архаичные запреты, политика в социальной области стала немного более гибкой. Однако без радикальных демократических реформ эти нововведения лишь усиливают неравенство. Кубинцы по-прежнему лишены возможности объединяться в ассоциации. Свободных профсоюзов нет. Правительство дало понять, что никакого серьезного частного предпринимательства оно не потерпит.

Власти продолжают относиться к собственному народу с пренебрежением. Нам никто не объяснил сущность этих «реформ», никто не сказал, какие меры собирается принять правительство в будущем. Вся информацию кубинцы по-прежнему черпают из сообщений зарубежных СМИ. Нам из-за границы рассказывают, что происходит на Кубе и что нас может ждать в будущем.

В тюрьмах остаются десятки представителей различных политических групп оппозиции, журналистов и ученых. Они никогда не участвовали ни в каких антиправи-

тельстванных заговорах, не замыслили переворотов. Их приговорили к длительным (до 30 лет) тюремным срокам лишь за то, что они осмелились поддержать Проект Варелы – документ, призывающий власти провести честные свободные выборы, провозгласить широкую амнистию, дать народу право голоса. Судя по всему, правительство Рауля Кастро и не думает освобождать этих невинно осужденных.

«Актв несогласия» стало меньше. Но сейчас, летом 2008 года, в нашем доме вот уже несколько недель отключена телефонная связь, а за членами моей семьи продолжают следить агенты органов государственной безопасности. Фасады соседних домов по-прежнему «украшены» лозунгами «Пайя – предатель революции» и «Пайя выполняет приказы Буша», которые появились здесь лет семь назад. Их написали черной краской, которую не смогли смыть тропические ливни. Один из руководителей местного отделения компартии постарался, чтобы они сохранились надолго. Кстати, этот господин, чью фамилию я не хочу называть, недавно умер в Соединенных Штатах. В конце 2007 года он бежал с острова вместе со своей женой, а в Америке его уже ждали дочь и внуки.

В последние месяцы Рауль Кастро выступил с парой реверансов в адрес Белого дома. Но одновременно власти усилили пропагандистскую кам-

панию против США. Гавана обвинила Вашингтон в том, что он финансирует и вдохновляет протесты оппозиции, приглашает диссидентов на дипломатические приемы, дает им возможность участвовать в видео-конференциях, предоставляет доступ к Интернету. Любая связь с иностранными дипломатами, как и раньше, может быть расценена как государственная измена.

Минувшей весной мы увидели, что прежде закрытая дверь страны приоткрывается. Но когда попытались разглядеть что там, на воле, эту дверь захлопнули перед нашим носом.

Нынешние полумеры — совсем не то, чего ждут кубинцы. Мы хотим новой, свободной жизни. Кто-то надеется найти эту новую жизнь лишь в Америке. Но подавляющее большинство не покинет страну, оно будет добиваться изменений на родине.

Некоторые зарубежные правительства и институты, интеллектуалы, религиозные деятели совершают ошибку, воспринимая половинчатые меры кубинских властей, не дающие народу права на свободу, как некий

«переходный период», существование которого может быть морально оправдано. Они принимают молчание кубинцев за готовность выдерживать еще несколько лет тоталитаризма. «Прагматизм» такого рода со стороны зарубежных наблюдателей дает режиму карт-бланш на продолжение антинародной политики. О каких изменениях в сторону большей свободы и демократии можно говорить, если подавляющее большинство тех, кто борется за перемены, находится в тюрьмах? Это не реформы, не перестройка и гласность Михаила Горбачёва. Это не начало демонтажа Берлинской стены. Плохо продуманные меры Рауля Кастро приняты лишь для того, чтобы слегка припудрить непривлекательное лицо режима.

В течение полувека власти лишали наш народ элементарных прав человека под предлогом защиты национального суверенитета от посягательств империалистов. Главный лозунг на Кубе был «Социализм или смерть». За полвека мы убедились, что эти слова означают одно и то же. Наш девиз, кубинских правозащитников — «Свобода и жизнь!»

Реальный инструмент мира

Бахтияр Тузмухамедов

Заемский В.Ф. ООН и миротворчество. Курс лекций. — М.: Международные отношения, 2008. — 312 с., ил.

Дипломаты не так часто публикуют под собственной фамилией труды по актуальным вопросам внешней политики, к решению которых они непосредственно причастны. Тому много причин — от деликатности самих проблем до нехватки свободного времени. Автор рецензируемой работы, заместитель директора Департамента международных организаций МИДа России Владимир Заемский, изящно обходит первое препятствие, назвав свое исследование «курсом лекций». Это не уловка: в основу книги действительно положен специальный курс, который автор, кандидат политических наук, читает в МГИМО (У). Что до второго препятствия, то оно преодолевается невероятной работоспособностью и усидчивостью, чему свидетель сам рецензент, наблюдавший трансформацию Заемского из «территориалиста» — специалиста по Латин-

ской Америке в «международника» — эксперта в сфере многосторонней дипломатии.

Вниманию читателя предлагается разноплановое рассмотрение одного из наиболее востребованных в современных условиях направлений деятельности Организации Объединенных Наций. В работе, в которой широко использован целый ряд документов и литературных источников, прослеживается эволюция операций по поддержанию мира (ОПМ) в их исторической связи. Весьма важны воззрения автора на перспективы ОПМ, их нынешнее и будущее место в системе мер обеспечения международной безопасности.

Автор опирается на личный опыт работы в органах ООН, прежде всего в Совете Безопасности и Специальном комитете по ОПМ, что добавляет убедительности его выводам. Особую ценность представляет раскрытие малоизвестных особенностей процедур и методов принятия решений в органах ООН, а также пери-

Б.Г. Тузмухамедов — профессор Дипломатической академии МИД РФ, ветеран операций ООН в бывшей Югославии.

петий вокруг выработки мандатов ряда современных ОПМ.

Не могу не вспомнить собственный опыт участия в операции по поддержанию мира в Боснии и Герцеговине. Нам, военным и гражданским, нередко приходилось ломать голову над тем, как совместить действующий мандат миссии с изменениями и дополнениями, вносившимися в него очередной резолюцией Совета Безопасности. От руководителя боснийской части операции, опытного дипломата и ооновского аппаратчика Виктора Андреева требовалось немало терпения, чтобы разъяснить, в каких сложных и противоречивых условиях принимаются решения и как нам, работающим «на земле», эти решения творчески осмыслить и осуществить без ущерба для миссии и собственной безопасности.

Владимир Заемский поясняет, что выработка либо расширение мандата той или иной операции имеют место порой в условиях не только противоборства между членами Совета Безопасности, но и столкновения интересов наиболее влиятельных его членов с устремлениями стран — поставщиков воинских контингентов, каковыми традиционно являются такие государства, как, например, Пакистан, Индия, Бангладеш. Любопытно и наблюдение автора относительно роли Секретариата ООН: в подготавливаемых им проектах документов «вместо требуемой в ООН

открытости и плюрализма мнений довольно часто просматривается зангажированность в пользу односторонних решений, predetermined менталитетом наций, к которым принадлежит большинство сотрудников Секретариата (читай: западных стран. — Б.Т.)» (с. 80).

Рецензенту, являющемуся юристом-международником, весьма imponирует то, что автор уделяет внимание ряду важных юридических аспектов, связанных с подготовкой и проведением ОПМ. В работе нашлось место для обсуждения как общих правовых основ деятельности ООН по поддержанию мира и безопасности с использованием ОПМ, так и специальных тем, таких, как правовая защита участников операций, российское законодательство, определяющее порядок принятия решений о направлении для участия в ОПМ военнослужащих и гражданских специалистов.

Наконец, нельзя не отметить базисный на реальных фактах сценарий, предложенный в качестве основы для проведения деловой игры. Итоговое занятие, проходящее в такой форме, позволяет преподавателю оценить усвоенные студентами знания и навыки их применения, при необходимости вносить коррективы в сценарий по мере развития ситуации, а также дорабатывать и совершенствовать спецкурс.

При этом следует сказать, что структура работы, с моей точки зре-

ния, не вполне совершенна. В ее основе, как было сказано выше, лежит спецкурс, читаемый Заемским, но работа вполне «тянет» на научное издание, и поэтому разделы, ныне обозначенные как «лекции», можно было бы преобразовать в главы, предусмотрев – по мере необходимости – их разбивку на параграфы.

В издании предложен обзор российской и иностранной литературы по анализируемой проблематике, при этом автор не выступает в качестве постороннего наблюдателя, а дает собственную оценку приводимым им трудам. Однако данный обзор представляется далеко не полным, даже в описании работ видного дипломата и ученого Владимира Фёдорова, вкладу которого во всестороннее изучение деятельности ООН по поддержанию международного мира и безопасности Заемский заслуженно дает высокую оценку. Обойден вниманием наиболее фундаментальный труд Фёдорова «Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке» (М., 2005), увидевший свет незадолго до его кончины. Да и много ранее, в 1960–1970-х годах, отечественные авторы разра-

батывали тематику ОПМ (см. работы Э.С. Кривчиковой, В.С. Семёнова и др.), даже если в те времена наши оценки ОПМ существенно отличались от нынешних.

Более полный обзор или хотя бы перечень литературы имеют и важное методологическое значение: с их помощью студент, освоивший данный спецкурс и заинтересованный в углубленном освоении проблематики, сможет сделать первые шаги в собственном научном поиске. Работа выиграла бы, найдись в ней место ссылкам на наиболее важные и достоверные электронные источники информации по рассматриваемым вопросам.

Сделанные замечания – это скорее пожелания и советы. Они никак не снижают положительную оценку рецензируемого труда, который, уверен, найдет применение в учебном процессе не только в МГИМО (У), но и в других учебных заведениях. Причем как в гражданских, так и в специализированных, в частности в системе Министерства обороны РФ (курсы подготовки военных наблюдателей ООН) и Министерства внутренних дел РФ (курсы подготовки гражданских полицейских).

Тяжело в учении — легко на рынке вооружений

Михаил Дмитриев

***М.С. Барабанов, К.В. Макиенко,
Р.Н. Пухов, А.Л. Рыбас. Военно-
техническое сотрудничество России с
зарубежными государствами: анализ
рынков / Под редакцией А.Л. Рыбаса.
— М.: Наука, 2008. — 470 с. — ISBN
978-5-02-036790-6***

Положительная динамика экспорта российских вооружений (начиная с 2001 года) — общеизвестный факт. С тех пор произошло почти двукратное его увеличение, и в 2007-м он превысил 7 млрд долларов США. Учитывая рост заказов от импортеров, можно с уверенностью утверждать, что положение России на оружейном рынке остается устойчивым.

В то же время конкуренция на мировом рынке оружия растет. Рынок наполняется новыми продуктами традиционных поставщиков из Европы и Северной Америки. На него стремительно выходят новые игроки из числа стран так называемого «второго эшелона». Шире становится сфера самого оружейного рынка: возрастает

роль международных консорциумов и совместных программ, осваиваются новые ниши оборонной продукции, развивается сектор услуг. Особое значение приобретает сегодня вопрос совершенствования послепродажного сервиса и логистики. В складывающихся условиях перед российскими властными структурами и промышленностью встает задача подготовки управленческих кадров наряду с техническими специалистами.

В целях формирования кадрового резерва в прошлом году было принято решение об открытии при ведущих российских вузах соответствующих кафедр, готовящих специалистов в области оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и военно-технического сотрудничества (ВТС). Это такие широко известные в России и за рубежом учебные заведения, как МГИМО (У), МГТУ им. Баумана, МФТИ, МИФИ, МАИ. Большим событием для всех участников сферы ВТС стало начало занятий на этих кафедрах с 1 сентября 2008 года.

М.А. Дмитриев — директор Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству.

Знаковым стало и то обстоятельство, что в нашей стране появилось серьезное специализированное учебное издание, комплексно раскрывающее проблемы ВТС. Добился этого коллектив авторов, возглавляемый Александром Рыбасом, руководителем одного из ведущих и успешных российских экспортеров продукции военного назначения — ГУП «КБ приборостроения» (г. Тула).

В авторский коллектив входят авторитетные члены российского экспертного сообщества. Руслан Пухов и Константин Макиенко — основатели и руководители ведущего российского неправительственного исследовательского центра по вопросам изучения ВТС и ОПК. Их коллега Михаил Барabanов — известный эксперт в области ВТС, качественные аналитические материалы которого публикуются в журнале «Экспорт вооружения».

Учебное пособие этого авторского коллектива предлагает вниманию читателя комплексное исследование мирового рынка вооружений. Оно проведено в двух плоскостях — географической и продуктовой; в каждом случае выделено девять секторов рынка. Отдельной главой представлен анализ деятельности России на мировом рынке вооружений в 1999–2007 годах.

Хочу обратить внимание на значительную работу, проведенную авторами, по поиску, систематизации и анализу большого количества источников по теме ВТС. Сложность при подго-

товке данного специализированного пособия заключалась в том, что система ВТС является достаточно закрытой, что порождает множество спекуляций и слухов. Как представляется, авторам удалось «отделить зерна от плевел» и вынести на суд читателя весьма объективное видение господствующих в мире на сегодняшний день тенденций торговли оружием.

Отличительной особенностью пособия является также синтез торговли продукцией военного назначения и политического контекста, связанного с регионом либо конкретным государством. Тем самым представленный анализ выгодно отличается от многих ранее вышедших исследований на тему ВТС, в которых во главу угла ставились финансово-экономические показатели той или иной сделки. Учен и предыдущий опыт написания подобных пособий, часто упускавших из виду специфические особенности, присущие как продавцу, так и покупателю вооружения и военной техники (ВВТ).

Особый интерес для российского читателя представит глава, посвященная анализу роли и места России на мировом рынке вооружений. До настоящего времени основными «поставщиками» информации о российском экспорте ВВТ являлись зарубежные издания. Считаю, что попытка авторов предложить четкое видение места и роли российского оборонного комплекса на мировом рынке удалась. Данная глава ценна

анализом тенденций и рассмотрением главных рисков для системы российского ВТС в ближне- и среднесрочной перспективе.

Единственное, чего не хватает для столь солидного научного и тем более учебного издания, — это список литературы и ссылка на источники основных документов, регламентирующих военно-техническое сотрудничество в России.

Для полноты анализа было бы целесообразно ввести раздел о составных частях военно-технического сотрудничества, которые наиболее часто применяются мировыми экспортерами продукции военного

назначения в настоящее время и которые могут стать доминирующими в ближайшем будущем, как, например, офсетные сделки.

В целом следует отметить, что наличие подобной литературы позволит приступить к программам обучения молодых специалистов по ВТС уже с готовым качественным образовательным инструментом, за который авторский коллектив заслуживает особой благодарности. Впрочем, данный труд следует рекомендовать также и действующим служащим системы военно-технического сотрудничества и работникам оборонно-промышленного комплекса.

Мировая политика: в зеркале соперничества или сотрудничества?

Сергей Ознобищев

Мировая политика: Учебное пособие. Государственный университет — Высшая школа экономики // Под ред. С.В. Кортунова. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. — 536 с. — ISBN 978-5-7598-0517-5.

Рецензируемая работа представляет собой сборник трудов известных

ученых, ярких и самобытных авторов, сумевших представить противоречивую картину современной мировой политики. Это — очень честная книга, а такая характеристика может быть дана в последнее время далеко не многим работам в сфере политики и политологии, серьезно затронутой вирусом сервильности. Объек-

С.К. Ознобищев — заведующий сектором ИМЭМО РАН.

тивность представленного анализа особенно важна потому, что рецензируемая работа является учебным пособием для студентов.

Необходимость проделанного авторами углубленного многофакторного изучения процессов, происходящих в мировой политике ныне, продиктована и тем, что, как отмечает один из участников исследования, Юрий Рубинский, на рубеже второго и третьего тысячелетия «человечество вступило в качественно новый этап своей истории» (с. 11), или, по выражению Сергея Караганова, в «Новую эпоху» (с. 5).

Среди политологов сегодня нет единства в отношении схемы построения современного мира. В этой связи интересна и оправданна содержащаяся в книге описательная характеристика конструкции мира, данная в динамике развития. Делается вывод о том, что «на протяжении XX века... осуществлялся переход от многополюсности к двухполюсности, а затем от двухполюсности к новой, усложненной многополюсности» (с. 64). При этом, отмечают авторы, неоднократно предпринимались «попытки установления однополюсного миропорядка».

Последняя из них относится к началу нынешнего столетия, когда достигли пика усилия Вашингтона по реализации притязаний на одностороннее лидерство. Сергей Кортунов называет систему мироустройства с 1991 по 2001 год «полицентри-

ческой однополярностью» (с. 87). Началом крушения однополярного мира, по его мнению, можно считать террористические акты в Соединенных Штатах 11 сентября 2001-го.

Именно в тот день американцы осознали свою уязвимость, что резко контрастировало с колоссальной военной мощью, аккумулированной Вашингтоном. Оказалось, что в современном мире даже самая оснащенная и обученная армия не может обеспечить защиту национальных интересов вообще и интересов национальной безопасности в частности. Сила должна подкрепляться умной и дальновидной политикой: лишь тогда она способна служить этим интересам, а не подрывать их.

Последующие действия Соединенных Штатов подтвердили правильность данного соображения. Вместо того чтобы способствовать объединению антитеррористического фронта ведущих мировых держав, начавшегося было складываться, и даже по возможности возглавить его, администрация Белого дома приняла решение укрепить пошатнувшийся авторитет, проведя маленькую «победоносную войну» против Ирака.

Начатая без одобрения мирового сообщества и вопреки нормам международного права, эта военная акция восстановила против Вашингтона многие страны, включая союзников в «старой Европе» — Германию и Францию. Иракская кампания

разрушила представление о США как о мировом лидере, обладающем авторитетом и силой, способном отстаивать, защищать и продвигать ценности западного мира.

В результате мы стали свидетелями не только того, что на обозримую перспективу однополярность исчезает как фактор международных отношений. Продолжает сужаться и возможность построения серьезных партнерских отношений между Россией и Америкой — прежде всего в силу того, что, как верно указывается в работе, «стороны руководствуются тактическими и чисто прагматическими соображениями, преследуя каждая свои цели» (с. 113).

Абсолютно оправданно внимание, которое уделяется в издании проблеме утраты управляемости международной системы в целом. Новаторскими и, безусловно, полезными для студентов окажутся предложенные определения понятий управляемости и регулирования. Однако можно ли утверждать, как это делают авторы, что именно глобализация привнесла в перечень «сфер и областей, по которым международная система представляет собой единое целое» еще один элемент — «целостность в сфере безопасности» (сс. 120, 121)?

Представляется, что понимание целостности в этой сфере было достигнуто еще во времена Горбачёва, но насколько эта целостность отражается в практической политике, вызывает всё большие сомнения.

Достаточно обратить внимание на ускоряющийся развал наработанных десятилетиями системы контроля над вооружениями, на ставшее уже угрожающим неудовлетворительное состояние ее отдельных областей, и в первую очередь сферы нераспространения оружия массового уничтожения.

Именно как кризис контроля над вооружениями расценивает сложившуюся ситуацию известный эксперт в сфере военной политики Павел Золотарёв. Причина этого явления в значительной степени кроется в инерции мышления и сохранении военной машины холодной войны. В частности, концепции национальной безопасности ведущих стран и их объединений (НАТО, например) в основном обращены к угрозам «вчерашнего дня». Своеобразная ситуация сложилась с доктринальными документами в этой сфере в России — ведь ключевые из них появились в 2000 году, но, как справедливо отмечается в работе, они «не объединены общим замыслом, не образуют системы, а лишь отражают настойчивость тех или иных руководителей ведомств в отстаивании своих интересов» (с. 220).

Сегодня основным ресурсом развития России остается энергетический сектор. Переход к модернизации экономики, модели инновационного развития возможен лишь на базе серьезных системных решений, позволяющих использовать существен-

ные доходы, которые Россия, во многом неожиданно для себя, начала получать в XXI веке. Однако есть проблемы, требующие решения и в самом энергетическом секторе. О них говорит в книге академик Нодари Симония. Он верно замечает, что в сфере «энергетического сотрудничества» России с другими странами «нескончаемая дуэль» идет лишь на «политическом, дипломатическом и общебюрократическом» уровне, а на уровне «реального... сотрудничества» продолжается «размеренная неустанная работа» (с. 281).

Большой разговор о мировой политике, ведущийся на страницах книги, детализируется на примере отдельных регионов. Интересны выводы и прогнозы в отношении «фактора США» в современном мире (Анатолий Уткин), анализ эволюции Европейского союза и отношений с ним России (Тимофей Бордачёв), постсоветского пространства (Андрей Суздальцев).

Поучителен вывод Георгия Мирского относительно реалистичности перспектив переориентации российской политики (в «противовес» явно хромающему партнерству с Западом) на «восточное направление». Объективно оценивая возможность такой переориентации, он утверждает, что «речь идет об опасной иллюзии» (с. 393).

Определенной практической рекомендацией, следующей из предпринятого анализа мировой политики, можно считать вывод, к которому приходит Фёдор Шелов-Коведяев. Он справедливо замечает, что «давно пора прекратить выяснять, кто кому более нужен — Запад России или она ему, и кто кого. Мы в равной степени нужны сейчас друг другу» (с. 413). И только при выполнении этого ключевого условия мы сможем всерьез взяться за совместное решение больших и малых мировых проблем, о которых говорится в издании.

Алфавитный указатель статей, опубликованных в 2008 году

- Адамишин А. О прошлом, которое продолжается // т. 6, № 3
Айкенберри Д. Подъем Китая и будущее Запада // т. 6, № 5
Аксенёнок А. Смена парадигмы // т. 6, № 5
Амор Bravo Э. Куба: реформы или их имитация? // т. 6, № 4
Арбатов А. Не разбрасывать камни в стеклянном доме // т. 6, № 3
Арбатов Г. «Нам грозит более опасный период, чем холодная война» // т. 6, № 1
Ахундов Ф. Кто виноват в карабахском тупике? // т. 6, № 1
Барма Н., Вебер С., Ратнер Э. Мир без Запада // т. 6, № 4
Бергстен Ф. Партнерство равных // т. 6, № 5
Беттс Р. Упорядоченная оборона // т. 6, № 1
Бжезинский З. «Идея сдерживания когда-то превратилась в догму» // т. 6, № 1
Боргерсон С. Таяние арктических льдов // т. 6, № 3
Бордачёв Т. Пределы рационального выбора // т. 6, № 5
Бордачёв Т., Лукьянов Ф. Время разбрасывать камни // т. 6, № 2
Буторина О. Валютный театр: драма без зрителей // т. 6, № 2
Валлерстайн И. Куда идет наш мир? // т. 6, № 5
Вега Наварро А. де ла Как объединить ОПЕК и ВТО // т. 6, № 4
Вишневецкий А. Многополярность и демография // т. 6, № 1
Власов А. Конец многовекторности // т. 6, № 5
Воронцов А., Ревенко О. Южная Корея в поисках баланса // т. 6, № 6
Гати Т. Возобновляемая энергия и будущее России // т. 6, № 4
Гилман М. Россия и глобальная инфляция: непредвиденный кризис // т. 6, № 2
Головнин В. Прошлое как оружие // т. 6, № 6
Голотюк Ю. На страже белого безмолвия // т. 6, № 3
Гомар Т. Европа, Россия, США: новые величины старого уравнения // т. 6, № 1
Гомар Т. Россия одна навсегда? // т. 6, № 5
Грачёв А. Шанс, которым не воспользовались // т. 6, № 5
Гривач А., Денисов А. Успехи и неудачи «энергетической сверхдержавы» // т. 6, № 2
Грэм Т. Взгляд поверх геополитических баталий // т. 6, № 5
Гэдди К. Управление рентой как основа стабильности // т. 6, № 1
Делягин М. Полигон модернизации и «витрина успеха» // т. 6, № 6
Дробижеева Л. Возможен ли конструктивный национализм? // т. 6, № 6
Дубинин С. Новая Антанта // т. 6, № 6
Дубнов А. Поле битвы – ОБСЕ // т. 6, № 4
Есин В. Ядерное разоружение: проблемы и перспективы // т. 6, № 1
Загорский А., Энтин М. Зачем уходить из ОБСЕ? // т. 6, № 4
Зевелёв И. Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве // т. 6, № 1
Золотарёв П. Противоракетная оборона: история и перспективы // т. 6, № 3

- Кандель П. «Балканизация» Европы vs «европеизация» Балкан // т. 6, № 3
- Караганов С. Новая холодная война // т. 6, № 5
- Кейган Р. Парадигма 12 сентября // т. 6, № 6
- Киммитт Р. Следы государства на частных рынках // т. 6, № 2
- Китинг М. Новый регионализм как возможность // т. 6, № 4
- Китинг П. Шестнадцать потерянных лет // т. 6, № 5
- Кон-Бендит Д. «Мы слишком много требуем от современности» // т. 6, № 3
- Кордесман Э. Война в Грузии и век «реальной силы» // т. 6, № 5
- Коробков А. Миграционная политика США: уроки для России // т. 6, № 3
- Крашенинникова В. Война на аутсорсинге // т. 6, № 1
- Куртов А. Победа без столкновения // т. 6, № 4
- Лавров С. Россия и мир в XXI веке // т. 6, № 4
- Лайн Р. От мегафона к микрофону? // т. 6, № 6
- Ливен Д. Россия как империя и периферия // т. 6, № 6
- Лиухто К. Как развязать Gordiev узел между ЕС и Россией? // т. 6, № 1
- Ломанов А. Многополярная гегемония // т. 6, № 5
- Ломанов А. Транзит без пункта назначения // т. 6, № 2
- Лукин А. Внешняя политика: от постсоветской к российской // т. 6, № 6
- Лукин В. Глобальная роль России и европейская идентичность // т. 6, № 1
- Лукоянов А. Иран: взгляд без предубеждения // т. 6, № 1
- Лэйни Д., Шеплен Д. Восточный закат Вашингтона // т. 6, № 6
- Маркедонов С. Региональные конфликты: перезагрузка // т. 6, № 5
- Махбубани К. Запад в роли ответчика // т. 6, № 4
- Миллер А. История империй и политика памяти // т. 6, № 4
- Миллер А. Нация-государство или государство-нация? // т. 6, № 5
- Минасян С. Мораторий на ДОВСЕ и Южный Кавказ // т. 6, № 3
- Мишгеймер Д. Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне // т. 6, № 6
- Морозов В. Европа: ориентация во времени и пространстве // т. 6, № 3
- Мошес А. Особый случай? // т. 6, № 2
- Мукомель В. Наступить на чужие грабли или найти свои? // т. 6, № 3
- Мюллер Д. Мы и они // т. 6, № 3
- Наср В., Такей Р. Цена сдерживания Ирана // т. 6, № 1
- Овчинский В. 11 сентября наоборот // т. 6, № 5
- Овчинский В. Диктатура закона: промежуточные итоги // т. 6, № 2
- Паин Э. Общество без традиций перед вызовами современности // т. 6, № 3
- Паньков В. Новое соглашение с ЕС: экономические аспекты // т. 6, № 3
- Портяков В., Уянаев С. Растущий треугольник // т. 6, № 6
- Робен Г. Образ России как зеркало Запада // т. 6, № 4
- Рыбас А. Прорыв на мировой рынок вооружений // т. 6, № 2
- Сапир Ж. Возможности и риски «гавани стабильности» // т. 6, № 2
- Сафранчук И. Путешествие в разных лодках // т. 6, № 5
- Стюарт С. Россия и ЕС: экономика как катализатор политики // т. 6, № 2

- Сухов И. «Вертикаль власти» и самосознание нации // т. 6, № 2
Терентьев А. Американские выборы и внешняя политика // т. 6, № 1
Тишков В. Российский народ и национальная идентичность // т. 6, № 4
Торнтон Д. Долгий путь // т. 6, № 2
Тынянова О. Сила и слабость вертикали власти // т. 6, № 4
Фишер С. Евросоюз и Россия: как спасти партнерство // т. 6, № 3
Фурман Д. Развилка-2008 // т. 6, № 2
Хаас Р. Эпоха бесполярного мира // т. 6, № 4
Хэнсон Ф. Россия и ЕС: энергетическое сотрудничество неизбежно // т. 6, № 1
Чанда Н. Национальные страхи и будущее глобализации // т. 6, № 3
Шеперс С. XXI век и заветы Жана Монне // т. 6, № 6
Шерр Д. Россия и Запад: переоценка // т. 6, № 2
Шлыков В. Война с неизвестной целью // т. 6, № 5
Шлыков В. Демонополизация информации // т. 6, № 4
Эмерсон М. Пора готовить стратегическую сделку с Россией // т. 6, № 4
Эркомашивили Д. Новый шанс на лидерство // т. 6, № 5
Язькова А. «Слоеный пирог» национальной политики // т. 6, № 1

Рецензии и отклики

- Ахундов Ф. Кто виноват в карабахском тупике? // т. 6, № 1
Дегоев В. Рискованные эксперименты // т. 6, № 1
Дмитриев М. Тяжело в учении – легко на рынке вооружений // т. 6, № 6
Дубинин Ю. «Самый знаменитый из французов» // т. 6, № 2
Караганов С. Уроки модернизации Ближнего Востока // т. 6, № 2
Крючкова О. Культура, которая объединяет // т. 6, № 4
Кузяков А. Демократия – урок или приговор истории? // т. 6, № 3
Маргелов М. Многомерность политической вселенной // т. 6, № 1
Мирский Г. Тройной блеф Саддама Хусейна // т. 6, № 1
Ознобищев С. Мировая политика: в зеркале соперничества или сотрудничества?
// т. 6, № 6
Пайя Сардиньяс О. «Не те перемены, которые требует народ» // т. 6, № 6
Паньков В. Новое соглашение с ЕС: экономические аспекты // т. 6, № 3
Стюарт С. Россия и ЕС: экономика как катализатор политики // т. 6, № 2
Тренин Д. Энциклопедия экспорта вооружений? // т. 6, № 4
Тузмухамедов Б. Реальный инструмент мира // т. 6, № 6
Фишер С. Евросоюз и Россия: как спасти партнерство // т. 6, № 3
Юрьева Т. Дебалканизация Юго-Восточной Европы? // т. 6, № 3

Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events—turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington—this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO

FOREIGN AFFAIRS

“The most influential periodical in print.” —*TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” —*FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America’s many foreign policy journals.” —*FINANCIAL TIMES*

SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*: One year only US\$57.00!

You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.
TEL: (386)445-4662 FAX: (368)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoast.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ**
Сергей Александрович
(председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, зам. директора Института Европы РАН, декан факультета мировой политики и мировой экономики ГУ – ВШЭ
- АВДЕЕВ**
Александр Алексеевич
(в личном качестве) министр культуры РФ
- АРБАТОВ**
Алексей Георгиевич член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ Мартти** президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич**
(заместитель председателя) д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН Фред** доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
- БИЛЬДТ Карл**
(в личном качестве) министр иностранных дел Швеции
- ГРИГОРЬЕВ**
Владимир Викторович
(в личном качестве) советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
- ЖУКОВ**
Александр Дмитриевич
(в личном качестве) заместитель председателя Правительства РФ
- ЗВЕРЕВ**
Сергей Александрович президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
- ИВАНОВ Игорь Сергеевич**
(в личном качестве) к. и. н., профессор МГИМО (У) МИД России
- КАЙЗЕР Карл** профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
- КОЖОКИН**
Михаил Михайлович к. и. н., заместитель президента – председателя правления ЗАО «Внешторгбанк. Розничные услуги»
- КОКОШИН**
Андрей Афанасьевич академик РАН, заместитель председателя Комитета Государственной думы РФ по науке и технологиям, директор Института проблем международной безопасности РАН
- КОЛЬ Гельмут** канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОМИССАР**
Михаил Витальевич генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
- КОПЬЕВ**
Вячеслав Всеволодович к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
- КУЗЫК Борис Николаевич** член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий

КУЗЬМИНОВ Ярослав Иванович	к. э. н., доцент, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики
ЛАВРОВ Сергей Викторович (в личном качестве)	министр иностранных дел РФ
ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика», президент фонда «Русский мир»
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., глава общественного комитета «Россия в объединенной Европе»
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	академик РАН, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент
ХОУГ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ШМЕЛЁВ Николай Петрович	академик РАН, директор Института Европы РАН
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США

ЮРГЕНС
Игорь Юрьевич

к. э. н., председатель правления Института современного развития, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)

ЯСТРЖЕМБСКИЙ
Сергей Владимирович

к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН
Анатолий Леонидович

к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ

БУТОРИНА
Ольга Витальевна

д. э. н., советник ректора МГИМО (У) МИД России

ВИШНЕВСКИЙ
Анатолий Григорьевич

д. э. н., директор Центра демографии ГУ–ВШЭ

ДУБИНИН
Юрий Владимирович

профессор МГИМО (У) МИД России,
заслуженный работник дипломатической службы РФ

ГРИГОРЬЕВ
Леонид Маркович

к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН,
президент Института энергетики и финансов

ЛОМАНОВ
Александр Владимирович

д. и. н., главный научный сотрудник ИДВ РАН

МИРСКИЙ **Георгий Ильич**

д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН

ЭНТИН **Владимир Львович**

к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН **Владимир**
Олегович (председатель)

президент холдинговой компании «Интеррос»

ВАРДАНЯН **Рубен Карленович**

президент ЗАО ИК «Тройка Диалог»

ГЕНЕРАЛОВ **Сергей**
Владимирович

генеральный директор (президент) ООО «Промышленные инвесторы»

ЕВТУШЕНКОВ
Владимир Петрович

к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»

ЗЮЗИН **Игорь Владимирович**

к. т. н., генеральный директор ОАО «Мечел»

КУЗЬЯЕВ **Андрей Равелевич**

президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ
Валерий Михайлович

генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих *ИАТА*, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»

Журнал можно приобрести в магазинах:

В Москве:

- «Ad Marginem» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- В киосках «МН-Пресс»
- В киосках МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА

В Санкт-Петербурге:

- «Дом книги», Невский пр-т., 28

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»
или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»
Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: 10877

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Москва, ул. Гиляровского, 39
Тел.: (495) 681-9137, 681-9763
Факс: (495) 681-3798
E-mail: info@periodicals.ru <http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму East View Publications

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: 14216
для англоязычного издания: 14464

East View Publications
3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447, USA
Tel: 1-763-550-0961
Fax: 1-763-559-2931
E-mail: eastview@eastview.com
<http://www.eastview.com>

■ Агентство «Информнаука», тел. (495) 787-3873

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

Внимание!
Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

ПОДПИСНОЙ КУПОН	
Ф.И.О. получателя (полностью)	_____
Период подписки: I полугодие	☐ январь - февраль ☐ март - апрель ☐ май - июль
II полугодие	☐ июль - август ☐ сентябрь - октябрь ☐ ноябрь - декабрь
Форма доставки (услуга подорожная)	получение в редакции связанным письмом
Почтовый адрес (с индексом)	_____
Телефоны (код)	_____
E-mail	_____
Идентификационный номер (ИНН)	_____
Количество экземпляров	_____

Извещение

Форма № ПД-4	
«Фонд исследований мировой политики»	_____
(наименование получателя платежа)	_____
ИНН 7706617302	_____
(ИНН получателя платежа)	_____
№ _____ № р/с 40703810700410000002	_____
(номер счета получателя платежа)	_____
в ОАО "ОТП Банк", г. Москва	_____
(наименование банка и банковские реквизиты)	_____
к/с 30101810000000000311	_____
БИК 044525311	_____
Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"	_____
(наименование платежа)	_____
Сумма платежа _____ руб. _____ коп.	_____
Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	_____
Итого _____ руб. _____ коп.	_____

Кассир

Квитанция

Форма № ПД-4	
«Фонд исследований мировой политики»	_____
(наименование получателя платежа)	_____
ИНН 7706617302	_____
(ИНН получателя платежа)	_____
№ _____ № р/с 40703810700410000002	_____
(номер счета получателя платежа)	_____
(наименование банка и банковские реквизиты)	_____
к/с 30101810000000000311	_____
БИК 044525311	_____
Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"	_____
(наименование платежа)	_____
Сумма платежа _____ руб. _____ коп.	_____
Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	_____
Итого _____ руб. _____ коп.	_____

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН	
Наименование организации	_____
Период подписки: I полугодие	☐ январь - февраль ☐ март - апрель ☐ май - июль
II полугодие	☐ октябрь - ноябрь ☐ декабрь - январь
Форма доставки	☐ посылками и радиопочтой ☐ авиальным письмом
Юридический адрес	_____
Почтовый адрес (с индексом)	_____
Телефоны (код) _____	Факс (код) _____
E-mail _____	
Р/с _____	
Идентификационный номер (ИНН) _____	
Кодовое наименование _____	
Отвечающее лицо (Ф.И.О.) _____	

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

* * 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

* * 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)